Юрий Сушко

Клан Чеховых

кумиры Кремля и Рейха

Биографии великих
Неожиданный ракурс

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

Если бы вся изложенная здесь история родственников Антона Павловича Чехова не была бы правдой, то ее впору было бы принять за нелепый и кощунственный вымысел.

У великого русского писателя, создателя бессмертного «Вишневого сада», драматичного «Дяди Вани» и милой, до слез чувственной «Каштанки» было множество родственников, у каждого из которых сложилась необыкновенная, яркая судьба. Например, жена племянника Чехова, актриса Ольга Константиновна, была любимицей Третьего рейха, дружила с Геббельсом, Круппом, Евой Браун и многими другими партийными бонзами и в то же время была агентом советской разведки. Михаил Чехов, сын старшего брата Антона Павловича, создал в США актерскую школу, взрастившую таких голливудских звезд, как Мэрилин Монро, Энтони Куинн, Клинт Иствуд… А начался этот необыкновенно талантливый клан Чеховых с Антона Павловича, скромного и малоприметного уездного врача…

- Юрий Сушко
  -
  - Берлин, ноябрь 1940 года
  - Москва, март 1892 года
  - Москва, весна 1913 года
  - Петербург – Москва, 1914-й и другие годы
  - Москва, 1904 и 1914 годы
  - Москва, 1918 год
  - Москва, начало XX века
  - Москва, 1918 год
  - Москва – Берлин, 1921 год
  - Москва, 1922–1928 годы
  - Берлин, 1921–1922 годы
  - Берлин, Клюкштрассе, октябрь 1923 год
  - Германия, 20-е годы XX века
  - Куксхавен – Нью-Йорк – Голливуд, лето 1930 года
  - Рига – Каунас, 1932 год
  - Германия, 1933–1934 годы
  - США – Англия – США,1935–1938 годы
  - Параллель-1: Ялта – Москва (1900–1904), Берлин – Брюссель (1936–1938)
  - США, Коннектикут, Лос-Анджелес – 40-е годы XX века
  - Параллель-2: Берлин – Баденвейлер, 1904 и 1937 годы

- «Бергхоф», резиденция Гитлера в Баварских Альпах, 1938 год
- Франция, осень 1940 – декабрь 1941 года
- Озеро Крумме Ланке, дача Геббельса, июль 1941 года
- Москва – Берлин, 1943 год
- Крым, Верхняя Аутка, Белая дача – Берлин, 1943 год
- США, Голливуд, 1945-й и другие годы
- Берлин, март 1945 года
- Берлин – Москва, апрель – июль 1945 года
- Москва, май 1945 года
- Берлин, июль – август 1945 года
- Москва, ноябрь 1945 года
- Берлин, советская оккупационная зона, 1946 год
- США, 1946–1955 годы
- Москва – Германия, июнь 1953 года
- Москва, МХАТ, 1954 год
- США, 1955 год
- Мюнхен, осень 1955 года
- Мюнхен, 1962–1980 годы
- Ялта, октябрь – ноябрь 1903 года
- Действующие лица:
- Литература

- notes
  - 1
  - 2
  - 3
  - 4
  - 5
  - 6
  - 7
  - 8
  - 9
  - 10
  - 11
  - 12
  - 13
  - 14
  - 15
  - 16
  - 17
  - 18
  - 19
  - 20
  - 21

- ○ 22
- ○ 23
- ○ 24
- ○ 25
- ○ 26
- ○ 27
- ○ 28
- ○ 29
- ○ 30
- ○ 31
- ○ 32
- ○ 33
- ○ 34
- ○ 35
- ○ 36
- ○ 37
- ○ 38
- ○ 39
- ○ 40
- ○ 41
- ○ 42
- ○ 43

Юрий Сушко
Клан Чеховых: кумиры Кремля и Рейха

Слезы текли по лицу. Он думал о том, что вот он достиг всего, что было доступно человеку в его положении, он веровал, но всё же не всё было ясно, чего-то еще недоставало, не хотелось умирать; и все еще казалось, что нет у него чего-то самого важного, о чем смутно мечталось когда-то, и в настоящем волнует всё та же надежда на будущее…

А.П.Чехов. Архиерей

…Тихий ангел пролетел. Такая редкая минута для безмятежных раздумий и вероятных откровений… Вроде бы не обращая внимания на сидящего в кресле Куприна, Антон Павлович глядел на сад, на дальние кусты, тяжелые от дождя, и, словно про себя, говорил медленно и глухо:

– При мне здесь посажено каждое дерево… А прежде здесь был пустырь, нелепые овраги, все в камнях и чертополохах. Значит, можно и такую дичь превратить в красоту. Ведь климат тоже немножко в моей власти…

Но, не закончив фразы, вдруг заторопился, принялся извиняться, прощаться с гостем: «Простите, Александр Иванович, много дел. Заглядывайте завтра…», и ушел в дом. Оставшись один, сел за стол, положил перед собой рукопись последнего варианта пьесы и без сожаления вычеркнул заключительные слова монолога Лопахина: «Сад ваш страшен, и когда вечером или ночью проходишь по саду, … кажется, вишневые деревья видят во сне то, что было сто, двести лет назад, и тяжелые видения томят их…» Потом поверх вымаранных строк мелким, аккуратным почерком вписал слова, то ли услышанные, то ли привидевшиеся ему только что там, на террасе:

«…Но ведь может случиться, что на своей одной десятине он займется хозяйством, и тогда ваш вишневый сад станет счастливым, богатым, роскошным…»

Берлин, ноябрь 1940 года

– …А вот теперь представь, моя дорогая Ева, 1897 год, жаркий июльский день… Впрочем, прости, что я говорю?!. – рассмеялась Ольга Чехова. – Как ты можешь это представить, если тебя на свете тогда еще не было. Но я все-таки надеюсь на твою фантазию и воображение… Итак, старый армянский город Александрополь. Вокруг горы… Взрослые слишком заняты гостями. Нянька Мария куда-то отлучилась. В усадьбу украдкой проникает хищный шакал, выхватывает из колыбели трехмесячного ребенка в пеленках и – ныряет в можжевеловые кусты. Если бы не верный такс Фромм, поднявший тревогу и отважно бросившийся в погоню, я не сидела бы сейчас рядом с тобой, дорогая, и не пересказывала бы это душещипательное семейное предание…

– И мир не узнал бы выдающейся актрисы Олли Чеховой, – сочувственно вздохнув, подхватила Ева Браун[1], – государственной актрисы великого Рейха. Даже представить страшно… А может быть, благодаря тому шакалу ты стала бы Маугли?..

– Кто знает… А может, в лесу мне было бы гораздо лучше, чем в доме моего отца. Он же был настоящим диктатором.

– Правда? – заинтересовалась Ева. – А кем он работал?

– Инженером-путейцем. Занимал очень крупные посты в российском царском правительстве, строил какие-то туннели на Кавказе…

– А мой, – нетерпеливо перебила Ева, – работал простым школьным учителем. Но тоже был деспотом. Представь, каждый вечер он ровно в десять выключал свет во всем доме – и все должны были отправляться спать. Потом обходил наши комнаты и проверял, спим ли мы или читаем, или, не дай Бог, болтаем между собой. Ужас…

– Знакомо, Ева. Но всё это можно просто объяснить: мой папá – железнодорожник, для которых главное – точное расписание движения поездов; твой – учитель, для которого также свято расписание, но только уроков, ну и распорядок дня…

Дамы дружили между собой уже более пяти лет. Познакомились совершенно случайно летом 1935 года в мюнхенской опере. В тот вечер была премьера «Тристана и Изольды» Вагнера. Ольга Чехова обратила внимание на соседку, довольно симпатичную молодую и грустную дамочку, которая не отрывала глаз от сцены, где разыгрывалась душещипательная история несчастной любви французского рыцаря и жены короля.

Коллизии трагедии, видимо, настолько серьезно затрагивали чувства женщины, что она время от времени прикладывала к глазам кружевной платочек и, ни на кого не обращая внимания, чуть слышно бормотала: «Вот, все, как у меня… Долг выше чувства, да?..» Ольга склонилась к соседке и шепнула несколько утешительных слов. В антракте они уже бродили по фойе, переговариваясь о всяких мелочах.

Соседка представилась: «Ева Браун». Ольга назвала себя и тут же пожалела, ибо сразу оказалась под шквалом вопросов: «Ой, послушайте, а это не вы играли в кино «За толику счастья» и «Любовь, в которой нуждаются женщины»?.. Вы?.. Простите, я вас не узнала. Хотя там, в зале, мне сразу ваше лицо показалось таким знакомым… Скажите, а вот как…»

Ольга улыбнулась, пять лет прошло, Боже мой, как время летит.

– …Кстати, Олли, – вновь подруга перебила Чехову, – совсем забыла сказать: в четверг состоится большой прием в честь советского министра Молотова[2]. Ты его знаешь?

– Да нет. Откуда мне его знать?

– Ну, это неважно. Так вот, ты обязательно должна быть. Завтра из рейхсканцелярии тебе доставят официальное приглашение. Что ты наденешь?

– Даже не знаю… А что ты посоветуешь?

– Только не темное. Что-нибудь полегкомысленней…

* * *

Нарком иностранных дел Советского Союза Вячеслав Михайлович Молотов, крепенький и коренастый, поблескивающий стеклышками старомодного пенсне, показался Ольге чрезмерно скованным, напряженным, застывшим, словно в ожидании коварного подвоха. Гитлер же пребывал в благодушном настроении, ему было явно по душе несколько подавленное состояние сталинского министра. С чем он вернется в Москву? Ни с чем. Предложение немецкой стороны о присоединении СССР к Тройственному пакту отклонено, чего и следовало ожидать. А ведь это была лишь уловка, пробный шар, призванный сохранить у Кремля иллюзию последовательного стремления немецкого руководства к укреплению советско-германского сотрудничества. Сработало – и это главное.

Тем более германский посол в Москве Шуленбург с оптимизмом информировал об усилении прогерманской пропаганды в России. Сведена на нет демонстрация

антифашистских фильмов, в открытом хранении в библиотеках иностранной литературы появились нацистские издания, зато изъяты из свободного доступа книги Эрнста Тельмана «Боевые статьи и речи», Вишнева «Как вооружались фашистские поджигатели войны» и подобных им авторов. В Большом театре готовится премьера – любимая опера фюрера «Валькирия». Академик Тарле покорно стал твердить о позитивной роли Германии в истории России, а посему труды железного канцлера Бисмарка должны стать достоянием русского народа.

Словом, все шло в строгом соответствии со стратегической доктриной.

Гитлер жестом подозвал Геббельса, что-то шепнул ему, и рейхсминистр послушно проследовал в направлении к Чеховой.

– Фрау, прошу, фюрер ждет вас, – с полупоклоном промолвил Геббельс без тени улыбки. Он ненавидел эту русскую, в свое время пренебрегшую его знаками внимания, и мысленно (только мысленно!) не соглашался с тем, что Гитлер, всякий раз утверждая список приглашенных на официальный прием, собственноручно вписывает в него Чехову.

Ольга поставила на стол недопитый бокал мозельского и пошла следом за рейхсминистром, шалости ради вполне отчетливо произнеся ему в спину: «Сука».

– Вы что-то сказали, фрау? – обернулся Геббельс.

– Не обращайте внимания, герр рейхсминистр, это я так, о своем, о женском, – нежно, по-змеиному улыбнулась в ответ Ольга, на ходу стягивая с рук длинные белые перчатки.

Когда она остановилась у столика № 1, Гитлер, пристально глядя в непроницаемое лицо советского министра, громко сказал:

– Господин Молотов, я хочу представить вам красу и гордость германского театрального искусства и кинематографии Ольгу Чехову. Вашу, кстати, бывшую соотечественницу. Но ныне – гражданку рейха. Более того, нашу государственную актрису.

И без того угрюмый Молотов еще больше насупился. Не найдя лучших слов, он сухо обронил, слегка заикаясь:

– Очень п-приятно.

С молчаливого одобрения фюрера Ольга прямо взглянула на советского дипломата (типичного «человека в футляре») и ответила по-русски:

– Мне тоже, Вячеслав Михайлович.

Молотов кашлянул и, приподняв бокал, предложил фюреру тост за взаимообогащение двух культур:

– У нас, в Советском Союзе, высоко ценят т-талант Шиллера, Гёте и Гейне. Мы любим музыку Вагнера. В Германии, насколько мне известно, чтут имена Пушкина, Толстого и Чайковского. Это

замечательно. Классики культуры способствуют взаимопониманию наших народов.

– Я солидарен с вами, tovarisch Молотов, – усмехнулся Гитлер.

– Кстати, фрау Ольга… – попытался поддержать светскую беседу советский дипломат.

– Лучше – Ольга Констатиновна, – лукаво намекнула Чехова.

– Ах, ну да, – спохватился Молотов, – конечно. Так вот, совсем недавно мне довелось перечитывать «Дуэль» Антона П-павловича Чехова. Ведь он, кажется, ваш дедушка?

– Дядюшка, – поправила Чехова.

– Простите. Так вот, один из г-главных героев повести, насколько помнится, фон Корен, на мой взгляд, является ярким воплощением арийского характера…

– Вячеслав Михайлович, я не думаю, что Антон Павлович ставил перед собой такие задачи. Немцы – разные люди…

– Безусловно, Ольга Константиновна. Как и русские, впрочем, тоже.

Со стороны могло показаться, что Гитлеру дела нет до разговора актрисы и советского дипломата. Но Ольга видела, как Пауль Шмидт (прекрасный знаток русского языка и литературы, кстати, тоже) без устали нашептывает синхронный перевод их беседы фюреру. И она дерзко топнула ножкой:

– Ну, Вячеслав Михайлович, за Пушкина! За Гёте! И за Чехова!

– Конечно-конечно, – заторопился Молотов. – За наших великих писателей!

Кельнер, конечно же, оказался рядом с подносом, на котором стояли подернутые изморозью рюмки с водкой, высокие бокалы со светлым вином и отдельно – с пивом.

Гитлер ухмыльнулся и в ответ поднял бокал со своим излюбленным баварским:

– Прозит!

Сейчас Ольга не ощущала в рейхсканцлере никакого демонизма или магнетизма, о котором с придыханием судачили дамы в салонах. Напротив, он старался выглядеть максимально обаятельным, внимательным, сдержанным. И подчеркнуто галантным – с дамами.

Но ей доводилось видеть фюрера иным, когда он выступал на митингах или открывал факельные шествия штурмовиков. Вот когда он превращался в истеричного фанатика, способного «ввинчиваться» в каждого человека.

* * *

Актриса Чехова с профессиональной цепкостью подмечала: всякий раз, когда во время того или иного приема, какого-либо официального мероприятия в зале появлялся Гитлер, любая мелочь сразу обретала смысл. Каждое слово, недомолвка, пауза, жест – все мгновенно улавливалось на лету и расшифровывалось.

И как не вознестись ему, окруженному плотной атмосферой всеобщего внимания, читающему это в подвластных глазах и в лицах? Кто-то из правителей в свое время, не подумав, ляпнул: «Я не подвластен лести». Чепуха! Значит, ему просто плохо льстили. Для любого властителя лесть – единственная правда, пригодная для восприятия.

…Ольга интуитивно почувствовала, что отпущенное ей время истекло, этикет требовал оставить выдающихся государственных мужей и занять полагающееся место среди челяди. Фюрер едва заметно кивнул в знак согласия, на миг прикрыл глаза, и тут же чиновник из внешнеполитического ведомства Риббентропа любезно подал фрау руку. Она шла по залу, сопровождаемая почтительно-завистливыми взглядами. Многих гостей, присутствовавших сегодня на приеме, она прекрасно знала, других угадывала благодаря фотографиям Евы Браун, третьи ее просто не интересовали.

Почувствовав колючие взгляды, впивавшиеся ей между лопаток, Ольга чуть скосила глаза вправо: ах, это вы, мои добрые подружки, извечные соперницы за первенство на киноэкране и у имперского трона! Красотки Пола Негри[3] и Цара Леандер[4], изображая увлеченность оживленной беседой с какими-то хлыщами, не могли скрыть своих истинных чувств по отношению к какой-то Чеховой, неизвестно за какие заслуги выбившейся в фаворитки самого фюрера. А Ольга, в свою очередь, не желала стирать со своего лица торжество победительницы. Ваши места, милые дамы, во втором ряду партера, но не на сцене…

* * *

В просторном фойе, где Ольга приводила в порядок прическу у гигантского зеркала, в сопровождении охраны и дипломатов внезапно появились Гитлер и Молотов. Прощаясь с советским министром, фюрер, продолжая начатый ранее разговор, с пафосом произнес:

– Я уверен, герр Молотов, что история навеки запомнит Сталина.

– Я в этом не сомневаюсь, – невозмутимо согласился Молотов.

Ольга, видя в зеркало лицо наркома, усомнилась, умеет ли он улыбаться.

– Но я надеюсь, что история запомнит и меня, – продолжил фюрер.

– Я и в этом не сомневаюсь, – с достаточным почтением отозвался посланник Сталина.

Москва, март 1892 года

Из ваших детей, Евгения Яковлевна, не выйдет ровно ничего. Разве что только из одного старшего, Александра…

Протоиерей В.Ф. Покровский – Е.Я. Чеховой

Антон Павлович натужно закашлялся, сплюнул сгусток вязкой мокроты в крошечный, заранее приготовленный бумажный фунтик, лежавший, как обычно, за стопкой книг на столе, отдышался и вновь вернулся к письму старшего брата из Петербурга:

«У моего законного Мишки, которому теперь только 7S месяцев от роду, оказались гиперемия мозга, бронхит и расстройство кишечника, – сообщал Александр. – Сегодня, в страстную субботу, уже идут четвертые сутки, как он лежит в беспамятстве и изображает из себя кандидата на Елисейские поля…»

Совсем худо, подумал доктор Чехов, что же за напасть такая, просто беда. Надо бы поехать, лечить на расстоянии он не умеет…

Старший брат Александр был натурой крайне противоречивой. Его мало кто любил. Может быть, из-за того, что и он любил немногих. Кроме, разве что, младшего – Антоши. По утрам, глядя на себя в зеркало, прежде чем приступать к тошнотно-постылому (особенно на похмелье), но, увы, необходимому туалету, Александр с омерзением всматривался в собственное отражение: угрюмая, неприятная, некрасивая физиономия. Но каков есть, таков уж есть. Не взыщите, господа.

Для своего времени Александр Павлович был человеком образованным. Окончив гимназию с серебряной медалью, он первым из рода Чеховых получил высшее образование, пройдя полный курс двух факультетов Московского университета – естественного и математического. Хотя перед братом был откровенен: «Я прежде побаивался, что из меня выйдет такая бесстрастная и равнодушная щепка, как наш бывший учитель Дзержинский[5], но теперь я совершенно спокоен».

Его увлечениям несть числа.

Со студенческих лет активно сотрудничал с различными московскими изданиями. Привлек, кстати, к этому занятию –

написанию для журналов всякого рода сценок и зарисовок – и младшего брата, в то время еще гимназиста.

Сам Александр сочинял много, легко и охотно, подписывая свои творения звучными псевдонимами – Агафопод, Агафопод Единицин, Алоэ и даже пан Халявский. Потом остановился на скромном – А.Седой. Впрочем, и родной фамилии не чурался, литературным успехам младшего брата не завидовал, первенство его признавал безоговорочно. Антон же первые свои миниатюры из скромности подписывал «Брат моего брата».

Спустя некоторое время Александр Павлович литературные занятия оставил, осознав: «Из меня в отношении творчества ничего дельного не вышло, потому что время вспышек прошло, а за серьезный труд творчества приняться боязно – зело несведущ sum…»

Он взялся за редактирование журнала «Пожарный», а затем, накопив материал, издал солидный «Исторический очерк пожарного дела в России». Поостыв, возглавил восьмистраничный журнал «Слепец», предназначенный «для обсуждения вопросов, касающихся улучшения положения слепых». Когда обрыдла эта тематика, устроился редактором «Вестника общества покровительства животным». Потом, покопавшись в проблемах отечественной психиатрии, Александр Павлович стал автором серьезного исследования «Призрение душевнобольных в Петербурге».

Знакомые умилялись причудам литератора Ал. П. Чехова, убедившись, что свои сочинения он пишет исключительно куриными перьями. Объясняли архаичные пристрастия безграничной любовью Александра Павловича к птицам (в иные дни по его комнате в свободном полете порхало не менее четырех десятков божьих птах). К тому же он с удовольствием разводил кур, без конца совершенствуя конструкции курятников.

Попутно Александр Павлович вполне профессионально занимался фотографией (его авторству принадлежало одно из первых в России пособий по фотоделу – «Химический словарь фотографа»), велоспортом, недурственно разбирался в медицине и новейших философских течениях, с успехом изучал иностранные языки и проповедовал вегетарианство.

Собственноручно Александр Чехов мастерил особые корпуса настенных часов из подсобных материалов – диковинных дощечек, старых пробок, глинушек, прутиков, мха, фрагментов древесных лишаев, а гири заменял на наполненные водой винные или пивные бутылки. При этом прежние классические корпуса из красного дерева Александр Павлович аккуратно хранил в кладовой (на всякий случай). Коллекционировал он и карманные

часы. А также пытался газировать молоко и варить линолеум из старых газет.

Время от времени его одолевала жажда странствий, и он исчезал из дома. А потом домой приходила телеграмма или красочная открытка с лаконичным сообщением: «Я в Крыму» или «Я на Кавказе».

Семейная жизнь Александра Павловича складывалась непросто. Вскоре после окончания университета он сошелся с Анной Хрущевой-Сокольниковой, служившей секретарем журнала «Зритель». Бойкая дамочка к тому времени уже успела побывать замужем, родить двух сыновей, потом неведомо от кого прижила еще и девочку. Тульская консистория строго осудила Анну «за нарушение супружеской верности» и обрекла на «всегдашнее безбрачие». Впрочем, вольнодумца Александра Чехова это не остановило. Хотя потомство, рожденное во «всегдашнем безбрачии» Анной, и называл «кошмаром жизни».

После университета Александру Павловичу пришлось определяться со службой. Сперва он пристроился в Таганрогскую таможню, затем перебрался в Петербург, а оттуда – уже в Новороссийск, откуда бежал в отчий дом. Разгневанный глава чеховской фамилии Павел Егорович срочно направил родным и близким депешу: «Уведомляю вас всех, кому ведать надлежит, что Губернский секретарь Александр Павлович Чехов приехал в Москву 3 июня 1886… Приехал чиновник из Новороссийска в грязи, в рубищах, в говне… Все прожито и пропито, ничего нет…»

Единственным, кто посмел взять брата под защиту, оказался Антон: «Мне известно только, что Александр не пьет зря, а напивается, когда бывает несчастлив или обескуражен чем-нибудь». Но при этом уточнял:

– Я не знаю, что его больше интересует: литература, философия, наука или куроводство? Он слишком одарен во многих отношениях… Но когда был трезв, то мучился тем, каким он был во хмелю, а под хмельком действительно бывал невыносим.

Не до конца растраченные литературные способности Александра Павловича стали нещадно эксплуатировать организаторы расплодившихся по России обществ трезвости. В трезвом состоянии он со знанием дела писал популярные брошюрки о вреде пьянства, алкоголизма и о мерах борьбы с этим злом. Жаль только, Анна Хрущева вряд ли штудировала труды своего мужа, ее ослабленный алкоголем организм не справился с болезнями, и в 1888 году Александр Павлович овдовел.

Правда, очень скоро обвенчался с Натальей Александровной Ипатьевой-Гольден, сообщив Антону, что она и так «живет у меня,

заведывает хозяйством, хлопочет о ребятах и меня самого держит в струне». Через пару лет Наталья подарила мужу сына, которого назвали Михаилом.

Позже, присматриваясь к своему малолетнему племяннику, Антон Павлович ясно увидел в нем искру таланта и написал родным: «…А сын его Миша удивительный мальчик по интеллигентности. В его глазах блестит нервность. Я думаю, что из него выйдет талантливый человек».

Маленький «талантливый человек» был не только «удивительно интеллигентным», но и крайне любознательным. Однажды, пользуясь отсутствием дяди, он забрался в его спальню. Над кроватью обнаружил большую картину – портрет измученной, усталой белошвейки. Она сидела за столом, на котором тускло горела маленькая керосиновая лампа. Застиранная рубашонка почти сползла с ее плеч. В грустном, плачущем лице Миша узнал свою мать… Когда он подрос, добрые люди раскрыли ему страшную семейную тайну: Антон Павлович и его мать втайне любили друг друга.

Сам Миша, по его признанию, постоянно находился в состоянии влюбленности: «В тринадцати-четырнадцатилетнем возрасте я был необыкновенно, катастрофически влюбчив. Влюбленность делала меня застенчивым и мрачным. Я краснел, становился особенно неловким и думал: «Вот разлюбит! Вот уже разлюбила!..»

А отец, которого он боготворил и боялся, угощал сына вином и пивом, а после неловко совал ему, прыщавому школяру, деньги на проституток, в которых тот непременно старался отыскать хоть какую-нибудь черту, которая могла бы привести его в восторг…

После смерти Антона Павловича, рассказывал Миша, отец «стал как-то бесцельно метаться, меньше работал, душевно ослаб и стал делать ненужные, ничем не оправданные вещи. Он вдруг ушел из семьи, без причины стал жить один… Терпел ненужные мелкие неудобства, путешествовал тоже бесцельно, тосковал…».

* * *

В иерархии нравственных ценностей первое место Антон Чехов безоговорочно отводил своим родителям. Он говорил: «Отец и мать – единственные для меня люди во всем земном шаре, для которых я ничего никогда не пожалею. Если я буду высоко стоять, то это дело их рук, славные они люди, и одно безграничное их детолюбие ставит их выше всяких похвал, закрывает собой все их недостатки, которые могут появиться от

плохой жизни, готовит им мягкий и короткий путь, в который они веруют и надеются так, как немногие».

В своих сочинениях Чехов старательно избегал морализаторства, проповеднических нотаций, не мнил себя духовным наставником, не поучал своих читателей, он им рассказывал и показывал. Но в делах житейских еще со студенчества, хотя нет, пожалуй, даже раньше, Антон взваливал на свои плечи все семейные тяготы. А посему имел моральное право указывать братьям, и старшим, и младшим, как следует вести себя в многотрудной жизни. Скорее, это было даже не право, а естественный душевный порыв – желание помочь.

17-летним гимназистом он писал младшему брату Мише, который ни с того ни с сего счел себя «ничтожным и незаметным»: «Ничтожество свое сознаешь? Не всем, брат, Мишам надо быть одинаковыми. Ничтожество свое сознавай, знаешь, где? Перед Богом, пожалуй, перед умом, красотой, природой, но не перед людьми, среди людей нужно сознавать свое достоинство. Ведь ты не мошенник, честный человек? Ну, и уважай в себе честного малого, и знай, что честный малый – не ничтожество. Не смешивай «смиряться» с «сознанием своего ничтожества».

Другому своему брату, Николаю, 26-летний доктор Чехов старательно разъяснял, что в его понимании есть воспитанность. При этом излагал свою позицию лаконично и педантично, пункт за пунктом, словно выписывал рецепт на получение лекарств:

«Воспитанные люди должны удовлетворять следующим условиям:

1. Они уважают человеческую личность, всегда снисходительны, мягки, вежливы, уступчивы…

2. Они уважают чужую собственность, а потому платят долги.

3. …Не лгут даже в пустяках… Они не лезут с откровенностями, когда их не спрашивают…

4. Они не уничижают себя с тою целью, чтобы вызвать в другом сочувствие…

5. Они не суетны. Их не занимает рукопожатие пьяного Плевако.

6. Если имеют в себе талант, то уважают его… Они жертвуют для него всем. Они брезгливы.

7. Они воспитывают в себе эстетику… Им нужна от женщины не постель… Им, особенно художникам, нужны свежесть, изящество, человечность, способность быть не …, а матерью…

…Тут нужен непрерывный дневной и ночной труд, вечное чтение, штудировка, воля… Тут дорог каждый час…»

При всей любви и почтении, которые Антон испытывал к своему старшему брату Александру, в принципиальных вопросах

он оставался строг и взыскателен:

«Александр! Я, Антон Чехов, пишу это письмо, находясь в трезвом виде, обладая полным сознанием и хладнокровием. Прибегаю к институтской замашке, ввиду высказанного тобою желания со мною больше не беседовать. Если я не позволяю матери, сестре и женщине сказать мне лишнее слово, то пьяному извозчику не позволю оное и подавно. Будь ты хоть 100 000 раз любимый человек, я, по принципу и по чему только хочешь, не вынесу от тебя оскорблений. Ежели, паче чаяния, пожелается тебе употребить свою уловку, т. е. свалить всю вину на «невменяемость», то знай, что я отлично знаю, что «быть пьяным» – не значит иметь право срать другому на голову. Слово «брат», которым ты так пугал меня при выходе моем из места сражения, я готов выбросить из своего лексикона… Покорнейший слуга А.Чехов».

Нежно называя Александра то «разбойником пера и мошенником печати», то «милым Гусопуло», то «Вашим Целомудрием», то «Уловляющим контрабандистов-человеков-вселенную, таможенным братом моим, краснейшим из людей», в минуты негодования Антон Павлович не стеснялся в выражениях и позволял себе любую резкость: «Неужели ты уже так зазнался и возмечтал о себе, что даже и деньги тебя не интересуют? Гандон ты этакий!..»

Москва, весна 1913 года

– О, мсье Букишон, ну наконец-то! Вы не представляете себе, до чего же я вам рада. – Ольга Леонардовна радушно пригласила гостя в гостиную. – Вы стали редко у меня бывать, Иван Алексеевич…

– Дела житейские, знаете ли, покоя не дают, с издателями воюю, от критиков отбиваюсь, кредиторы замучили, – скупо улыбнулся Бунин. – Впрочем, все это ерунда. Вы сами-то как, Ольга Леонардовна?

– Скучаю. Театр держится на старом репертуаре, новых интересных пьес нет, – отозвалась хозяйка дома. – Сегодня я вообще не занята. И вы так кстати вчера позвонили. Присаживайтесь, прошу…

На столе, как заведено было в этом доме, стояла ваза с фруктами. В одно мгновение стараниями заботливой Софы появились бутерброды, графинчик с водочкой, грибочки, а также сладости и шампанское.

Хотя Бунин знал, что в чистом виде шампанское Ольга Леонардовна не пила, полагая, что газ вреден для организма. Софья Ивановна, загодя предупрежденная о приходе гостей, разливала напиток в открытые чаши, где газовые пузырьки лопались, испарялись, и оставалось белое вино, которое она переливала в бутылки, охлаждала, и только после этого подавала к столу. Впрочем, шампанскому Ольга Леонардовна всегда предпочитала коньячок, который пила из своей заветной серебряной стопочки…

– Вы уже закончили приводить в порядок чеховский архив? – поинтересовался Бунин.

– Да какой там! – всплеснула руками Ольга Леонардовна. – Только-только разложила по хронологии наши письма. А сколько бумаг еще не разобрано. Спасибо Марии Павловне, ведь на ней вся основная ноша… Хотите, кстати, прочту вам одно из последних писем Антона Павловича ко мне?

– Ну что вы, нет, конечно! Это – только ваше! – решительно возразил Бунин. – Нет-нет. А вот вам я хочу презентовать одну любопытную бумаженцию. Недавно в одной из своих книг обнаружил. – Он подал Ольге Леонардовне вдвое сложенный листок. – Помните, Верхняя Аутка, весна 1901 года?.. Вам тогда почему-то пришлось поспешно возвращаться в Москву, а меня оставили ночевать. Наутро Антон Павлович потащил нас с Марией Павловной в Суук-Су, обещая удивительный завтрак.

Как же было все замечательно, как много мы шутили,

смеялись. Потом, когда я вздумал рассчитаться, Антон Павлович заявил, что расчет состоится дома, по особому счету… Вернулись на Белую дачу, он на какое-то время удалился к себе в кабинет, а потом вручил мне:

«Счет господину Букишону (французскому депутату и маркизу).

Израсходовано на вас:

1 переднее место у извозчика 5 р.

5 бычков а-ла фам о натюрель 1 р. 50 к.

1 бутылка вина экстра сек 2 р. 75 к.

4 рюмки водки 1 р. 20 к.

1 филей 2 р.

2 шашлыка из барашка 2 р.

2 барашка 2 р.

Салад тирбушон 1 р.

Кофей 2 р.

Прочее 11 р.

Итого 27 р. 75 к.

_____

С почтением Антон и Марья Чеховы, домовладельцы».

Отсмеявшись, Ольга Леонардовна вздохнула: «Какая жалость, что я тогда уехала! Непременно следовало остаться…» А потом спросила:

– Кстати, Иван Алексеевич, я запамятовала, а почему «Букишон»?

– Да это Антон Павлович пошутил, в газете увидел портрет какого-то маркиза и решил, что он чрезвычайно похож на меня. Вот с той поры и пошло – мсье Букишон…

Ольгу Леонардовну все не отпускали воспоминания.

– Да, вам вместе никогда не было скучно… – Она внимательно посмотрела на гостя и своим чарующим, грудным, хорошо поставленным, классическим мхатовским голосом произнесла давно таимое: – Но ведь вы, как и многие, тоже не желали нашего брака, Иван Алексеевич. Не правда ли?

– Правда, – секунду помедлив, ответил Бунин, – не желал. Но Чехову, поверьте, никогда об этом не говорил.

– Не говорили, – согласилась Ольга Леонардовна. – Но ведь думали, верно?..

Иван Алексеевич, кашлянув, кивнул головой: «верно», раздраженно сознавая, что ведет себя, будто гимназист, покорно соглашаясь с этой «классной дамой».

– Вы так и не поняли его, Иван Алексеевич, – печально

сказала Ольга Леонардовна и поднялась из-за стола. – Да что там говорить, его даже родные братья не понимали. Один не явился на свадьбу. Другой, Александр, знаете, как Антона Павловича донимал? Все твердил: «Говорят, ты женишься на женщине с усами…» Свинья подзаборная!.. – не сдержавшись, выругалась она.

– А что, вообще, с ним сталось, простите? – из приличия поинтересовался Бунин.

– Милый мой маркиз Букишон, – вздохнула Ольга Леонардовна, – вы по-прежнему не читаете газет, а ведь Антон Павлович вам как писателю настоятельно советовал делать это. А меня оберегал: «Милая моя, не читай газет, не читай их вовсе, а то ты у меня совсем зачахнешь. Впредь тебе наука: слушайся старца-иеромонаха…» Видите, до сих пор его заветы наизусть помню…

Что же об Александре Павловиче… Он умер. Не очень давно. «Новое время», кажется, откликнулось, опубликовало некролог. Одна только фраза и запомнилась: «Успокоился он 17 мая в девять часов утра…»

Успокоился… Жил он в последние годы, конечно, ужасно. Но все к тому и шло. После смерти Антона Павловича не выходил из запоя. Наталья прогнала его из дома, как он ни умолял о прощении. Обретался на даче, где-то под Петербургом. Пил со своим конюхом и дворником… Говорят, когда нашли его тело, рядом истошно кудахтали его любимые куры и выла собака… Вот такой конец был уготован человеку, к несчастью, инициалами и фамилией своей полностью совпадавшему с А.П. Чеховым…

– А как его Миша? Давно уж не виделись. – Бунин хитрил, он знал, что Михаил Чехов уже в Москве, работает в МХТ и вроде бы нашел себя. Но Ивану Алексеевичу захотелось сменить «покойницкую» тему. – А нет, на 50-летии Антона Павловича, дома у Машеньки, мы как раз с ним встретились. Миша меня тогда поразил своей, как бы поточнее выразиться… талантливостью жестов. Он со своим кузеном Володей, кажется, настолько изящно что-то эдакое вытворял со шляпами, и это было настолько забавно, что я, глядя на него, хохотал и думал: это совершенно по-чеховски!.. Новое поколение…

– У Миши, слава Богу, все в порядке, – оживилась Ольга Леонардовна. – В прошлом году мне удалось перетащить его в Москву, пристроить в наш театр. Мы были тогда на гастролях в Санкт-Петербурге, где Миша служил в Малом Суворинском театре (ну, о репутации этого «храма Мельпомены» вы, должно быть, наслышаны). Пришел он ко мне такой неухоженный, нахохленный, зажатый. На все вопросы отвечал односложно. Еле-

еле удалось растормошить. Я его в лоб спросила:

– А ты не хотел бы перейти в наш театр?

– Да я не смею даже мечтать об этом, – смутился он, как ребенок.

И знаете, Иван Алексеевич, я почувствовала в нем искренность и какую-то невысказанную боль. Пообещала замолвить словечко перед Станиславским и велела прийти завтра… Переговорила с Константином Сергеевичем, он, добрая душа, согласился посмотреть молодого актера, носящего такую фамилию.

Назавтра с утра Миша явился женихом. Штиблеты сияют, костюмчик отглажен. Воротничок рубашки горло стискивает, как удавка. Увидев Станиславского, он вообще, по-моему, перестал что-либо соображать и превратился в снулую рыбу…

Бунин откровенно любовался великой актрисой, которая перед ним, одним-единственным зрителем (!), разыгрывала вызванную из памяти реальную мизансценку, маленький водевиль.

– Константин Сергеевич, как обычно, был мил и доброжелателен. Задал Мише несколько простеньких вопросов, послушал отрывок из «Царя Федора» и, кажется, монолог Мармеладова из «Преступления и наказания» – и немедленно объявил, что с сегодняшнего дня Михаил Александрович Чехов принимается в Художественный театр. Обращаясь к членам труппы, сидевшим в зале, он представил им новичка:

– Вот ваш новый товарищ. Примите его хорошо. Нам будет очень приятно иметь в театре племянника Антона Павловича…

Станиславский, несомненно, гениальнейший актер и режиссер, но дипломат, он, конечно, никудышный. С его легкой руки к Мише сразу же приклеилось прозвище «племянник». А потом я слышала, как наша молодежь – и Болеславский, и Хмара, и Готовцев, да и другие – называли его «замухрышкой со знаменитой фамилией» и даже стали распространять слушок, что Станиславский, принимая его в театр, якобы обмолвился: «Мне стало его жалко…» Хотя это, конечно, вранье чистой воды, я ведь сама присутствовала на показе… Но вот наших дам, – улыбнулась Ольга Леонардовна, – застенчивый юноша весьма заинтересовал…

Если бы он остался в Суворинском, – продолжила она, – я даже не представляю, в кого бы Миша превратился через два-три года… Может, так бы и продолжал играть своих тусиков в «Дачных барышнях»… Как-то, разоткровенничавшись, он признался мне, что испытывал в то время жгучий стыд: «Я не переносил себя как актера, я не мирился с театром, каким он

был… Я точно и ясно осознавал, что именно в театре и в актере выступает как уродство и неправда. Как громадную организованную ложь воспринимал я театральный мир. Актер казался мне величайшим преступником и обманщиком… Между сценой и зрительным залом вспыхивала ложь!..»

Вот так. А сегодня воспрял духом…

* * *

Откланявшись, Бунин не стал брать извозчика, решив немного пройтись. Ему хотелось побыть одному. Он медленно шел по центру Москвы и вспоминал один из многих вечеров, проведенных им вместе с Чеховым. Им в самом деле было хорошо вдвоем. В любое мгновение – и когда шутили или обсуждали серьезные проблемы, или просто молчали, время от времени обмениваясь взглядами или малозначительными репликами…

В тот вечер он читал Антону Павловичу один из своих «мелких рассказов». Кажется, «Две просьбы». Чехов, уютно устроившись в любимом кресле, вытянул длинные ноги и сцепил руки на затылке. Дослушав до конца, улыбнулся и сказал:

– Хорошо. Нет, действительно хорошо… Я, Иван Алексеевич, только женщин могу обманывать, когда говорю им, что они восхитительны. А вам врать не хочу и не буду… Вы свои «Просьбы» уже напечатали? Нет? Жалко. Примите дружеский совет: никогда не читайте свои вещи до напечатания. Кроме пьес, разумеется. А главное – не слушайте ничьих советов. Ошибся, соврал – пусть и ошибка, и вранье принадлежат только вам…

Потом, помолчав, добавил: «А вообще-то, по-моему, поставив точку, следует вычеркивать начало и концовку рассказа. Тут наш брат, беллетрист, больше всего грешит… Да, а чай вы будете?.. Ну, как хотите… А кофе пьете?

– Изредка пью.

– Вы пейте каждый день, Иван Алексеевич. Чудесный напиток. Я, когда работаю, до вечера ограничиваю себя лишь кофе и бульоном. Утром – кофе, в полдень – бульон. А то как-то плохо работается…

Они опять помолчали. Бунин теребил в руках странички своего рассказа. Потом услышал глуховатый тихий голос:

– Знаете, а я женюсь…

И тут же смущенный Чехов принялся неуклюже шутить, говоря, что жениться нужно непременно на немке, а не на русской. Она и аккуратнее, и ребенок при ней не будет по дому ползать и бить в медный таз ложкой. И вообще…

Бунин, конечно, знал о его романе с Книппер, не был от этого в восторге и надеялся, что вся эта история не окончится браком. Он наверняка знал, что Ольга Леонардовна ни за что не оставит сцену, но многое, благодаря супруге, изменится в жизни Чехова. Возникнут трения между его сестрой и женой, что скажется на душевном покое и здоровье Антона Павловича. Ведь он, конечно же, как уже случалось в подобных случаях, будет остро переживать и страдать то за ту, то за другую, а то и за обеих вместе.

Это самоубийство, был уверен Иван Алексеевич, хуже Сахалина. Медленное самоубийство… Но, разумеется, молчал.

Заметив отчужденность Бунина, Антон Павлович шутовски хлопнул в ладоши и предложил:

– А теперь, уважаемый коллега, давайте вместе сочиним чувствительную, душеспасительную повесть о бедной, несчастной девушке, которая старалась, но никак не могла выйти замуж. Для начала мы с вами должны придумать ей какое-нибудь завлекательное имя…

– Ирландия, – тотчас откликнулся Бунин.

– Невралгия, – не остался в долгу Чехов.

– Австралия, – продолжил игру Иван Алексеевич.

– Что это вас, мсье маркиз, в географию потянуло? – с укоризной поинтересовался Чехов и спросил, невинно улыбаясь: – А может быть, ее родители нарекли нашу девицу Истерией?.. Хотя нет, пусть лучше она станет у нас Розалией Осиповной Аромат.

Петербург – Москва, 1914-й и другие годы

Действительный тайный советник Константин Леонардович Книппер был человеком сурового нрава. Иначе вряд ли ему сначала доверили бы руководить строительством Закавказской железной дороги, а затем, по инициативе главы правительства Сергея Юльевича Витте, назначили начальником железных дорог всего Южного округа. Премьер высоко ценил энергичного, требовательного чиновника, сторонника воинской дисциплины на транспорте, и при всякой возможности подталкивал его все выше и выше по служебной лестнице.

Книппер месяцами не бывал дома, колеся по бескрайним российским просторам. А по возвращении из командировок учинял строгий спрос, начиная, как правило, с потомства. Жена Луиза Юльевна уверяла, что с учебой у ребят все вроде бы в порядке, только вот у Оленьки – сплошные «неуды» и ветер в голове.

– Я уже не знаю, что с ней делать, Константин Леонардович. На уме – только театр, репетиции, постановки, домашние концерты. Тут тебе и «Чайка», и инсценировки чеховских рассказов. «О любви», между прочим, тоже. И все ребята вокруг Оленьки вьются. Чувствую, не нужна ей ни медицина, ни учительство, ни все прочие науки. Даже рисованием в последнее время стала меньше заниматься, этюдник в чулан забросила. Может, не стоит ломать ей судьбу? Наверняка ведь она в твою сестру пошла… Ты бы, Костя, списался с Ольгой Леонардовной, посоветовался.

– Что там списываться, советоваться?! – не перенося долгих разговоров, ответил Константин Леонардович. – Я на днях в Москву еду, заодно встречусь с сестрицей, поговорим…

Ольга Леонардовна Книппер-Чехова, не раздумывая, согласилась принять под свою опеку обеих племянниц: и Олю, и Аду. Тем более своих детей у нее с Антоном Павловичем так и не случилось. В первый же год замужества у Ольги Леонардовны произошел выкидыш. Гинекологи тогда говорили: сказались чрезмерные загрузки, постоянные гастрольные разъезды, в тяжелой поездке в Симферополь и вовсе растрясло… А они так мечтали о сыне, даже имя чу́дное придумали – Памфил. Но, видать, не судьба.

Перебирая чеховские письма, Ольга Леонардовна и сегодня плакала, вслух повторяя его ласковые, нежные, согревающие

душу слова: «Дуся моя, замухрыша, собака, дети у тебя будут непременно, так говорят доктора. Нужно только, чтобы ты совсем собралась с силами. У тебя все в целости и в исправности, будь покойна, только недостает у тебя мужа, который жил бы с тобой круглый год. Но я, так и быть уж, соберусь как-нибудь и поживу с тобой годик неразлучно и безвыездно, и родится у тебя сынок, который будет бить посуду и таскать твоего такса за хвост, а ты будешь глядеть и утешаться… Ну, светик, Господь с тобой, будь умницей, не хандри, не скучай и почаще вспоминай о своем законном муже. Ведь, в сущности говоря, никто на этом свете не любит тебя так, как я, и, кроме меня, у тебя никого нет. Ты должна помнить об этом и мотать на ус. Обнимаю тебя и целую тысячу раз. Твой А.»

Или вот еще: «…А что ты здорова и весела, дуся моя, я очень рад, на душе моей легче. И мне ужасно теперь хочется, чтобы у тебя родился маленький полунемец, который бы развлекал тебя, наполнял твою жизнь. Надо бы, дусик мой!»

Только несносный Москвин, мнивший себя записным остроумцем, и тут отметился, с деланым сочувствием нашептывая за кулисами, а заодно и околотеатральным дамам: «Осрамилась наша первая актриса – от какого человека – и не удержала…»

Но как же она стремилась «удержать»!

Впрочем, им все тогда казалось нипочем, какие наши годы! Вскоре Ольга Леонардовна вновь забеременела. Но так случилось, что во время спектакля рабочие, то ли пьяные, то ли просто нерадивые, забыли закрыть люк на сцене – и она, оступившись, с высоты в несколько метров рухнула вниз, в кромешную темноту…

Когда после тяжелейшей операции и длительного периода беспамятства очнулась, врачи вынесли ей безжалостный приговор: детей у нее никогда не будет. Доктор Чехов это понимал и без них.

* * *

Семнадцатилетняя племянница Оленька произвела на Ольгу Леонардовну самое отрадное впечатление. Ослепительно красива, настоящая погибель для мужчин. А улыбка?!. А глазищи?!. При этом далеко не глупа, хорошо воспитана, внимательна, настойчива, знает себе цену.

История голубоглазой Оли напомнила актрисе эпизод ее собственной биографии, когда она примерно в том же возрасте стояла на коленях перед своей мамой и слезно упрашивала:

– Маменька, вы же сами рассказывали, как в юности мечтали

о сцене, о музыке, а когда родители не пустили вас в консерваторию, жестоко страдали…

Но Анна Ивановна оставалась непреклонной:

– Да, я страдала, и ты пострадай. И не вздумай проситься у отца – он этого не переживет! Ты же знаешь, какое у него слабое сердце…

Страдать юная жизнерадостная Оленька Книппер решительно не желала. К тому же, прости, Господи, судьба распорядилась так, что и не пришлось. Когда отец, преуспевающий управляющий крупного завода, скоропостижно скончался, оказалось, что банковские счета его пусты, а кредиторов – хоть пруд пруди. Семейный уклад тотчас резко изменился. «Надо было думать о куске хлеба, – вспоминала Ольга, – надо было зарабатывать его… Переменили квартиру, отпустили прислугу и начали работать с невероятной энергией… Поселились «коммуной» вместе с братьями матери…»

Анне Ивановне пришлось, вспомнив прежние таланты, вернуться к музыке. Она начала преподавать вокал в школе при филармоническом училище. Младший Олин брат, студент, занялся репетиторством, старший – устроился инженером где-то на Кавказе. Дядья – один врач, другой – военный – тоже старались делать все, чтобы создавать хотя бы видимость прежнего уровня жизни.

При этом Оля чувствовала себя обузой. Мама, в итоге, уступила настырной дочери и даже составила ей протекцию при поступлении на актерское отделение того самого училища, где преподавала сама.

Ольге повезло – она оказалась в числе слушательниц курса Владимира Ивановича Немировича-Данченко. Вскоре девушка уже наверняка знала, что самый талантливый, самый умный, самый прогрессивный и, вообще, лучший человек на Земле – ее Учитель. И, конечно, с превеликой радостью согласилась войти в труппу будущего театра, который Немирович-Данченко намеревался создать вместе со своим товарищем, актером-любителем Константином Алексеевым, взявшим себе звучный псевдоним – Станиславский.

Она была готова идти за своим Мастером хоть на край света. Ну и что с того, что он был женат?! То, что творил Владимир Иванович, заставляло забывать обо всех условностях. Да он и сам быстро увлекся очаровательной Ольгой Книппер, молодой женщиной с прекрасными манерами и безупречным вкусом, к тому же обладавшей недюжинным актерским даром. Постоянные же упреки моралиста Станиславского, мечтавшего видеть их театр священным храмом высокого искусства, Владимир

Иванович пропускал мимо ушей. Не в силах был он держать постоянную осаду окружавших его чаровниц. Ольга вначале взбрыкивала, но после смирилась, сочтя любвеобильность всенепременной спутницей подлинного художника. Одно печалило: годы…

Чуть позже, согласовывая с автором «Чайки» кандидатуры исполнителей, Немирович-Данченко весьма похвально отозвался о своей актрисе: «Аркадина – О.Л. Книппер (единственная моя ученица, окончившая с высшей наградой…). Очень элегантная, талантливая и образованная барышня, лет, однако, 28…»

14 июня 1898 года в подмосковном Пушкино (неподалеку от Любимовки, имения Станиславского), в заурядном сарае на берегу Клязьмы состоялся первый сбор труппы нового театра, который решили назвать Художественным. Естественно, Ольга Книппер стала одной из первых актрис, зачисленных в штат. Жалованье ей положили 60 рублей – неплохие деньги для вчерашней студентки. До исступления артисты репетировали свой первый спектакль «Царь Федор Иоаннович». Снимали ближние дачи, по очереди дежурили по хозяйству, ибо на прислуге следовало экономить. И готовили, и на стол накрывали, и прибирали – все сами. Так начинался будущий МХАТ.

В новом театре Книппер сразу окрестили «наша Герцогиня» – за аристократичную осанку и безупречные манеры. Что говорить, если сама madame Ламанова – лучшая из московских портних-модисток – почитала за честь обшивать молодую актрису, даже в долг.

Единственной соперницей Ольги на сцене и вне подмостков была Мария Андреева. Савва Морозов, крупнейший пайщик театра, всемерно поддерживал свою любимицу Марию Федоровну, Немирович же – естественно, Ольгу Леонардовну. Если главная роль доставалась Книппер, меценат сокращал финансирование, даже если Немирович выдвигал свои резоны: «Андреева – актриса полезная, а Книппер – до зарезу необходимая».

Так и жили «примы» театра, искусно маскируя свои непростые взаимоотношения и создавая атмосферу задушевной дружбы. Даром что женщины, так ко всему еще и актрисы. Эдакая гремучая смесь…

Однажды на одной из театральных вечеринок Андреева и Книппер затеяли шутливую игру в фанты: разыгрывали, кто из знаменитых литераторов кому из актрис выпадет. Хотите верьте – хотите нет, но Андреева вытащила фант с именем Максима Горького, а Книппер – Антона Чехова. Божье Провидение, да и только…

Чуть позже Горький, по привычке своей прикидываясь то ли босяком Челкашом, то ли Лукой-утешителем, опять-таки лукаво намекал Чехову: «Говорят, что Вы женитесь на какой-то женщине-артистке с иностранной фамилией. Не верю. Но если правда – то я рад. Это хорошо – быть женатым, если женщина не деревянная и не радикалка. Но самое лучшее – дети. Ух, какой у меня сын озорник!..»

Жаль только, что даже «раздел сфер влияния и сердечных интересов» среди подруг-соперниц не привел к вселенскому перемирию. Во всяком случае, Ольга Леонардовна, сообщая любимому мужу о завершении театрального сезона, второпях обмолвилась: «Публика, по обыкновению, орала, галдела. Андреевой после каждого акта подавали корзины с цветами на прощание… Одна твоя жена была без цветов, подали только пучок роз и нарциссов с надписью «Из Красного стана, Моск. губ.». Не понимаю…»

Москва, 1904 и 1914 годы

Женятся, потому что обоим деваться некуда…

А.П. Чехов. Записные книжки

Оленька Книппер-младшая очень быстро освоилась в Москве и ее театральном мире. С наслаждением и тайным восторгом дышала атмосферой тетушкиного дома на Пречистенском бульваре, в котором не переводились гости, да еще какие! Станиславский, Вахтангов, Немирович-Данченко, Горький, создатель театра «Летучая мышь» Балиев, самые известные композиторы и художники…

Но настоящие праздники наставали, когда в квартиру тетушки врывалась богемная компания молодых актеров во главе с племянником самого Антона Павловича Михаилом Чеховым. Именно здесь, на воле, они азартно тратили всю свою нерастраченную на сцене творческую энергию, задор, фантазию, с лихвой компенсировали свою временную, как им казалось, невостребованность. Молодые лицедеи наперебой читали стихи, разыгрывали сценки, делились актерскими байками и очень достоверно изображали свою безумную влюбленность в юную Оленьку, взывая к Ольге Леонардовне: «Как Вы посмели прятать это сокровище?!.»

Мишу Чехова впечатлительная Оленька помнила еще по Петербургу, когда родители брали ее с собой на спектакли Суворинского театра. Только кем она тогда была для него? Маленькой девчушкой, дальней родственницей, не более. Много позже Ольга Константиновна вспоминала, как она «сходила по нему с ума и рисовала себе в еженощных грезах, какое это было бы счастье – всегда-всегда быть с ним вместе».

И вот – надо же, это ли не чудо?! – едва ли не в первый день в Москве она встречает в доме своей тетушки Михаила. Взрослого, эффектного, самостоятельного. Уже успевшего прославиться, кроме сценических ролей, успехом в кинематографе, появившись на экране в роли одного из представителей династии Романовых – Михаила Федоровича в нашумевшей верноподданнической картине «300-летие царствования дома Романовых».

Да и он, – практически фаворит, пусть еще не всеми признанный, но мнения самого Константина Сергеевича и без того было достаточно, – увидев очаровательное создание, тут же

решил: моя! Я не я буду – моя!

После премьеры любительского благотворительного спектакля «Гамлет», в котором Михаил, озорничая, исполнял заглавную роль, а Ольга, естественно, Офелию, он втащил ее за кулисы и нежно, душевно, но уж никак не по-родственному крепко расцеловал в уста. Ее, недотрогу, всерьез полагавшую, что от поцелуя постороннего мужчины можно забеременеть?!

– Все, теперь ты должен на мне жениться! – утирая слезы, заявила она своему дерзкому кузену.

– Чего же лучше?!. – весело ответил принц Датский, он же будущий Хлестаков.

* * *

Творческие дела у Михаила действительно складывались более чем успешно. Работая поначалу в филиальном отделении МХТ, он быстро перерос «народные сцены» (массовки) и «кушать подано», и Станиславский доверил ему роль Васьки в тургеневском «Нахлебнике». А с появлением студии при Художественном театре Михаил одновременно стал востребован сразу на двух сценах. Восхищенным его исполнением роли слуги Фрибэ в «Празднике мира» Гауптмана в студийном зале уже на следующий день он отвечал на главной сцене Художественного театра блестящим Семеном Пантелеевичем Епиходовым из «Вишневого сада».

И там, когда он произносил монолог чеховского конторщика, поклонникам казалось, что на самом деле Чехов говорит о себе: «Я развитой человек, читаю разные замечательные книги, но никак не могу понять направления, чего мне собственно хочется, жить мне или застрелиться, собственно говоря, но тем не менее я всегда ношу при себе револьвер. Вот он… Собственно говоря, не касаясь других предметов, я должен выразиться о себе, между прочим, что судьба относится ко мне без сожаления, как буря к небольшому кораблю. Если, допустим, я ошибаюсь, тогда зачем же сегодня утром я просыпаюсь, к примеру сказать, гляжу, а у меня на груди страшной величины паук… Вот такой… И тоже квасу возьмешь, чтобы напиться, а там, глядишь, что-нибудь в высшей степени неприличное, вроде таракана…»

Да что там роли?! Еще большего уважения коллег заслужил молодой Чехов своим дерзким поступком, когда на одном из представлений, во время которого публика вела себя совершенно беспардонно, шумела, смеялась невпопад и ровным счетом не обращала внимания на ход действия, он тихо взорвался, прервал

ключевую сцену и проникновенно обратился к зрителям: «Может быть, если бы вы, уважаемые, более внимательно слушали нас, спектакль бы вам и понравился…»

А вскоре добрые люди шепнули Михаилу, что сам Станиславский в разговоре с Немировичем-Данченко безапелляционно заявил: «Миша Чехов – гений». Верить этому молодой актер отказывался до тех пор, пока сам случайно не услышал, как Константин Сергеевич настоятельно советовал новобранцам МХТ: «Изучайте систему по Мише Чехову. Всё, чему я учу вас, заключено в его творческой индивидуальности. Он – могучий талант, и нет такой задачи, которую бы он не сумел воплотить на сцене».

Хотя порой неуемный, бунтарский дух и темперамент Чехова выплескивался через край, о чем он позже сожалел и, бывало, даже стыдился. Однажды «неудавшийся революционер», как называл себя сам Михаил, после очередной репетиции мольеровского «Мнимого больного» собрал в «уборной комнате» (так требовала конспирация) своих товарищей, изображавших в пантомиме докторов, и принялся увещевать:

– Стыдно! Вы позволяете себя угнетать, вы бессловесно носите по сцене какие-то клистиры. Вы, взрослые люди, художники, – Вахтангов, Дикий и Сушкевич с готовностью кивали в знак согласия, но молчали, – позволяете обращаться с собой, как со статистами в опере! Где ваше человеческое достоинство?! Где артистическая гордость?! Может быть, у некоторых из вас есть жены и дети – как же вы можете смотреть им в глаза, не краснея? Качаловы и Москвины играют все, что хотят, захватывают себе лучшие роли, а вы молчите и трусливо кланяетесь им в коридорах театра! Проснитесь! Протестуйте же!..

В этот миг дверца одного из кабинетиков уборной, щелкнув задвижкой, отворилась, и перед группой «заговорщиков» предстал… Станиславский. Великий и ужасный. Наступила зловещая, просто метерлинковская тишина. Константин Сергеевич вплотную приблизился к трибуну, помолчал, долго, с сожалением изучая побелевшее, задранное кверху курносое лицо, а затем взял Чехова за ворот тужурки и… легко приподнял. Когда закатившиеся от ужаса Мишины глаза оказались на уровне его лица, режиссер грустно вздохнул и сказал:

– Вы – язва нашего театра, – и, отпустив несчастного, с державным величием удалился…

Параллельно с актерской, успешной, веселой и беспечной жизнью Михаил вел другую, ни в чем не похожую на первую. Среди персонажей, окружавших меня в этой жизни, рассказывал молодой, чрезмерно эмоциональный и увлекающийся актер,

выделялись три почтенных старца.

Первым из наставников был Чарльз Дарвин, который настойчиво убеждал его в том, что жизнь есть беспощадная борьба за существование и что мораль и религия – лишь иллюзии, хотя, возможно, и прекрасные. Другой – Зигмунд Фрейд – не жалел своего красноречия, чтобы объяснить ему, неразумному и упрямому, желающему видеть и ценить душу в человеке, что он должен делать это, по крайней мере, соответственно научным методам, то есть видеть вещи объективно, таковыми, каковы они есть на самом деле, вне зависимости от собственных симпатий и антипатий. Мудрый старец показывал ему подсознательное человеческой души со всеми нечистотами и сексуальными импульсами. Третьим наставником, взявшим на себя заботу о внутренней жизни юноши, стал Артур Шопенгауэр. Он создавал для него обособленный, привлекательный мирок, где царили наследственность, борьба и все те же сексуальные порывы.

Хотя Шопенгауэр и ругался как извозчик, но ему удавалось околдовать своего ученика очарованием одиночества, тоски и пессимизма, дабы он обрел возможность любоваться бесцельностью человеческого существования. Именно Шопенгауэр казался Мише Чехову самым добрым и милым из «почтенных старцев», и его портретами были увешаны стены комнаты усердного «послушника».

Испытывавший чувство блаженной благодарности к учителю, Михаил поклялся: «Если ты действительно ставишь жизнь ни во что, сознательно соверши неразумный поступок, который отразился бы на всей твоей судьбе».

Но какой поступок? А что, если жениться? И неразумно, и необременительно. Но на ком? Что далеко ходить, невесты находились под боком, на выбор – гостящие у тетушки ее племянницы, родные сестры Ольга и Ада. «И я, – рассказывал Михаил, – решил жениться на одной из них. Не надеясь получить согласие ее родителей на брак, я задумал похищение…»

Тихоня Олюшка, родившаяся на Кавказе, опрометчиво рассказывала ему о тамошних красивых традициях.

* * *

– …Тетушка, так как вы познакомились с Антоном Павловичем? – донимала Ольгу Леонардовну любознательная и дотошная племянница, до умопомрачения мечтавшая о любви.

– Как? Конечно же, в театре. Кажется, в 1898 году Антон Павлович был у нас на спектакле «Царь Федор». Я играла Ирину.

А потом узнала, что он кому-то сказал: «Так хорошо, что даже в горле чешется… Если бы я остался в Москве, то влюбился бы в эту Ирину».

Потом начался наш чудесный «почтовый роман», который растянулся на несколько лет… Ты же видела его письма ко мне… Может быть, они и есть самое лучшее из всего, что Чехов написал. Во всяком случае, для меня. Вот, погоди минутку, Оленька. Я недавно перебирала некоторые из них, так даже «в горле чесалось»… Послушай-ка: «Актриса, замечательная женщина, если бы Вы знали, как обрадовало меня Ваше письмо. Кланяюсь Вам низко-низко, так низко, что касаюсь лбом своего колодезя, в котором уже дорылись до 8 сажен. Я привык к Вам и теперь скучаю, и никак не могу примириться с мыслью, что не увижу Вас до весны…»

Или вот еще: «Пиши мне, моя лошадка, нацарапай письмо подлиннее своим копытцем. Я тебя люблю, мое золото. Обнимаю тебя…»

Завидуй, Оленька. Далеко не каждой женщине великий писатель может подарить такие слова: «…я не знаю, что сказать тебе, кроме одного, что я уже говорил тебе 10 000 раз и буду говорить, вероятно, еще долго, т. е. что я тебя люблю – и больше ничего…» или «Если мы теперь не вместе, то виноваты в этом не я и не ты, а бес, вложивший в меня бацилл, а в тебя – любовь к искусству… Твой Antoine».

* * *

Беспечная невеста, разумеется, была не против «похищения», и не существовало в мире силы, способной ее остановить. Ольга жаждала настоящей взрослой жизни, свободы и надеялась сохранить ее в замужестве с Михаилом. Ведь он, настолько увлеченный театром, вряд ли стал бы ей чрезмерно докучать. К тому же в Мише ее привлекало все: и ореол талантливого артиста, и его доброта, и страстность, и бесстыжие шалости, к которым он ее приучал.

Да, разумеется, Ольге были лестны комплименты, букеты и прочие знаки внимания иных поклонников, но, будучи барышней рассудительной, она не видела смысла и перспективы в этих ухаживаниях. Ну, взять хотя бы Володю Чехова, Мишкиного двоюродного брата, который преследовал ее чуть ли не по пятам. Какой в нем прок, скажите…

Ранним утром молодые на легких дрожках примчались в подмосковную церковь (не церковь – маленькую часовенку) и,

щедро «отблагодарив» алчного батюшку, без документов и прочих формальностей, наскоро, обойдясь даже без певчих, обвенчались, объясняя спешку тем, что жениху надобно срочно отбывать на гастроли. А потом умчались куда глаза глядят. О последствиях они старались не думать. И напрасно.

Ольга Леонардовна была до глубины души оскорблена дерзким поступком племянницы. Она не находила себе места. «… Ну, Олюшка, ну, милая, спасибо тебе, дорогая… Родители вручили в мои руки судьбу молодой барышни, а она вот что выкинула, авантюристка! Нашла с этим прохвостом Мишкой какую-то церквушку, наспех обвенчалась. Какого рожна ей не хватало? Поклонников хоть пруд пруди… Так какого же черта?!. Прости меня, Господи», – тетушка истово перекрестилась. Потом подошла в телефону, стоящему на изящном столике, схватила трубку и нервно потребовала соединить ее с квартирой Чеховых. Но, не дождавшись ответа, тотчас решила ехать к Ольге и немедленно поломать всю эту комедию!

Своенравная тетушка, всегда считавшая себя вправе во все без исключения вмешиваться, вскоре, как и предчувствовал жених, заявилась «в гости» к молодым. Она примчалась «и с истерикой и обмороками на лестнице, перед дверью моей квартиры, требовала, чтобы Ольга сейчас же вернулась к ней!..».

Но это был лишь первый акт «пиесы». В следующем с виноватой улыбкой на «авансцене» появился несчастный Сулер[6] с нижайшей просьбой: «Миш, отпустил бы ты Олю к Ольге Леонардовне. Хоть на часок. Она ведь не отстанет, ты же ее знаешь… Она там, ждет на улице». – «Хорошо, – согласился законный Олин супруг. – Но под твое честное слово, ровно на час, не более».

Когда после семейной выволочки Ольга вернулась, Сулержицкий передал новый ультиматум от Книппер-Чеховой: племянница должна остаться в ее доме, пока за ней не прибудет мать, Луиза Юльевна.

«А вот вам дудки!» – тут уже не выдержал Михаил. Оля, испуганная, съежившаяся, подошла к мужу, обняла и заплакала.

Поздним вечером ни с чем возвращавшаяся домой, но отнюдь не смирившаяся с поражением, Ольга Леонардовна неожиданно вспомнила свое, 13-летней давности, венчание с Антоном Павловичем. Оно ведь, в сущности, ничем не отличалось от нынешнего тайного свадебного обряда Ольги-младшей.

…Тогда, весной 1901 года, Чехов, неожиданно расхрабрившись, предложил ей: «Если ты дашь слово, что ни одна душа в Москве не будет знать о нашей свадьбе до тех пор, пока она не совершится, то я повенчаюсь с тобой хоть в день приезда.

Ужасно почему-то боюсь венчания и поздравлений, и шампанского, которое нужно держать в руке и при этом неопределенно улыбаться. Из церкви укатил бы не домой, а прямо в Звенигород. Или повенчаться в Звенигороде…»

Она тогда, помнится, ужасно смутилась и долго не могла взять в толк, отчего возникала столь странная идея. Потом все же написала жениху: «Я знаю – ты враг всяких «серьезных» объяснений, но мне не объясняться нужно с тобой, а хочется поговорить как с близким мне человеком… Скажи мне откровенно. Я не хочу раздражать тебя ничем. Я так ждала весны, так ждала, что мы будем где-то вместе, поживем хоть несколько месяцев друг для друга, станем ближе, и вот опять я «погостила» в Ялте и опять уехала. Тебе все это не кажется странным? Тебе самому?.. Я вот написала все это и уже раскаиваюсь, мне кажется, что и ты все это сам отлично чувствуешь и понимаешь. Ответь мне сейчас же на это письмо, если тебе захочется написать откровенно; напиши все, что ты думаешь, выругай меня, если надо, только не молчи… Целую тебя крепко – хочешь? Книпшитц.

Приезжай в первых числах, и повенчаемся, и будем жить вместе. Да, мой милый Антоша?.. Целую. Ольга».

Отбросив прочь последние сомнения, Антон Павлович живописал невесте самые радужные картины грядущего свадебного путешествия и безоблачной семейной жизни: «В начале мая, в первых числах, я приеду в Москву, мы, если можно будет, повенчаемся и поедем по Волге или прежде поедем по Волге, а потом повенчаемся – это как найдешь более удобным. Сядем на пароход в Ярославле или Рыбинске и двинем в Астрахань, на Соловки. Что выберешь, туда и поедем. Затем всю или большую часть зимы я буду жить в Москве, с тобой на квартире. Только бы не киснуть, быть здоровым… Я вяло думаю о будущем и пишу совсем без охоты. Думай о будущем ты, будь моей хозяйкой, как скажешь, так я и буду поступать, иначе мы будем не жить, а глотать жизнь через час по столовой ложке…»

Свадебная церемония состоялась в соответствии с безупречными законами чеховской драматургии. Тихо, скромно, без шумихи и огласки, но, безусловно, с интригой. 25 мая на Плющихе, в церкви Воздвижения на Овражке батюшка прекрасным баритоном окончательно пророкотал: «Венчается раб Божий Антон с рабой Божией Ольгой…»

Свидетелями венчания были лишь шаферы, в том числе брат Ольги Леонардовны Владимир Книппер.

А что же гости? Конечно, их было великое множество. Всех – от самых близких родственников до людей театральных и литературных – от имени Антона Павловича и Ольги

Леонардовны собрал на званый ужин известный затейник Саша Вишневский[7]. Когда в назначенный час гости сидели за богатыми столами, несколько смущенные и недоумевающие, по какому, собственно, поводу банкет и где, в конце концов, его хозяева, Вишневский встал, откашлялся и торжественно объявил, что в данный момент в церкви Воздвижения происходит церемония венчания Антона Павловича и Ольги Леонардовны!

Утихомирив шквал аплодисментов, тамада продолжил: «…А поскольку непосредственно участвовать в свадебном пиршестве молодым не представляется возможным, они просят поднять бокалы за их здоровье. Виват, господа!..»

Великий постановщик «народных сцен» Константин Сергеевич Станиславский по достоинству оценил замысел великого драматурга Чехова: соль была в том, «чтобы собрать в одно место всех тех лиц, которые могли бы помешать повенчаться интимно, без обычного свадебного шума. Свадебная помпа так мало отвечала вкусу Антона Павловича…»

Тем временем молодожены в черной лакированной пролетке спешили на вокзал, где уже пыхтел паровоз, который держал путь на Самару. На станции перед самым отъездом Антон Павлович едва успел отправить телеграмму в Ялту дорогой Евгении Яковлевне: «Милая мама, благословите, женюсь. Уезжаю на кумыс. Адрес: Аксеново, Самаро-Златоустовский. Здоровье лучше. Антон».

Вот как все было, Оля. А ты…

Мыслимо ли сравнивать, горько сокрушалась Ольга Леонардовна, брак ее, 40-летней, зрелой, умудренной жизненным опытом женщины, первой актрисы России, с лихорадочным желанием этой соплячки, из кожи вон лезущей, лишь бы только поскорее обрести статус замужней дамы?!. Какая же все-таки она дуреха, только фамилию опозорила… Хотя, усмехнулась Ольга Леонардовна, какую именно из наших двух фамилий?..

* * *

Свершивший по наущению Шопенгауэра свой неразумный поступок, 23-летний Михаил ликовал. «Моя жена красавица! – сообщал он одному из друзей. – Жена моя – не по носу табак… Да, я думаю, не легко тебе представить меня рядом с красавицей женой, семнадцатилетней изумительной женкой».

Потом искренне каялся перед своей милой тетушкой, Марией Павловной: «Машечка, хочу поделиться с тобой происшедшими за последние дни в моей жизни событиями. Дело в том, что я, Маша,

женился на Оле, никому предварительно не сказав».

Но прошло какое-то время, и в сердечных излияниях Михаила Александровича появились новые нотки: «Свою молодую красавицу жену я… горячо полюбил и привязался к ней. Со свойственным ей чутьем она угадывала, в какой душевной неправде я жил, старалась помочь мне, но все же тоска и одиночество не оставляли меня. В моем письменном столе лежал заряженный браунинг (обратите внимание, читатель, на эту деталь и помните слова Антона Павловича: «Если в первом акте на сцене висит ружье, то в последнем…» – *Ю.С.*), и я с трудом боролся с соблазнительным желанием…»

Не менее года родители Ольги, уже носившей фамилию Чехова, демонстративно избегали общения с дочерью-сумасбродкой и, тем паче, с ее избранником из скоморошьего племени. Но стоило театральной критике перевести Чехова из безвестных лицедеев в разряд «самых многообещающих российских актеров», как высокомерие Книпперов сменилось милостью и смирением перед свершившимся против их воли фактом.

Своей очередной победой Михаил тут же похвалился перед хранительницей всех его душевных мук и переживаний, доброй «Машечкой»: «Твой гениальный племянник приветствует тебя и желает сказать, что принят он здесь, у Олиных родных, чудно… Сегодня Олины идут на «Сверчка». Стремлюсь домой к маме, и если бы мне не было так хорошо у Олиных родителей, то я давно погиб бы от тоски… В ожидании Вашего сиятельного ответа. Граф Михаил Чехов».

«Домой, к маме…» Именно Мишиной мамаши молодые опасались пуще огня. Наталья Александровна, освободившаяся от гнета Александра Павловича, успешно завладела сыном, его помыслами и поступками. Она сразу настояла, чтобы молодожены проживали вместе с ней. И хотя комнат в квартире было предостаточно, Ольга в каждой из них встречала ревность, злобу и ненависть, царящие «полумрак, тесноту, спертый воздух, брюзжащую больную мать с иссохшей, порабощенной няней».

Ко всему прочему Михаила неожиданно, ни с того ни с сего стала преследовать навязчивая мысль об опасности, которая угрожает его матери: «Увидев однажды, как горько и тихо плакала она, сидя в своей полутемной спальне, я вдруг «увидел» ее в момент самоубийства и с тех пор стал следить за ней, чтобы успеть предотвратить несчастье».

Но что же наставники? Почтенные старцы молчали. За исключением Фрейда, который торжествующе усмехался…

Помимо упомянутых первой и второй, у Михаила

существовала еще и третья жизнь, доставшаяся ему в наследство от отца. И по утрам ему меньше всего на свете хотелось отвечать на вопросы жены: где был? где пропадал? с кем? почему не позвонил? Ведь я ждала, нервничала, волновалась, заснуть не могла.

Ясно, нервничала… Ясно, ждала, заснуть не могла…

«Откуда у тебя столько равнодушия? Почему ты позволяешь себе то, что не позволил бы ни один любящий мужчина?» – «А ты что, знала много мужчин и научилась сравнивать?..»

От столь жестких обвинений у Ольги на глаза навертывались слезы, а голос подводила дрожь. Не переносящий подобных сцен Михаил сам терзался: почему он ведет себя как свинья? Но ответа не находил. Мозги не работали, и он не мог придумать что-нибудь вразумительное, логичное. Только что же сказать?

Вот он, трудный итог жизни: четверть века за плечами, а он даже врать складно не научился. Кажется, даже не повзрослел.

– А ты знаешь, что у нас будет ребенок?..

Вот те и на! Оказывается, да. Однажды тихий амур успел-таки задеть своим крылышком Ольгу, и ей, уже примерявшей на себя роль Нины Заречной, пришлось готовиться стать матерью. Все перепробованные народные средства – от обжигающих горчичных ванн и каких-то отвратительных травяных отваров до нелепых прыжков на пол со стола и высокой кухонной табуретки – желаемых результатов не приносили, все было впустую, выкидыша, увы, так и не случилось.

Новорожденная девочка доставила неописуемую радость разве что Ольге Леонардовне. Забыв все прежние обиды, она оповещала питерских родственников: «Наконец-то наши дети разродились. Ах, как мучительно было ждать и так близко ощущать, как Оля страдала. Часов 15 она кричала, выбилась из сил, сердце ослабело – тогда наложили щипцы и вытянули 10-фунтовую здоровую девочку. Мы уже решили, что губы Олины, нос Мишин, а раскрывающийся левый глазок – в меня. Миша с любопытством рассматривает незнакомку и говорит, что пока никакого чувства не рождается – конечно, пока…»

Девочку при крещении назвали традиционным семейным именем – Ольга, однако в семье все (за исключением родного отца) стали называть ее Адой.

Молодой папаша, обойденный вниманием и заботами, тут же внезапно занемог: стал жаловаться на обострение аппендицита, говорил о необходимости операции. А тут еще и воспалились гланды – ни дышать, ни говорить не было сил… Но, к счастью, обошлось.

Для Адочки мигом была найдена няня, m-me Лулу, которая

забрала девочку к себе. Ведь мамочка все равно была настолько слаба и немощна, что кормить дитя не могла. Да и богемные привычки забыть было невозможно. Ко всему прочему Оля вскоре начала на правах вольнослушательницы усердно посещать утомительные занятия в школе-студии МХТ, а также наведываться на курсы в Училище живописи, ваяния и зодчества в мастерской самого Юона[8].

Правда, «капсульке моей не особо приятно было сидеть в городе, – полагал внимательный супруг, – ибо она мечтала о набросках где-нибудь в полях, но что делать, надо было бы ей не выходить за меня…».

Несчастный Володя Чехов, уже как будто бы смирившийся с судьбой, попытался найти утешение в объятиях Олиной сестры Ады. Но напрасно, приступы ревности по-прежнему терзали его.

Безнадежно влюбленный юноша бросил свой юридический факультет и с тех пор с утра до ночи стал пропадать в театре, куда его пристроили (опять-таки благодаря фамилии) на какую-то должностишку, кем-то вроде статиста или декоратора. Ему было все равно, лишь бы иметь возможность чаще видеть Оленьку. Но она его по-прежнему не замечала.

Финал романтической истории оказался трагичен. Прямо в театре во время спектакля в Мишиной гримерке и из его же браунинга (словно помня предостережение Антона Павловича) Володя Чехов застрелился.

Было заведено следствие. Хотя Миша в момент смертоубийства находился на сцене, свидетелями чему был и переполненный зрительный зал, и все актеры, с него все же взяли подписку о невыезде. А Оля еще долго потом обнаруживала в своей комнате в самых неожиданных местах тайные любовные записочки от Володи.

Очень может быть, тот роковой выстрел и заставил Ольгу принять окончательное решение: бежать отсюда, из Питера, из России. И как можно скорее. Но, прежде всего, от Михаила. Они развелись в декабре 1917 года.

Великую революцию, происшедшую в России, молодые даже не заметили, проворонили. Все проходило мимо, мимо, мимо…

Москва, 1918 год

…Было такое ощущение, что голова гораздо тяжелее всех прочих частей тела. Во всяком случае, кое-как встав с постели, он запнулся о ковер и едва не грохнулся на пол: чугунная башка тянула в сторону. А ведь еще надо доковылять до столика, на котором мать должна была оставить спасительную бутылочку сельтерской…

Сделав глоток-другой, Михаил горестно вздохнул: вот ведь черт, опять вчера надрался. Огляделся по сторонам. Слава богу, никто из вчерашних гостей на ночлег не остался. Даже той, которую он представил домашним как «добрую девушку с теннисного корта», не было. За-ме-ча-тель-но.

Заметив валяющиеся на полу скомканные листы бумаги, он заставил себя совершить очередной подвиг: наклониться и поднять их. Ба, знакомый текст. Надо же, уцелел. Наверняка вчера он пытался читать свой опус этим паршивым шлюшкам, которых после спектакля подхватил на выходе из театра.

«Вечер. После долгого дня, после множества впечатлений, переживаний, дел и слов вы даете отдых своим утомленным нервам. Вы садитесь, закрыв глаза или погасив в комнате свет. Что возникает из тьмы перед вашим внутренним взором? Лица людей, встреченных вами сегодня. Их голоса, их разговоры, поступки, движения, их характерные или смешные черты. Вы снова пробегаете улицы, минуете знакомые дома, читаете вывески… Вы пассивно следите за пестрыми образами воспоминаний проведенного дня.

Но вот незаметно для вас самих вы выходите за пределы минувшего дня, и в вашем воображении встают картины близкого или далекого прошлого. Ваши забытые, полузабытые желания, мечты, цели, удачи и неудачи встают перед вами. Правда, они не так точны, как образы воспоминаний сегодняшнего дня…»

«О, да…», – вздохнул Михаил.

«…они уже «подменены» кем-то, кто фантазировал над ними в то время, как вы «забыли» о них, но все же вы узнаете их. И вот среди всех видений прошлого и настоящего вы замечаете: то тут, то там проскальзывает образ, совсем незнакомый вам. Он исчезает и снова появляется, приводя с собой других незнакомцев. Они вступают во взаимоотношения друг с другом, разыгрывают перед вами сцены, вы следите за новыми для вас событиями, вас захватывают странные, неожиданные настроения. Незнакомые образы вовлекают вас в события их жизни, и вы уже активно начинаете принимать участие в их борьбе, дружбе,

любви, счастье и несчастье. Воспоминания отошли на задний план – новые образы сильнее воспоминаний. Они заставляют вас плакать или смеяться, негодовать или радоваться с большей силой, чем простые воспоминания. Вы с волнением следите за этими откуда-то пришедшими, самостоятельной жизнью живущими образами, и целая гамма чувств пробуждается в вашей душе. Вы сами становитесь одним из них, ваше утомление прошло, сон отлетел…»

Сон и впрямь отлетел.

Михаил Александрович, меланхолически прочитав свои же собственные строки, как молитву, чуть-чуть приободрился, встал и даже попробовал сделать некоторое подобие комплекса упражнений йоги. Впрочем, его хватило не более чем на два-три приседания и бездарную попытку изобразить позу «лотоса». Получился какой-то скукоженный эмбрион. Потом он подошел к огромному настенному зеркалу, скептически оглядел себя с головы до пят и хмыкнул:

«М-да, выдающийся актер, премьер, надежда русского театра… Хлюпик… От горшка два вершка… Красавец? Даже Лешка Дикий по сравнению со мной – Качалов… И еще от шепелявости все никак не могу избавиться… За что меня только бабы любят?.. Ума не приложу… А ведь дядюшка говорил, что в человеке все должно быть прекрасно… Ошибался, выходит, Антон Палыч… А вот отец был прав, когда твердил мне: «Тонок, как глиста, жидок, как сопля». Эх…»

Он вернулся к столу, отыскал более-менее чистую рюмку и налил водки до краев. Немного посомневался, но все-таки выпил: черт с ним, на занятия в студию все равно еще рано. Тем более, как утверждают сведущие люди, свежий запах гораздо лучше вчерашнего перегара.

Ну-с, и где же наша Ольга?.. Ах, да. Ушли-с…

В последнее время он все больше боялся толпы, старался без особой нужды не выходить на улицу, его постоянно преследовали какие-то невнятные шумы, посторонние голоса, которых никто другой не слышал. Друзьям жаловался: «Я стал различать, правда еще слабо, как бы отдаленные стоны, плач и крики страдающих от боли людей и животных…»

Чехов по желанию мог «слышать» на любом расстоянии – сидя в кабинете, он «ходил» (вернее, метался) по московским улицам, площадям и переулкам. Или мог неожиданно уйти с репетиции, а то и со спектакля. Как-то в антракте подошел к окну, увидел на площади толпу солдат, чему-то напугался и, как был, прямо в гриме и театральном костюме, убежал домой.

Полным конфузом стал срыв последней репетиции «Чайки».

После самоубийства Володи ему было страшно играть этого неврастеника Костю Треплева. А предсмертное признание чеховского героя: «Молодость мою вдруг как оторвало, и мне кажется, что я уже прожил на свете девяносто лет» – в устах Михаила звучало так исповедально, что пробравшиеся на репетицию травестюшки плакали.

После своего последнего постыдного бегства Михаил написал пространную эпистолу и отослал в театр на имя Станиславского с пометкой на конверте: «Очень прошу Константина Сергеевича прочесть письмо лично».

Станиславский вскрыл конверт поздним вечером, уже после спектакля, когда в театре почти никого, кроме дежурных и сторожей, не оставалось. Он, конечно, предполагал, что письмо будет слезливым и просительно-извиняющимся, но столь откровенных признаний, буквального самообнажения от Михаила Константин Сергеевич просто не ожидал.

«…Приблизительно года 2S я страдаю неврастенией в довольно тяжелой форме (по выражению врачей), за последнее время дело ухудшилось настолько, что, по мнению врача, «болезнь прогрессирует и при неблагоприятных условиях грозит рассудку». Это было для меня неожиданностью. Проявляется мое состояние в том, что я постоянно волнуюсь, испытываю страх, как днем, так и ночью (во сне), и болевые ощущения в области сердца и прочее. До сих пор я успешно боролся с собой и успешно скрывал все это от студийцев и вообще нейтральных лиц.

В последнее же время многие узнали об этом и, в большинстве случаев, приняли грубо и насмешливо, что делает совсем невыносимым присутствие среди них. Раз уж обнаружилось то, что я старался до сих пор скрыть, то я хочу, чтобы прежде всего узнали об этом Вы, и узнали от меня самого.

Пишу я Вам это, во-первых, в виде оправдания и объяснения мною ухода с репетиции, а во-вторых, ради избавления себя от лживых и шуточных рассказов на мой счет, которые Вы можете услышать. Прошу Вас, Константин Сергеевич, не подумать, что я ради оправдания преувеличиваю что-нибудь в своей болезни. Все, что я написал, и, может быть, даже больше того, Вам смогут рассказать жена моя и доктор. В течение всего времени болезни я прилагал и прилагаю много усилий в борьбе с собой, и всегда достигаю хороших успехов в этом смысле…»

Хотя при чем тут жена? Нет же ее, нетути…

На следующий день Станиславский снарядил консилиум врачей на квартиру Чеховых, а затем приехал сам.

– Не печальтесь, Михаил Александрович, – подбадривал своего ведущего актера Константин Сергеевич. – Кстати, ваш

дядюшка сам не отличался особой дисциплинированностью. В театре ему всегда отравляла душу необходимость выходить на вызовы публики и принимать овации. Бывало, перед финальной сценой он неожиданно исчезал, и тогда мне приходилось выходить на сцену и объявлять, что автора в театре нет, но ваша благодарность, господа, ему будет всенепременно передана. Может, – насмешливо спрашивал Константин Сергеевич, – это у вас фамильное, а?..

Михаил молчал, а Станиславскому не хотелось далее терзать больного лишними расспросами, погружаться в личные обстоятельства; он и без того знал, что главной причиной нервного срыва Чехова стало его расставание с женой, лишение какой-то более-менее устойчивой опоры в жизни.

Сам Михаил Александрович ничуть не винил Ольгу – он, безусловно, был грешен, распустился до крайности. Как и ранее бывало, перегрузившись чрез меры, почище батеньки покойного, царство ему небесное, заявлялся домой с легкомысленными девицами и, запершись в кабинете, развлекался с ними. С визгами, песнями, плясками, прочими милыми шалостями и безумствами. Какое женское сердце это выдержит?.. Хотя, вообще, эта его скоропалительная женитьба, нелепое венчание… Правы, получается, были и тетушка, и матушка, и даже няня.

Он наотрез отказывался признать, что главная партия в окончательном разрыве с Оленькой принадлежала именно его матери, Наталье Александровне. Зато это прекрасно понимали те, кто знал, кто искренне любил и жалел горемычного Мишку. «Миша Чехов разошелся со своей женой, что не так неожиданно, конечно, как может показаться на первый взгляд, но, тем не менее, удивительно, – писал в своем дневнике его близкий друг по студии Валентин Смышляев. – Миша очень любил Ольгу Константиновну, а она – его. Вероятно, и тут сыграла некрасивую роль Мишкина мать – эгоистичная, присосавшаяся со своей деспотичной любовью к сыну… Бедный Миша, вся жизнь его последних лет протекала в каком-то кошмаре. Накуренные, непроветренные комнаты, сидение до двух-трех часов ночи (а то и до 9 утра) за картами. Какая-то сумасшедшая нежность старухи и молодого человека, ставшего стариком и пессимистом».

…Когда Михаил запер дверь за Станиславским, он с досадой вспомнил, что забыл сказать Учителю нечто очень важное. Даже отчаянно грохнул кулаком о стену: вот черт!

В свое время он ходатайствовал перед своим учителем и режиссером о том, чтобы позволить одному достойному молодому писателю и режиссеру Фридриху Ярошу присутствовать на репетициях, дабы изнутри «изучать

театральный духовный механизм».

Каким же он был идиотом! Ведь это был тот самый Фридрих, с которым в свое время знакомила его Ольга. Изящный, красивый, обаятельный и талантливый человек, вспоминал ненавистную рожу соперника Михаил. Этот Яроши безошибочно достигал своих целей, даже если эти цели были темны и аморальны… Он сам рассказывал, что силы своей над людьми достигает путем ненависти. Был совершенно уверен, что его не могут убить. Когда на улицах Москвы еще шли бои, когда неподалеку от их дома артиллерия расстреливала здание, в котором засели юнкера, когда свистели пули днем и ночью, а стекла в окнах были выбиты и их закладывали подушками, этот герой-авантюрист свободно ходил по улицам, ежедневно навещал чеховский дом, был весел и очарователен. Как он говорил? «Если ты умеешь презирать жизнь до конца, она вне опасности».

А теперь Ольга вместе с полугодовалой дочерью отправилась к этому прощелыге. Уходя из дома, она, уже одетая, подошла к своему вчерашнему супругу, целомудренно, по-дружески, поцеловала в щеку и сказала:

– Какой же ты некрасивый, Миша. Ну, прощай. Скоро забудешь.

А он, пьяный дурак, еще бросил ей вслед: «Уходишь, бросаешь меня? А фамилию Чеховых все-таки себе оставляешь, да?.. Хочешь разделить со мной мою славу, да?..» Она остановилась, обернулась, с грустью посмотрела на него и, не обронив больше ни слова, ушла…

И вот теперь, проводив Станиславского, Михаил все еще оставался у двери в пустом коридоре. Вспоминал Ольгу и горько плакал. Потом собрался с силами, кое-как добрел до своей комнаты, запер дверь на ключ и выпил водки. Посидел немного, приходя в себя. Что-то решив, вернулся в коридор и, дотянувшись до телефонного аппарата, позвонил новой пассии, доброй Ксюшеньке Зиллер, той самой «девушке с корта»:

– Ксень, приезжай. Я подарю тебе своего любимого медвежонка.

И замурлыкал себе под нос распространенную той осенью песенку. Кажется, Вадька Шершеневич ее сочинил:

А мне бы только любви вот столечко,
Без истерик, без клятв, без тревог,
Чтоб мог как-то просто какую-то Олечку
Обсосать с головы и до ног…

Москва, начало XX века

– Ну, как вам пишется, маркиз? – Чехов мягко улыбнулся своему собеседнику.

– Плохо. По правде говоря, в последнее время даже очень трудно. Иногда просто охватывает ужас, кажется, все сюжеты уже исчерпаны, – пожаловался Бунин.

– Исперчены, – переиначил Антон Павлович. Помолчал, а потом заметил: – А вот тут, сударь, я с вами решительно не соглашусь. Сюжеты, да они кругом веером рассыпаны, просто под ногами валяются. Потрудитесь, наклонитесь, поднимите с земли, а где что услышали – запишите.

Он достал из письменного стола записную книжку и поднял ее над головой:

– Вот здесь ровно сто сюжетов! Да-а, милсдарь! Не вам, молодым, чета! Работники! Хотите, парочку продам?!. Недорого…

Чехов отодвинул кресло, неспешно прошелся по кабинету и, мягко улыбаясь, посоветовал Бунину:

– Вы газеты почаще читайте, Иван Алексеевич. В провинциальной хронике море сюжетов для драм и фельетонов! Вот послушайте только, что я сегодня в «Московском листке» выискал. – Антон Павлович взял газету со стола, нахмурил брови и без тени улыбки прочитал: – «Самарский купец Бабкин завещал все свое состояние на памятник Гегелю…» Каково?..

И, не сдержавшись, заразительно, во весь голос захохотал так, что даже пенсне с переносицы свалилось, едва успел подхватить на лету.

– Вы шутите, Антон Павлович?

– Помилуйте, ей-богу, нет!.. Бабкин – Гегелю!..

Теперь они смеялись уже вдвоем. До слез, до колик в животе. Обычно сдержанный, кажущийся чопорным Бунин от хохота безудержно икал и беспомощно сползал с кресла на ковер.

Именно в таком положении их застала Ольга Леонардовна. Иван Алексеевич тотчас собрался, встал, поклонился хозяйке, пахнущей вином и духами, поцеловал ее тонкую руку. Антон Павлович с улыбкой приобнял жену и прикоснулся губами ко лбу.

Настенные часы глухо пробили четыре раза. «Ого! – изумился Бунин. – Засиделись до утра».

– Что же ты не спишь, дуся? – ласково, по-домашнему, упрекнула мужа Ольга Леонардовна. – Тебе же вредно. Спасибо вам, Букишончик. – Она обернулась к Ивану Алексеевичу. – А мы вот, – она устало вздохнула, – после спектакля с Москвиным и Качаловым ездили слушать цыган к «Яру», потом бродили по

ночному лесу… Так хорошо было, покойно, тихо…

– Мне пора, пожалуй. – Бунин встал. Недавнее легкомысленное настроение уже растаяло в нем.

– Приезжайте завтра, Иван Алексеевич, – обратился к нему Чехов. – А то ведь я скоро отбываю в Крым, когда еще увидимся? Поговорим с вами о Гегеле…

На улице Бунин окликнул дремавшего неподалеку извозчика. Пока ехал в пролетке, вновь думал о Чехове и его избраннице. Все же он терпеть не мог эту женщину. Безнравственно оставлять мужа куковать в одиночестве в Ялте, а самой пребывать в Москве в окружении поклонников, почитая себя примой, любимицей публики… «Яр», цыгане, прогулки по ночному лесу… Бунин из брезгливости старался избегать светских сплетен, но тем не менее кое-какие слухи о романах Книппер до него долетали. И о премьере Качалове, и о Немировиче, и о… Да Бог ей судия.

Тебе выпало счастье быть рядом с талантом, гением, а ты… Говорят, эта безмозглая немка то ли в шутку, то ли всерьез предлагала Антону Павловичу, изнывавшему от тоски и своей неизлечимой болезни в Аутке, выставить перед «Белой дачей», их домом (она именно так и полагала: их дом) декорацию – намалеванные на театральном заднике виды Москвы: «Какое место ты пожелаешь, дуся, видеть из своего окна?.. Может быть, Сретенку?.. Или Остоженку?.. А может, Охотный ряд?..»

Бунинские прогнозы относительно неминуемых конфликтов между Ольгой Леонардовной и Марией Павловной роковым образом начали сбываться уже через несколько месяцев после памятного венчания. Антон Павлович в начале сентября обращался к жене: «То, что ты пишешь о своей ревности, быть может, и основательно, но ты такая умница, сердце у тебя такое хорошее, что все это, что ты пишешь о своей якобы ревности, как-то не вяжется с твоей личностью. Ты пишешь, что Маша никогда не привыкнет к тебе, и проч., и проч. Какой все это вздор! Ты все преувеличиваешь, думаешь глупости, и я боюсь, что, чего доброго, ты будешь ссориться с Машей. Я тебе вот что скажу: потерпи и помолчи только один год, только один год, и потом для тебя все станет ясно. Что бы тебе ни говорили, что бы тебе ни казалось, ты молчи и молчи. Для тех, кто женился и вышел замуж, в этом непротивлении в первое время скрываются все удобства жизни…

Еще немножко – и мы увидимся. Пиши, пиши, дуся, пиши! Кроме тебя, я уже никого не буду любить, ни одной женщины. Будь здорова и весела!

Твой муж Антон».

Но, как назло, Бунин хорошо помнил одно из чеховских парадоксальных утверждений: «Противиться злу нельзя, а противиться добру можно». Шутил ли Антон Павлович или с горечью настаивал?..

Москва, 1918 год

Мне еще нет тридцати, я молод… но я уже столько вынес! Как зима, так я голоден, болен, встревожен, беден, как нищий, – и куда только судьба не гоняла меня, где я только не был! И все же душа моя всегда, во всякую минуту, и днем и ночью, была полна неизъяснимых предчувствий. Я предчувствую счастье… я уже вижу его…

А.П.Чехов. Вишневый сад

Константин Сергеевич Станиславский, с почтением относясь к медицине и рекомендациям докторов, все же больше доверял своей рецептуре. Михаилу Чехову подыскали новую роль, чтобы занять работой, прибавили жалованье. В записке по поводу прибавки Станиславский подчеркнул: «Одна из настоящих надежд будущего. Надо прибавить, чтобы поощрить. Необходимо подбодрение. Упал духом».

Потом он предоставил Михаилу полугодовой отпуск. Правда, затянувшийся почти на год. Однако и это мало помогло. Чехова по-прежнему не оставляли необъяснимые страхи, предчувствие неизбежной катастрофы, даже мысли о самоубийстве. В конце концов Михаил Александрович вынужден был покинуть Художественный театр. Он воспринял увольнение как катастрофу. Ведь именно здесь, на этой сцене, он жил, сыграл свои лучшие роли – Хлестакова, Мальволио… И вот теперь – все прахом.

Оказавшемуся у разбитого корыта Михаилу один из немногих оставшихся друзей посоветовал открыть приватную театральную студию, набрать учеников. Какой-никакой, а заработок. Да какой там заработок, о чем ты? По три рубля в месяц с носа? А заниматься где, на улице? Ерунда, в твоей же квартире, в Газетном переулке, места хватит.

Поначалу Михаила одолевали болезненные сомнения: ну какой же из меня, помилуйте, учитель, педагог? Да это же просто смешно. Но… «С первой же встречи со своими учениками, – вспоминал он, – я почувствовал к ним нежность… Меня охватило то изумительное чувство, которое я утратил в последнее время».

Разумеется, поначалу он даже для себя не мог толком уяснить, как можно обучить человека театральному, актерскому

мастерству, если он или она изначально не предрасположены к сцене, от рождения не наделены даром перевоплощения, лицедейства. Ведь невозможно же обучить кого угодно сочинять музыку, стихи или писать картины. Какая чушь!

Но придумал свою методу: разыгрывал со студийцами бесчисленные этюды, а потом разбирал их по косточкам. Он преподавал им не систему Станиславского, а то, что сам перенял и от Константина Сергеевича, и от своего ближайшего друга, соученика и партнера Евгения Вахтангова[9]: «Я никогда не позволю себе сказать, что я преподавал систему Станиславского. Это было бы слишком смелым утверждением. Все преломлялось через мое индивидуальное восприятие, и все окрашивалось моим личным отношением к воспринятому…»

Система Станиславского как бы росла могучим древом, на котором техника Чехова представлялась диковатой ветвью.

Начинающий педагог терпеливо внушал своим ученикам: «Если бы современный актер захотел выразить старым мастерам свои сомнения по поводу их веры в самостоятельность существования творческих образов, они ответили бы ему: «Ты заблуждаешься, предполагая, что можешь творить исключительно из самого себя. Твой матерьялистический век привел тебя даже к мысли, что твое творчество есть продукт мозговой деятельности. Ее ты называешь вдохновением! Куда ведет оно тебя? Наше вдохновение вело нас за пределы чувственного мира. Оно выводило нас из узких рамок личного. Ты сосредоточен на самом себе. Ты копируешь свои собственные эмоции и с фотографической точностью изображаешь факты окружающей тебя жизни. Мы, следуя за нашими образами, проникали в сферы, для нас новые, нам дотоле неизвестные. Творя, мы познавали!»

Одну из наиболее талантливых воспитанниц Чехова Марию Кнебель при встрече с мастером удивили его пронзительные глаза, «куда-то устремленные, ни на кого не смотрящие и точно ждущие какого-то ответа. Меня так тогда поразили эти светлые глаза, полные боли и одиночества, и какого-то немого вопроса, что я совсем забыла о себе».

Примерно то же происходило с другими. Студийцы работали вдохновенно, азартно, одержимо. Они боготворили своего педагога. А он в свою очередь под воздействием их энергии, задора, теплоты и скрытой влюбленности сам постепенно возвращался к жизни, обретая второе дыхание.

Чехов создавал свой мир, изображая, показывая тех, кого любил, своим студентам. И от них требовал, чтобы они сочиняли своих «человечков». «Мы видели созданных им самых разных людей, – рассказывала прилежная Маша Кнебель, – высоких,

низкорослых, толстых, худых, умных, глупых, трезвых, пьяных, глухих, немых, говорливых, несущих чепуху с умным видом, тупо молчащих, пустых, перенасыщенных чувствами. Эти мгновенно возникающие «человечки» действовали, общались с нами, молниеносно отвечали на любой вопрос. Мы не уставали от этой замечательной игры. И такой юмор освещал этих возникающих, как в сказке, людей, что мы смеялись до слез… На сцене Чехов умел возбуждать такой смех в зрительном зале, какого мне потом уже не приходилось слышать. Он был творцом смеха, он вызывал с зале массовую зрительскую радость».

В Газетном они жили дружно, одной семьей. После занятий варили пшенную кашу. В холода ходили на станцию разгружать вагоны, а домой возвращались с обледеневшими балками и шпалами, чтобы потом во дворе распилить их на дрова. Время от времени Чехов вместе со своими ученицами – Гиацинтовой и Пыжовой – выступал перед публикой с водевилем «Спичка между двух огней»; порой племянника выручал сам Антон Павлович – за чтение его рассказов Михаилу выдавали фунт-другой муки или пшена. Писатель Чехов настойчиво подсказывал немного растерявшемуся актеру Чехову, что необходимо и возможно вырваться из всей этой сложной паутины жизни, чтобы жить достойно.

Все прежние страхи, сомнения и неуверенность в себе постепенно отступили. Во МХТ Михаила Чехова встретили как заблудшего, но любимого сына. Вместе со Станиславским он возродил своего Хлестакова, живо откликнулся на предложение Евгения Вахтангова и начал репетировать в Первой студии Эрика XIV в одноименной пьесе Юхана Стриндберга, а следом и Фрезера в «Потопе»…

Но душевные терзания и беспокойства Чехова пребывали лишь в полусне и, очнувшись от дремы, проявляли себя с самой неожиданной стороны. Однажды он едва не подвел постановщика «Потопа» Вахтангова. На генеральной репетиции Михаил оробел настолько, что отказался выйти на сцену. Он был смертельно бледен, у него тряслись руки. «Женя, не сердись, я не знаю, как играть Фрезера», – с ужасом повторял актер. Евгений Багратионович, кипя от ярости, схватил его за плечи, силой развернул лицом к сцене и буквально вытолкнул его из-за кулис. К его удивлению, Чехов-Фрезер тут же бойко стал произносить реплики, но почему-то с еврейским акцентом. «Откуда вдруг акцент? – спросил Вахтангов в антракте, перекрестившись, что этот кошмар закончился. – Ведь его же не было на репетициях…» – «Я не знаю, Женечка», – ответил ему спокойный и счастливый Чехов. А Станиславский уверенно объяснял: «Это подсознание».

Вероятно, режиссер знал, о чем говорил. Когда Чехов неожиданно начал заикаться до неприличия, он пришел к учителю и признался, что играть, по всей вероятности, не сможет. Интуитивно разбираясь в особенностях психофизики своего ученика, Константин Сергеевич покинул свой «трон», подошел к окну и зловещим голосом не то пифии, не то заклинателя произнес магические слова: «В тот момент, когда я открою створки, вы перестанете заикаться». И – чудо свершилось.

Хотя Константин Сергеевич и Чехов являлись людьми разной культуры, но все же были «одной крови»: они не требовали следовать за ними, а помогали другим искать путь к самому себе.

Как-то после одной из неудачных репетиций с Серафимой Бирман расстроенный Чехов записал на случайном клочке бумаги: «Однотонность, белокровие, бескрасочность… Все происходит потому, что слишком боятся штампов, лжи. Надо делать иначе. Надо переходить границы правды, познавать перейденное расстояние, по нему узнавать, где граница. А узнав – жонглировать и гулять свободно в области правды».

В «свободной прогулке» он попытался поставить в тупик свою воспитанницу и поинтересовался: «Сима, а что ты вообще думаешь обо мне?» Бирман была девушкой отчаянной, бескомпромиссной, а потому без промедлений и сомнений ответила: «Ты, Миша, – лужа, в которую улыбнулся Бог».

Не язва ли?..

Самыми истовыми поклонниками работ Чехова, естественно, были студийцы. «Игру Чехова помню до мельчайших деталей, и воздействие его на зрителей считаю чудом, ради которого, может быть, и существует театр, – рассказывала все та же Мария Кнебель. – Отделить полностью Чехов-актера от Чехова-педагога, его игру на сцене от его уроков в студии мне трудно. Он был прежде всего художником…»

Серафима Бирман повторяла в унисон: «Чехов был художником, во всяком случае, в гриме своих ролей. Знал душу своего героя и в гриме искал и находил ее выявление».

Москва – Берлин, 1921 год

Воодушевленный своим новым назначением, ответственный сотрудник КРО – контрразведывательного отдела ОГПУ – Артур Христианович Артузов[10] решил самолично просматривать списки лиц, которые подавали заявления с просьбой о разрешении выезда на постоянное место жительства за границу. Увидев в очередном из них имя Ольги Константиновны Чеховой, ходатайствующей о выезде в Германию для «получения образования в области кинематографии», он поставил напротив фамилии актрисы «галочку» красным карандашом, что во внутреннем обиходе означало необходимость личной встречи.

Официальному приглашению в Наркомат иностранных дела Ольга Константиновна ничуть не удивилась.

Встретивший ее в обозначенном кабинете молодой человек в полувоенном френче ей понравился. Невысокий крепыш лет тридцати. Крупная голова на сильной шее, широкий лоб. Темные пышные волосы, правда, уже с проседью. Коротко стриженные усы, бородка клинышком. При появлении посетительницы встал, представился Григорием Христофоровичем и даже почтительно прикоснулся губами к ее руке в перчатке.

– Я ваш поклонник, Ольга Константиновна. Присаживайтесь, пожалуйста. Не хотите ли чаю?

– Нет, спасибо большое. Я только что пила кофе.

– Вот и славно, а то ведь чай у меня без сахара. Терпеть не могу сладкого.

– Григорий Христофорович, если возможно, давайте ближе к делу. Вы о чем-то хотели со мной поговорить. Вероятно, о моем заявлении?

– Совершенно верно, Ольга Константиновна. Вы пишете, что хотели бы отправиться в Германию для получения образования в области кинематографии. А что, там действительно снимают такое замечательное кино?

– Да, одно из лучших в мире. Там создана блестящая школа, одна из лучших в Европе. Там есть чему поучиться. И Анатолий Васильевич тоже так считает.

– Кто-кто? – заинтересовался «Григорий Христофорович».

– Луначарский.

– Ах, ну да, – улыбнулся хозяин кабинета. – Я видел ходатайство Наркомпроса по вашему вопросу. – И неожиданно спросил по-немецки:

– Sprehen Sie Deutch?

Ольга внимательно посмотрела на своего визави и, с трудом

подбирая слова, с чудовищным акцентом попыталась ответить тоже по-немецки:

– Конечно. Ведь это мой второй язык. В семье мы разговаривали и по-русски, и по-немецки, и по-французски, кстати, тоже. Но это все так, на бытовом уровне, в Германии я надеюсь максимально совершенствовать свой немецкий. От этого зависит моя карьера. А вы тоже говорите по-немецки?

– Jawohl, mein Frau! Ведь это – часть моей работы.

– Браво.

– Ольга Константиновна, насколько мне известно, представителям нашей отечественной культуры, прежде всего сценического искусства, довольно непросто добиться признания на Западе… Все-таки музыка или живопись – более интернациональны, не нуждаются в переводе…

– Я не согласна с вами, – тут же возразила Ольга. – А разве пример Василия Ивановича Качалова малоубедителен? Он и его труппа уже третий год работают и в европейских странах, и в Америке. И, судя по газетным публикациям, их гастрольное турне проходит более чем успешно…

– Знаете, мне не хотелось бы вам напоминать, что качаловские актеры бежали в Европу вместе с белыми, – любезный тон «Григория Христофоровича» немного изменился, – и там пользуются их немалым покровительством и финансовой поддержкой. Но речь не о Качалове… Кстати, желание выехать в Германию исключительно ваше, Ольга Константиновна, или вашего мужа, Фридриха Яроши?

– Обоюдное, – отрезала Чехова.

Ее собеседник встал и легким шагом прошелся по кабинету. Чехова как актриса оценила его пластику.

– Вы разлюбили театр, Ольга Константиновна? Ведь Художественный театр – это наше национальное достояние. Со временем вы могли бы стать его украшением…

– Если бы там, как и раньше, ставили Чехова, Толстого, Горького, зарубежную классику, – то да. А сегодняшние спектакли, на мой взгляд, просто балаган, шутовство и плебейство. К тому же театр, к сожалению, стремительно стареет. Будущее только за кинематографом. Я не хочу упустить свой шанс стать киноактрисой. А за комплимент – спасибо…

– Я вас прекрасно понимаю, Ольга Константиновна, вы молоды, полны сил, энергии, амбициозных планов, хотите поскорее добиться признания. Со своей стороны обещаю сделать все, чтобы ускорить оформление ваших документов. Хотя и понимаю, что совершаю преступление.

– Какое же?

– Лишаю отечественных театралов вашего искусства.

– Еще раз благодарю за добрые слова, Григорий Христофорович.

– Ну что ж, будем считать вас моим человеком в Берлине. В связи с этим у меня к вам, очаровательная фрау Ольга, одна маленькая просьба. Мои коллеги, друзья время от времени по делам бывают в Германии. Не сочтите за труд оказывать им иногда, по возможности, какие-нибудь маленькие, может быть, чисто бытовые услуги. Согласны?.. А чтобы не возникало недоразумений, нам с вами нужно условиться о каком-нибудь знаке или, если хотите, только нашем с вами пароле, чтобы вы сразу могли отличить: от меня этот человек или просто какой-то прохвост, аферист.

– Конечно, согласна. А какой должен быть пароль?

– Да какой угодно. Набор бессмысленных слов, понятных только мне и вам. Ну, например… «Я – человек, который не любит ночевать в тростнике, так как боится комаров». По-русски. Устраивает?

– Отлично! – засмеялась Ольга.

Галантно целуя на прощание руку Чеховой, «Григорий Христофорович» доверительно, вполголоса проговорил:

– Позвольте один совет, Ольга Константиновна. Сторонитесь (для вашего же блага) близкого общения с эмигрантскими кругами. Я не имею в виду людей заблудших, несчастных, в силу тех или иных обстоятельств оказавшихся на Западе, а тех, кто строит планы своего победоносного возвращения в Россию. Они, поверьте, люди злобные, подлые и способные на все. Подальше держитесь от них, Ольга Константиновна, подальше. Ваше призвание – искусство…

* * *

«Григорий Христофорович» оказался человеком слова. Буквально через неделю-полторы Ольга со своим новым супругом Яроши получили разрешение на выезд в Германию. Взять с собой дочь, маму и сестру власти не позволили. «Это временная мера, не волнуйтесь понапрасну, Ольга Константиновна, – заверил ее Артузов, когда она в отчаянии вновь обратилась к нему. – Все образуется, вот увидите».

«Временная мера… временная мера… временная мера…» – эти слова молоточками отбивали дробь в ее голове в такт перестуку колес.

– Ольга, успокойся, – пытался утешить зареванную жену

Фридрих. – Твоих просто решили оставить в качестве заложников. Они будут наблюдать, как ты будешь вести себя там, на Западе. Обычная практика…

Он помолчал, погладил ее по плечу и вновь начал нашептывать: «Не волнуйся, все образуется…» Ольга резко подняла голову и досадливо взглянула на него: он что, спелся с этим Григорием Христофоровичем? Ведь бубнит те же слова, как попугай…

Сил терпеть рядом с собой этого бывшего пленного австро-венгерских войск, красавца, выдававшего себя то за продюсера, то за литератора, у нее хватило только до Берлина. Все-таки дальняя, изнурительная дорога в неизвестность, а этот… персонаж как-никак мужчина. Перед конечной остановкой они холодно распрощались, и Фридрих Яроши исчез. Навсегда и в никуда.

А Ольга осталась одна в совсем чужом большом городе. Кое-как выбралась из вагона. На привокзальной площади растерялась, в первое мгновение ей показалось: вся огромная серая масса сосредоточенных, замкнутых в себе, неулыбчивых людей движется навстречу ей, абсолютно не видя ее.

Однако первым же человеком, к кому она обратилась – разве не добрый знак?! – оказался русский эмигрант, бывший преподаватель гимназии из Подольска. Интеллигентно приподняв потрепанную шляпу, он поинтересовался, чем может помочь землячке. Уяснив суть проблемы, толково объяснил, как добраться до Гроссбееренштрассе, где находились довольно недорогие и более-менее сносные меблированные пансионы.

– Вас проводить, мадам? Что, кстати, у вас с голосом, простыли?

– Спасибо, – одними глазами улыбнулась Ольга. – Я здорова, все в порядке, так, зубы слегка…

– Мой друг доктор Красовский – весьма приличный зубной техник, у него здесь обширная практика. Он сможет вам помочь. Мы тоже живем в этом квартале, на Гроссбееренштрассе. Нас, русских, здесь целая колония…

– Спасибо. Вы и так мне очень помогли. – Ольге не терпелось поскорее избавиться от чересчур назойливого помощника. – Я пойду, пожалуй. Устала с дороги смертельно.

– Конечно, конечно. Заходите на огонек, найдем чем угостить, развеем грусть-тоску! – совсем уж по-московски, хлебосольно пригласил «добрый ангел». Но добавил по-немецки: – Ауфвидерзеен, майне кляйн!

Хозяйка пансиона оказалась дамой словоохотливой и гостеприимной. Еще бы: заполучить новую жилочку в нынешние

времена не так-то просто. Она проводила свою гостью на второй этаж, открыла дверь комнаты в конце пустынного, темного коридора:

– Это ваши апартаменты, располагайтесь, фройляйн… Ольга?.. Можно я буду вас называть просто Олли?.. А где ваши вещи?.. На вокзале?.. У вас зубы болят? Да-да, вижу, щека чуть припухла… У меня есть очень хороший стоматолог, он живет совсем рядом, на соседней улице… Могу проводить…

– Danke schqn, – ответила Олли и без сил опустилась на кровать, стоящую в углу ее теперешней кельи. Потом последовательно ответила на вопросы и предложения хозяйки. – Все вещи со мной, – она указала на свое старенькое, перелицованное пальто, платок на плечах, сапожки на картонной подошве и небольшой саквояж. – Да, зубы чуть-чуть болят, флюс. Скоро пройдет, я знаю… Доктор пока мне не нужен. Спасибо.

– Хорошо-хорошо. Отдыхайте, фройляйн Олли.

Едва за хозяйкой закрылась дверь, Ольга с облегчением выплюнула в платочек осточертевшее колечко, которое она от самой Москвы удерживала во рту под языком. В слюне оказалось немного крови – десны все-таки протестовали против присутствия инородного предмета. «Отработка техники сценической речи, – усмехнулась она, – уроки ораторского искусства… Древний грек Демосфен морскими камушками, кажется, баловался, а я вот – колечком с бриллиантиком… Но ведь другого выхода не было. Сама же видела, чем можно поплатиться за контрабанду. Под Брестом одного купчика прямо у состава расстреляли – царские монеты в носки натолкал, дурачок… Ладно, все позади. Теперь это колечко – моя единственная надежда, как спасательный круг. Вот теперь бы еще найти надежного ювелира…»

На деньги, вырученные от продажи колечка, она первым делом купила туфли, настоящие туфли на каблучках и из магазина вышла уже в них, вспоминая Золушку из старой доброй сказки… На сколько хватит оставшегося капитала, Ольга даже не загадывала. Судя по рассказам хозяйки, цены скачут, марка по сравнению с долларом каждый день обесценивается вдвое-втрое. А лавочники разводят руками: инфляция, господа, инфляция… Несведущие люди путали инфляцию с инфлюэнцией, а выяснив недоразумение, единодушно сходились во мнении, что и первая, и вторая одинаково мерзопакостны.

Москва, 1922–1928 годы

Подумать только: надо еще объяснять то тому, то другому, почему именно не пойду я служить в какой-нибудь Пролеткульт! Надо еще доказывать, что нельзя сидеть рядом с чрезвычайкой, где чуть не каждый час кому-нибудь проламывают голову, и просвещать насчет «последних достижений в инструментовке стиха» какую-нибудь хряпу с мокрыми от пота руками! Да порази ее проказа до семьдесят седьмого колена, если она даже и «антерисуется» стихами!

И.А. Бунин. Окаянные дни

После внезапной смерти Евгения Багратионовича Вахтангова театральную студию было решено поручить возглавить Михаилу Чехову. Лестному предложению он был несказанно рад. В качестве дебюта Чехов избрал классическую пьесу мирового репертуара – «Гамлета». Готовя шекспировскую трагедию, он стремился осуществить свою давнишнюю мечту – идти к тексту через движение. С этой целью даже придумал любопытную «игру с мячами» – актеры перебрасывали друг другу мячики в определенном ритме и с определенной эмоциональной окраской взамен классических реплик, чтобы жест предопределял интонацию слова.

«От движения шли мы к чувству и слову, – рассказывал о своем замысле Чехов. – И, к моей величайшей радости, я увидел, что актеры охотно шли на новые и непривычные для них методы работы. Но зато сам я как исполнитель роли Гамлета далеко отстал от своих товарищей. Даже в день первой публичной генеральной репетиции я, стоя в гриме у себя в уборной, мучился той самой специфической мукой, которая известна актеру, когда он чувствует, что не готов для того, чтобы явиться перед публикой…»

Поначалу Михаил Александрович, словно заправский барышник, по-деловому, придирчиво отбирал исполнителя заглавной роли. Когда все возможные кандидатуры, одна за другой, отпали, его осенило: а почему бы не попробовать самому?

Разве Шекспир требовал, чтобы принц был непременно писаным красавцем? Напротив, в одной из авторских ремарок, кажется, проскользнуло, что Гамлет тучен, его мучает одышка и пр.

Никто не верил, что Чехов способен сыграть принца Датского, настолько это была не его роль. Даже Станиславский отрицал, что его ученик способен дотянуться до вершин трагедии, ехидничал, может быть, стремясь раззадорить Михаила: «Трагик плюнет, и все дрожит, а вы плюнете – и ничего не будет». Ну как играть после такой уничижительной оценки? Проще застрелиться! Но все же Чехов рискнул – и победил всех скептиков.

Его Гамлетом, хрупким, с огромными страдальческими глазами, бесстрашно стремящимся навстречу своей неминуемой гибели, публика была покорена. Один из восторженных зрителей, поэт и философ Андрей Белый[11], немедленно написал Чехову: «Сегодня я впервые понял шекспировского «Гамлета»; и этот сдвиг понимания во мне произошел через Вас».

Из рук самого наркома просвещения Анатолия Васильевича Луначарского исполнитель-победитель принял грамоту о присвоении ему звания заслуженного артиста государственных академических театров. Более того, Чехова додумались избрать депутатом Моссовета, заседания которого он, впрочем, так и не удосужился посетить. Но самое главное – нарком вновь пригласил Михаила к себе и предложил реорганизовать его любительскую студию в профессиональный театр, который предложил назвать МХТ-2.

– Довольно вам ютиться по квартирам. Пора, Михаил Александрович, расширяться, – настаивал просвещенный нарком, сам баловавшийся драматургическими опытами. – По моему поручению вам уже подыскали новое здание на Театральной площади. Давайте завтра вместе съездим, посмотрим…

Так Чехов получил свой театр. Постепенно начал формироваться репертуар, труппа пополнялась новыми исполнителями.

В поисках единомышленников Чехов часто вспоминал об Андрее Белом, который одним из первых понял его «Гамлета». Помог случай. Оказавшись на собрании слушателей Вольной философской ассоциации, на котором предполагалось обсуждение доклада о новом толковании «Преступления и наказания», Чехов с удивлением для себя обнаружил, что докладчиком является именно Белый. Его лекция оказалась откровением, никакого обсуждения не требовавшим.

Чехов немедля пригласил поэта выступить перед студийцами. Белый согласился, обрадовавшись возможности проверить восприятие публикой его экспериментальной, ритмической

прозы, и предложил вниманию молодых актеров главы своего романа «Петербург». И Чехов увидел роман на сцене.

Работа над инсценировкой «Петербурга» объединила их. «Чехов увлек меня, – рассказывал писатель, – писал роль сенатора специально для него; и теперь, и в будущем мечтаю писать драмы…» После репетиций актеры собирались по вечерам на квартире «Клоди», друга, будущей жены писателя Клавдии Васильевой. Там под руководством Чехова занимались ритмом, движением и словом, слушали вводные лекции Бориса Николаевича о поэтике и по теории литературы.

«О чем бы он ни читал – все казалось неожиданным, новым, неслыханным, – восхищался Чехов лекциями Белого. – И все от того, как он читал. Как-то раз, говоря о силе притяжения Земли, он вскочил, приподнял край столика, за которым сидел, и, глядя на публику в зале, зачаровал ее ритмами слов и движений, а потом так сумел опустить приподнятый столик, что в зале все ахнули: столик казался пронизанным такой силой, тянувшей его к центру Земли, что стало чудом: как остался он здесь… почему не пробил земную кору и не унесся в недра земные!»

Белый был одержим идеей, что каждая буква в слове и каждый звук в музыке имеют свое пластическое выражение. А коль так, именно пластикой можно «расшифровывать» поэзию, прозу, музыку… Потом именно он стал поводырем Чехова в причудливом, туманно-призрачном антропософском мире, созданном австрийским гением Рудольфом Штайнером[12].

– Что такое антропософия? Я отвечу вам, Михаил, словами Штайнера, – говорил Андрей Белый. – Это – «путь познания, призванный духовное в человеке привести к духовному во Вселенной…» Антропософ – это тот, кто ощущает, как существенную жизненную потребность, определенные вопросы о природе человеческого существа и Вселенной, так же как люди испытывают голод и жажду. Способом постижения «высших миров» наш учитель считает развитие интуиции как сверхъестественной способности ясновидения, возвышающей человека над ограниченным земным знанием.

Согласно его теории, человек представляет собой микрокосмос, в котором различаются три сферы: физическая (материальная), эфирная (душевная) и астральная (духовная). Каждая из сфер – это ступень как в индивидуальном развитии человека, так и во всемирной истории человечества. Основная задача антропософии заключается в том, чтобы поднимать человека на высший, духовный уровень, возвышать его над повседневным физическим существованием, актуализировать потенциально присущую человеческой личности незримую связь с

божественным…

Белый был готов рассказывать Чехову о Штайнере и его учении круглыми сутками.

– Мы познакомились со Штайнером еще до Первой мировой войны, в 1912 году. Тогда в Мюнхене я впервые увидел постановку его стихотворной мистерии-драмы «Пробуждение души». Поверьте, Миша, я был потрясен… Для вас должна быть крайне интересна и полезна эвритмия, открытая профессором. Это совершенно новый вид искусства, основой которого является «зримая речь». В нем – сочетание особого гармонизирующего движения, напоминающего танец и пантомиму, с поэтической речью или музыкой…

* * *

Недаром актерскую среду сравнивают со змеиным гнездом. Вполне возможно, исполнителей драм и трагедий развращают неистощимые сокровищницы хитроумных затей, интриг и злых козней, которые предлагают им для воплощения на сцене талантливые драматурги и не менее одаренные постановщики. Маски отрицательных героев так или иначе оставляют в сердцах и сознании их вынужденных носителей свои незримые следы. Что поделаешь, особенности профессии.

И потом даже в тех театральных коллективах, которые рождались в процессе взаимного притяжения душ, поклоняющихся одним и тем же благородным принципам, очень скоро начинает витать незримый дух соперничества, сопряженного с дрязгами, сплетнями, подковерными играми и ссорами. В закулисье, в гримуборных, в кабинетах директоров или художественных руководителей вызревают зерна грядущей смуты, которые неизбежно всходят и дают богатый урожай ядовитых плодов, именуемых ревностью, завистью, болезненно обостренным самомнением…

Все это сполна испытал на себе начинающий руководитель МХТ-2 Михаил Александрович Чехов. Уже в середине 20-х годов возникли первые признаки раскола. Актер и режиссер Алексей Дикий[13], оставив побоку Чехова, выпустил в пику ему лесковскую «Блоху», о чем Мария Андреева, побывав на премьере, тут же сообщила Горькому: «…Хороший, веселый спектакль без дураков и фокусов, но пролетарская публика предпочитает «Гамлета» с Мишей Чеховым…»

В какой-то момент образовалось магнитное поле. Часть труппы ворчала, часть молчала, а часть сочувственно кивала – и

первым, и вторым. Весной 1927 года группа актеров, вожаком которой оставался все тот же Дикий, затеяла безобразную травлю Чехова.

Режиссеру вменяли в вину, что своими постановками «Гамлета» и «Петербурга» он разлагает публику мистическими настроениями, насаждает сектантство, распространяет среди актеров чуждые антропософские идеи. Почему в репертуаре нет пьес правильных, проверенных советских драматургов?! Мы погрязли в мистике!.. В общем, ярлык был подобран беспроигрышный: «носитель мещанской мелкобуржуазной идеологии». Оппонентов особенно возмущало, что Чехов посмел организовывать свои антропософские вечера прямо в репетиционном зале театра.

В недостойные «игры» вовлекли даже Сергея Эйзенштейна. Великий кинорежиссер иронизировал над тем, что в театральных гостиных появились новые адепты, и даже его, дескать, пытались посвятить в розенкрейцеры. Потом была подключена пресса: стыд и позор Михаилу Чехову, запятнавшему славную фамилию!..

Низложенный кумир, огрызаясь, презрительно именовал вчерашних друзей и коллег «собранием верующих в религию Станиславского». Напрасно Михаил Александрович пытался защитить Белого, объяснить, что поэт живет в мире, отличном от мира людей, его окружающих, и мир обычный, принятый всеми, он отрицает. Время в мире Белого не то, что у нас. Он мыслит эпохами… Он несется сознанием к Средним векам, дальше – к первым векам христианства, еще дальше – к древним культурам, и перед ним раскрываются законы развития, смысл истории, метаморфозы сознания. Он уносится и дальше: за пределы культуры – в Атлантиду и, наконец, – в Лемурию, где только еще намечались различия будущих рас, и оттуда он несется обратно, всем существом своим, всем напряжением мысли переживая: от бесконечного к личному, от несвободы к свободе, от сознания расы к сознанию «Я».

Бес-по-лез-но…

Когда терпение Чехова лопнуло, он написал на имя Луначарского заявление об отставке. Однако нарком не пожелал терять Чехова, провел с ним душеспасительную беседу (он умел это делать мастерски) и ради сохранения МХТ-2 позволил уволить смутьянов, затеявших бучу. Тем более что в поддержку художественного руководителя Чехова выступила большая группа актеров, предлагая ему «располагать всеми силами нашей творческой воли, рассчитывать на всемерную нашу полную с Вами солидарность…».

В советской культуре уже завоевывает позиции безотказная

практика разрешения творческих конфликтов путем составления коллективных челобитных, сочинения писем «в защиту», заочного осуждения и индивидуальных доносов.

Кипение страстей во МХТ как будто бы улеглось. Но на самом деле оно лишь поутихло до поры до времени. К тому же надо было знать характер и темперамент Михаила Чехова. В мае 1928 года он уже категорически потребовал от Наркомпроса разрешить ему отбыть вместе с супругой Ксенией Карловной для отдыха и лечения в германское местечко Брейтбрунн на Аммерзее.

Накладывая положительную резолюцию на прошении, Анатолий Васильевич Луначарский строго взглянул на вытянувшегося перед ним служащего комиссариата, поправил пенсне и произнес замечательную речь о губительных для Чехова и иже с ним последствиях подобного шага:

– Знаю я эти поездки «на лечение и восстановление сил»… Конечно, не он первый, не он, к сожалению, и последний. Но, – нарком назидательно постучал указательным пальцем по столу, – те артисты, которые воображают, будто так легко отчалить от родного берега в поисках буржуазных пышных садов, где высокие гонорары и широкая артистическая свобода, глубоко заблуждаются. Горек и черств хлеб русского актера за границей! Разве только пошловатый человек, которого могут удовлетворить внешние удобства западной жизни, может легко мириться со своей долей…

Чиновник виновато переминался с ноги на ногу перед наркомовским столом, словно все эти упреки были адресованы именно ему. А Луначарский, поймав миг вдохновения и верный тон, чувствовал: получается! Это же готовые тезисы будущей статьи, о которой только на днях они долго толковали с Карлом Радеком. И Анатолий Васильевич продолжил:

– Но разве среди этих пошловатых людей могут быть настоящие таланты? Променять на западную чечевичную похлебку гигантское право быть участником ведущей части человечества и ведущего в настоящее время театра – это значит для подлинного дарования подписать собственный приговор медленного, а может быть, и быстрого умирания… Вот так!

Он посмотрел на стоявшего перед ним человека и спросил: «Вы согласны со мной, Дмитрий Сергеевич?..»

– Конечно! – вытянулся перед наркомом дисциплинированный совслужащий, еще вчера отвечавший исключительно по уставу: «Так точно!»

Увы и ах, но пресловутый Михаил Александрович Чехов в данный исторический момент находился вдали от России и, к сожалению, никак не мог слышать мудрых наставлений наркома.

Хотя, возможно, именно тогда, отведав чечевичной похлебки, прогуливаясь вдоль бескрайнего озера Аммерзее и прихлебывая из кружки с длинным носиком целебную водичку, Михаил Александрович решил-таки послать к чертовой матери свою непредсказуемую Россию и попытать счастья на иных берегах…

Берлин, 1921–1922 годы

«Золотые двадцатые» годы… Я не понимаю, почему их так называли. Как никогда раньше, да, впрочем, и потом, в эти годы тесно переплелись блеск и нищета, подлинное и мнимое безделье и напряженный труд, богатство и нужда, отчаяние и надежда, безумие и рассудок, духовное и бездушное… В литературных кафе и артистических забегаловках горячо дискутируют о кубизме, импрессионизме, экспрессионизме, дадаизме и всех возможных «измах» – только не о национал-социализме, который никто не воспринимает всерьез…»

О.К. Чехова. Мои часы идут иначе

Совершенно случайно на берлинской улице Ольга встретила давнишнюю московскую знакомую, подругу Соню, с которой в свое время они вместе подвизались в театральной студии Михаила Чехова. Потом Соня, помнится, благополучно выскочила замуж за какого-то австрийца или венгра и укатила за границу. В Германии она уже считала себя старожилкой. Соня была практична, деловита, и без ее житейских советов на первых порах Ольге пришлось бы непросто. «Бриллиантовые» денежки стремительно таяли.

– На что жить думаешь, подруга? – теребила ее Соня. – Умеешь рукодельничать, вышивать, кружева плести, вязать?.. Нет? Худо. Мишка научил шахматные фигурки из дерева вырезать? – она хихикнула. – Как у него еще и на это времени хватало?.. Зверушек из глины любишь лепить? Тоже пойдут неплохо. «Наши» эти штучки любят – ностальгируют, сумасшедшие…

Сама Соня за спиной мужа, булочника, жила припеваючи.

Но обнаружилось, что берлинцев, несмотря на послевоенную разруху, как ни странно, кроме хлеба, интересовали еще и зрелища. Чуть ли не в каждом городском районе возникали какие-то любительские театры, стихийно собирались вполне

профессиональные музыкальные оркестрики, художники на каждом углу наперебой предлагали свои работы. А уличных танцоров и вовсе было не счесть.

Однажды Соня позвала Ольгу с собой в гости к своим знакомым, как оказалось, очень милым людям. На вечеринке среди прочих оказался сравнительно молодой, лет 35, весьма импозантный мужчина, назвавшийся Эрихом Поммером. Целуя Ольге руку, он с немалым достоинством представился: «Кинопродюсер».

О кинематографе фройляйн Чехова, забыв обо всех своих прежних уверениях, все-таки имела весьма смутное представление. Благо рядом оказалась всезнающая Соня, которая тут же подсказала, что герра Поммера можно сравнить, к примеру, с Саввой Тимофевичем Морозовым, который в старое время содержал МХТ, или с его легендарным тезкой Мамонтовым, помнишь? Только у господина Поммера, кроме денег, наличествует также художественное чутье и утонченный вкус. Герр продюсер наперед знает, что нужно зрителям, что снимать и кого снимать, понимаешь?.. А я ему уже успела сказать, что ты русская актриса, училась у самого Станиславского.

– Ты с ума сошла? – смутилась Ольга. – Я же его только у тетушки в доме встречала, ну и еще иногда в Мишкиной студии…

– Да не переживай, – успокоила подругу бесшабашная Соня. – Сойдет. Самого Станиславского они сами в глаза не видели. А ты, считай, чаи с ним распивала…

Когда вечеринка уже заканчивалась и гости церемонно прощались с гостеприимными хозяевами, Поммер, многозначительно придержав руку Ольги у своих губ, пригласил ее посетить принадлежавшую ему студию «Декла-Биоскоп».

– Уверен, вам будет интересно, фройляйн Олли, – заверил он. – Там как раз начинаются съемки нового фильма. Я познакомлю вас с очень талантливым режиссером Фридрихом Мурнау. Он подает большие надежды…

Растерявшаяся от неожиданного предложения Ольга, не найдя ничего лучшего, выудила из сумочки изящную шахматную фигурку и вручила ее своему новому знакомому.

Эрих повертел перед глазами забавный презент и спросил: «Ferz?»

– Конечно, ферзь, – без тени смущения, с задорной улыбкой подтвердила будущая актриса. – Королева!

– Она похожа на вас, Олли, – нашелся Поммер.

* * *

Эриху Поммеру была по душе роль всезнающего экскурсовода. Он, учтиво поддерживая Ольгу под руку, показывал ей павильоны и с нескрываемой гордостью рассказывал о своей студии:

– Наша кинокомпания пока находится на втором месте в Германии. Подчеркиваю: пока. Все впереди, потому что у меня работают лучшие режиссеры и лучшие актеры. Сейчас я вас познакомлю с одним из них. – Он мягко, но настойчиво направил Ольгу к высоченному, под два метра, мужчине, который, прижав ко рту жестяной рупор, отдавал резкие команды группе людей, копошащихся на съемочной площадке под ярким светом софитов. – Перед вами, Ольга, Фридрих Вильгельм Мурнау! Вы видели его последний фильм «Голова Януса»? Нет?! Непростительно! А «Сатану»? Тоже не видели?.. О, тогда я вам завидую, вас впереди ждет истинное наслаждение… Вы любите мистику, ужасы? Так вот он – их создатель. Сегодня он снимает новую ленту «Замок Фогельод». Пресса пишет, публика уже ждет…

Мурнау был хмур и, казалось, не особо расположен к светской болтовне.

– Фридрих, ты все еще занят поисками исполнительницы главной роли? – как бы мимоходом спросил его Поммер.

– Ну да, – кивнул двухметровый гигант.

– Дарю, – грубовато, как-то по-торгашески, бросил Поммер и легонько подтолкнул к режиссеру Ольгу. – Знакомься, эта фройляйн – представительница знаменитой русской династии Книппер-Чеховых. Лучшей актрисы тебе не найти, уверен. Я уже вижу аншлаги: «Дебют в немецком кино русской кинопринцессы Ольги Чеховой!»

Мурнау придирчиво осмотрел со всех сторон Ольгу, подвел ближе к софитам, покривился, потом подозвал гримершу, отдал ей какие-то распоряжения. Женщина в белом халате быстро занялась Ольгиным лицом. Режиссер еще раз критически взглянул на потенциальную дебютантку и задумчиво сказал Поммеру: «А что, очень может быть, ты и прав, Эрих. Будем пробовать…»

Ольге наконец удалось задать вопрос:

– И кого же я буду играть?

Фридрих Мурнау посмотрел на своих ассистентов – и мгновенно в его руке оказалась тощая папочка: «Вот сценарий, читайте, фройляйн». Ольга раскрыла папку и беспомощно оглянулась к Поммеру: «Но тут же все по-немецки…» Продюсер снисходительно улыбнулся: «Не беспокойтесь, переведут. Та же ваша подруга Соня не откажется…»

Пока готовился перевод, а Мурнау снимал второстепенные сцены, обходясь без участия главной героини, Ольга не выходила из кинотеатров, пытаясь разгадать феномен под названием «кинематограф». Будь ее воля, она смотрела бы все ленты круглосуточно.

– Мне кажется, в кино не используется естественная выразительность актеров, – в конце концов она решилась на откровенный разговор с Мурнау. – В театре публика, сидящая в десятом ряду, не имеет возможности увидеть тонкий жест, мимику, выражение глаз артиста. А на экране лицо героя – прямо перед зрителем…

Мурнау внимательно выслушал доводы будущей «владелицы замка Фогельод» и согласился с ней: «Ты права, Олли, именно изобразительный ряд, «ландшафт лиц» с бесконечной чередой проявлений нежности, радости, печали, ненависти, да каких угодно чувств должен привлечь к нам, в кино, самих знаменитых театральных актеров. Я сам, если хочешь знать, тоже начинал в театре… Но кино – это совершенно новый вид искусства…»

В этом она убедилась уже завтра. Первый же съемочный день поверг Чехову в шок: оглушительный шум-гам, перестук молотков, суета, бесконечная смена декораций, костюмов, грима, пересъемки уже отснятых сцен. А посреди павильона, похожего на огромный аквариум, за роялем сидит какой-то мальчишка-тапер, устремив свой полубезумный взор в неизвестность, и выдает сумасшедшие импровизации, якобы призванные создавать соответствующее настроение у актеров, которые в это время галдящей сворой носятся за режиссером и оператором, требуя дать им крупный план…

Точно такими же невыносимыми оказываются следующие три дня. Для дебютантки это показалось непосильной ношей. Выплакавшись в своей убогой кельюшке на Гроссбееренштрассе, Ольга немного пришла в себя и решила возвращаться домой, в Россию. Там тетя Оля поможет, она будет играть в театре, спокойно репетировать, учить роли, беспрекословно слушаться режиссера-постановщика, заниматься пластикой, техникой сценической, не немецкой, речи…

Ее настроения уловил Мурнау, и в один из вечеров он навестил Чехову и очень тонко провел с ней «воспитательный час». Впрочем, хватило и пары минут. Во-первых, то, что ты задумала, – просто не по-товарищески, ты – эгоистка, подводишь, предаешь всех нас, перечеркиваешь уже сделанное, наши надежды на тебя, сказал режиссер. И замолчал. Чехова побледнела от оскорбительных упреков, и «во-вторых» уже не понадобилось…

На следующий день на площадке уже царила тишина, обычный хаос чудесным образом обрел рабочие ритмы, а единственными хозяевами съемок остались режиссер и актриса – исполнительница главной роли.

Пока снимался «Замок», расторопные продюсеры уже предлагали Ольге Чеховой новые контракты. Потом прямо в гримерную ей приносили другие сценарии – на выбор. Ее красивое, идеальных пропорций, как бы бесстрастное и непроницаемое лицо таило в себе загадку. Режиссеры верили: она готова справиться с любой ролью – от аристократки до женщины-вамп, от невинной девицы до шлюхи-авантюристки.

Завоеванное право выбирать, конечно, тешило самолюбие. Но Ольга шестым чувством ощущала: кино уже начинает «учиться говорить». Выхода не было, и она срочно записалась на курсы к знаменитому профессору Даниэлю, лучшему преподавателю сценической речи и пения. Правда, его уроки стоили таких денег, что завтракать Ольге приходилось в ужин…

У прожорливой твари по имени «инфляция» оказался жуткий аппетит. Жалованье – сначала в миллионах, потом в миллиардах, биллионах и триллионах марок – выплачивается ежедневно. Но что толку, если к концу рабочего дня на руках оставалась жалкая кучка обесцененных ассигнаций, которых едва-едва хватало на оплату пансиона. Правда, сердобольный Поммер предпринял попытку обхитрить инфляцию, и зарплату начали выдавать дважды в день. После выплаты денег объявлялся получасовой перерыв, и все стремглав мчались по магазинам в надежде успеть хоть что-нибудь купить до объявления нового курса доллара.

…Но несмотря на неурядицы и вечное безденежье, в один из вечеров Ольга решила собрать друзей на маленькую пирушку. Был повод: русская актриса Чехова получила свой первый годовой ангажемент в берлинском «Ренессанс-театре»! Первый тост она подняла за профессора Даниэля. Второй – за Соню. Третий – за Поммера и Мурнау. Или нет, все-таки третий тост был за Соню (русская традиция, объяснила Ольга). Далее последовали теплые слова благодарности каждому из гостей, партнерам по съемкам – Генриху Георге, Эрнсту Дойчу, Вальтеру Франку и другим. Друзья, в свою очередь, рассыпались в комплиментах удивительной красоте женщине по имени Ольга и ее мужскому характеру…

Ольга внимательно следила за столом, не забывая напоминать гостям: «Мой дядюшка говорил: «Если человек не пьет и не курит, невольно начинаешь задумываться, а не сука ли он?»

Все безмятежно хохотали, все были веселы и счастливы…

Вскоре Ольга сообщила московской тетушке: «Я впервые играла в драме… Я только… никак не могла понять, что одним этим прыжком на сцену стану артисткой. Ведь, кроме занятий с Мишей, никакой школы не имею. Разве только влияние его студии, где мы проводили дни и ночи…»

Чуть позже Ольга Леонардовна с довольной улыбкой читала очередное послание-отчет племянницы: «У меня самый большой, настоящий успех. Театр вечно полон. Мне самой так смешно. Я здесь стала известна. Люди из-за меня идут в театр, в меня верят… Я в руках очень хорошего режиссера, так что ты не бойся. Ни немецкой школы, ни пафоса мне не перенять. Я каждый вечер играю с такой радостью, с таким волнением, плачу, вся моя жизнь сконцентрирована на сцене…»

Берлин, Клюкштрассе, октябрь 1923 год

– …Фрау Чехова? Простите, пожалуйста, Ольга Константиновна, но мы – те самые «несчастные путницы, которые не хотят ночевать в тростнике, потому что боятся комаров», – очень серьезно, без всякой улыбки произнесла неизвестная женщина, стоявшая с ребенком на руках перед дубовой дверью квартиры Чеховой.

Ольга же весело расхохоталась: «О, узнаю Григория Христофоровича!»

– Да-да, он передает вам свой самый сердечный привет и кое-какие гостинцы из Москвы, – наконец улыбнулась и незнакомка.

– Ой, да что же я вас в дверях держу! – всплеснула руками Ольга. – Проходите, пожалуйста, сюда.

Высокая, стройная брюнетка в сером костюме английского кроя, в светлой блузке с галстуком, повязанным по-мужски, прошла следом за хозяйкой в гостиную. Ольга тут же кликнула горничную, велела уложить засыпающего ребенка («Кто это у вас? Девочка?» – «Девочка. Алиса») пока что в спальне, потом подать чаю, варенье и что-нибудь еще.

Гостья держалась уверенно, охотно отвечала на вопросы: «Да, я журналистка из Советской России, Магдалина Михайловна Краевская, представляю наши газеты «Правда», «Известия» и «Красную газету»… Что привело в Берлин? Москвичей очень интересуют события, которые сегодня происходят в Германии. Ведь здесь, у вас, настоящая предгрозовая ситуация. Революция на носу…»

– Да-да, – мимолетно улыбнулась гостеприимная хозяйка, – с продуктами у нас перебои, лекарств не хватает… Рабочие бастуют… Так, у вас есть где остановиться? Проблемы? Считайте, что их нет. У меня есть свободная комната. Пойдемте, я вам покажу.

Ольга Константиновна показала гостье уютную спаленку с двумя кроватями, и они вернулись в гостиную.

– А теперь, моя милая, проблемы возникли уже у меня. Я опаздываю на спектакль. Поэтому предлагаю: вы устраивайтесь, отдыхайте, кушайте, Кристи покажет вам душевую… А вечером после представления я сразу домой, и мы с вами наболтаемся всласть. Я так соскучилась по москвичам и новостям. Ну что, согласны?.. Тогда все, до вечера!

…Вернувшаяся из театра только в первом часу ночи, Ольга

еще пребывала в слегка приподнятом после успешного спектакля состоянии. Она прошлась по квартире и обнаружила свою новую знакомую в гостиной за изучением местных газет.

– Боже, вы еще не спите! И чем занимаетесь?! Читаете буржуазную, лживую, продажную прессу! Нет, мне надо было вас с собой забрать в театр. Но это моя ошибка, я кругом виновата!.. Да, а где наша прелестная Алиса? Спит? Вот и прекрасно. А вы ели что-нибудь? Нет? Почему это «не хотите»? Я, например, голодна, как собака. Сейчас все будет!..

Не обращая внимания на протесты Магдалины, она удалилась куда-то в глубь квартиры и вскоре вернулась в сопровождении горничной, которая несла поднос с бутербродами. Ольга Константиновна шествовала королевой, гордо вознеся над головой две бутылки вина.

– Пируем!

В тот вечер перспективы развития пролетарской революции в Германии были как-то не совсем кстати. Чехова жадно расспрашивала о происходящем в Москве и Питере, выпытывала светские сплетни. Магдалина Михайловна оказалась замечательной собеседницей, свободно реагировавшей на любые темы. У дам очень быстро отыскались общие знакомые, ведь старые русские столицы были «городами маленькими». В разговоре фантомами мелькали знаменитые имена, фразы переплетались известными им обеим поэтическими цитатами. Магдалине под настроение вспомнилось, и она, не удержавшись, к случаю прочла: «Уж если ад, так пусть тут будет ад, а если рай… Но не бывает рая…»

– Гумилев, – тут же отозвалась Ольга.

– Да, – обрадовалась Магдалина. – Вы знаете его стихи?.. А я, признаться, в свое время была хорошо знакома с Николаем Степановичем… Как будто в прошлой жизни…

– О, а я видела Гумилева только однажды. В «Бродячей собаке» или в «Приюте комедиантов», точно уже не помню где… Мы были там с веселой компанией, Гумилев читал новые стихи…

Как оказалось, Магдалина была прекрасно осведомлена обо всем, что происходило в богемной Москве за годы, минувшие с момента отъезда Ольги из Белокаменной.

…Есенин? Сергей недавно вернулся в Россию, сообщала она, после длительного заграничного путешествия. Побывал вместе со своей Айседорой и в Европе, и за океаном. Гостил, кстати, и в Берлине, не встречались случайно?.. Даже не слышали? Ну, мировой славы он, конечно, не снискал. Но без скандалов, кажется, не обошлось. Во всяком случае, я слышала, как он жаловался, что в Париже в ресторане его избили белогвардейцы,

как он там потерял и цилиндр, и перчатки. Да и Америка ему тоже не понравилась… И он ей тоже… Игорь Северянин? Он, по-моему, уединился где-то в Прибалтике, но где точно, не знаю…

– А вам, Ольга, доводилось видеть Антона Павловича?

Чехова засмеялась:

– Да что вы, моя милая, меня за совсем престарелую старуху принимаете?!. Я сама Чеховой стала только через десять лет после его смерти. Ведь в девичестве-то я Книппер. Племянница Ольги Леонардовны, кстати. А потом выскочила замуж за Мишу, племянника Антона Павловича…

Хотя, знаете… Изредка у меня возникает нечто вроде видения или сна наяву. Какие-то детские воспоминания всплывают из подсознания, запертого прежде на засов… Будто бы мы с сестрой тихонько бродим по дому, заглядываем в одну из комнат. Там лежит наш младший братик Лева. Он на растяжке. У Левы подозревают костный туберкулез. Его ступни накрепко привязаны к прикроватной спинке, а тельце в кожаном корсете, под подбородок. На краю постели сидит доктор. Он о чем-то беседует с Левушкой, потом заводит маленький граммофон, который принес с собой специально для него. У доктора такое обаятельное овальное лицо, грустные глаза, бородка… Родители шепчут мне на ухо, что этот дядя знаменитый писатель Антон Павлович Чехов, муж моей тети Оли… Он оборачивается и улыбается, что-то говорит родителям, кажется, советует ни в коем случае не возить мальчика по гостям и не позволять ему много бегать и прыгать…

– А как сегодня ваш брат, Ольга Константиновна?

– Знаете, выздоровел, тьфу-тьфу-тьфу. Все его беды с позвоночником как будто бы позади. Он даже стал превосходным спортсменом. Живет в Москве, занимается музыкой. Кстати, недавно гостил у меня в Берлине…

«Магдалина Краевская» – Лариса Рейснер[14] нарадоваться не могла своей безусловно удачно подобранной легенде. Она – человек свободной профессии, журналистка, специальный корреспондент, вполне уместная фигура среди богемы, политиков, банкиров, меценатов, актеров, писателей, художников, спортсменов… Почему бы ей не быть доброй знакомой поэтам Волошину и Есенину, режиссеру Станиславскому или скульптору Коненкову? И почему бы Николаю Гумилеву не посвящать ей свои стихи?..

Ольга Константиновна исподволь приглядывалась к своей московской гостье. Что говорить, она и впрямь хороша. В правильных, точеных чертах лица угадывалась явно не славянская, а скорее тяжеловатая арийская красота, в глазах

читался и надменный холодок, и что-то острое, насмешливое.

Дамы легко перемежали русскую речь немецкой, изредка вставляя и французские словечки.

– Вы ведь немка? – полуутвердительно спросила Чехова.

– Конечно, – не стала отрицать Магдалина. – Мои предки были из рейнских баронов. Дед говорил, что наш род вообще ведет свое начало от крестоносцев. Но я с детских лет никогда не бывала в Германии.

– Ну, тогда, как говорится, сам Бог велел: за возвращение домой! – Хозяйка высоко подняла бокал. – Это, кстати, рейнское…

– Прозит! – не растерялась гостья.

За разговорами новые подруги просидели почти до рассвета. На следующий же день Лариса отправилась в Гамбург, где располагался штаб грядущей германской революции. Там ее интересовали не столько уличные стычки, сколько реальная оценка боевого потенциала немецких пролетариев накануне 9 ноября, даты намеченного революционного восстания.

(По странному стечению обстоятельств, именно в этот день в Германии вместо победоносной пролетарской революции произошел мюнхенский «пивной путч» Адольфа Гитлера со товарищи.)

В Гамбурге местные шуцманы не чинили ни малейших препятствий корреспондентке ведущих московских газет, к тому же красивой женщине, возжелавшей побывать в городских трущобах, рабочих кварталах, даже любезно подсказывали ей, как проще добраться до штаба бастующих рабочих.

Один лишь лидер немецких коммунистов Эрнст Тельман достоверно знал, что эта пронырливая и обаятельная особа с международным журналистским мандатом на самом деле является офицером связи между ЦК КПГ и представительством Коминтерна[15], которое расквартировано в Дрездене.

Повторно «Магдалина Краевская» навестила Чехову накануне своего отъезда из Германии.

– Я буквально на минуту, еще раз хочу поблагодарить вас, Ольга Константиновна, за приют и гостеприимство.

– Да что вы, Магдалина, не стоит. Я всегда рада землякам. И потом, без кофе я вас никуда не отпущу. Присаживайтесь, пожалуйста… А где, кстати, ваша прелестная дочурка-«путница»?

– Алиса у моих знакомых.

– Как вам Гамбург? Где еще успели побывать, что видели? – предлагая светскую беседу, спросила Чехова.

– О, тут двумя фразами не обойтись, – вздохнула «Магдалина». – Я пережила там ужасные дни. Уличные бои,

баррикады, кровь… То же самое видела в Саксонии, Тюрингии. Все очень плохо…

Уходя, «Краевская» оставила на столе свежий номер московской газеты «Известия» с подчеркнутым красным карандашом репортажем под рубрикой «Очерки современной Германии. От нашего спецкора Revera». Вечером Ольга заинтересованно читала:

«На берегу Северного моря Гамбург лежит, как крупная, мокрая, еще трепещущая рыба, только что вынутая из воды. Вечные туманы оседают на заостренные, чешуйчатые крыши его домов. Ни один день не остается верным своему капризному, бледному, ветреному утру.

С приливом и отливом чередуются влажное тепло, солнце, серый холод открытого моря и бесконечный, неуемный, шумный дождь, обливающий блестящие асфальты так, точно кто-то, стоя у взморья, из старого корабельного ведра, каким вычерпываются дырявые лодки, захлебывающиеся во время сильной качки, поднимает из моря и выливает ползалива на непромокаемый, как лоцманский плащ, дымящийся от сырости, вонючий, как матросская трубка, согретый огнями портовых кабаков, веселый Гамбург, который стоит под проливным дождем крепко, как на палубе, с широко расставленными ногами, упертыми в правый и левый берег Эльбы… Весь рабочий Гамбург… ослеп от боли, получив приказ ликвидировать восстание…»

* * *

По возвращении в Москву «Магдалина» подробно докладывала об итогах своей секретной командировки Артузову. В конце добавила: «А твоя крестница-артисточка молодец, не робкого десятка. Когда в Гамбурге начались бои и немецкие бюргеры в Берлине тряслись и потели от страха, она на все реагировала довольно спокойно и очень рассудительно». Хотя, по-моему, на самом деле эта Ольга, добавила Рейснер, если пользоваться чеховской шкалой оценки женских достоинств, – не женщина, а петарда.

* * *

Пару лет спустя в книжной лавке Ольге Константиновне случайно попалась на глаза брошюра «Гамбург на баррикадах». Фамилия автора ей ровным счетом ничего не говорила – «Лариса

Рейснер». Ольга взяла книжку, рассеянно полистала, хотела уже вернуть на прилавок, но вдруг ее внимание привлекли отдаленно знакомые строки и образы. Профессиональная память не подвела, нечто подобное она уже где-то читала: «На берегу Северного моря Гамбург лежит, как крупная, мокрая, еще трепещущая рыба, только что вынутая из воды. Вечные туманы оседают на заостренные, чешуйчатые крыши его домов…»

Что? Ну, конечно! Да неужели Магдалина?.. Оказывается, фрау Краевская на самом деле есть Лариса Рейснер. Чехова тут же приобрела «Гамбург…» и дома, уютно устроившись в кресле, в один присест проглотила книжку от корки до корки. А еще через несколько дней в одной из берлинских газет прочла заметку о том, что против директора издательства, выпустившего книгу «Гамбург на баррикадах», Вилли Мюнценберга, возбуждено судебное дело. Рейхсвер приговорил зловредную книжонку к публичному сожжению, огласив свой приговор: «Под предлогом так называемого исторического изображения эта брошюра преследует вполне определенную цель – дать инструкции сторонникам Компартии Германии для грядущей гражданской войны…»

Так вот, оказывается, какая путница, боящаяся злых комаров, два года назад гостила у нее дома, и с которой они так много говорили о стихах Гумилева…

Ах, Григорий Христофорович, Григорий Христофорович, загадочный вы мой шутник.

Германия, 20-е годы XX века

Узнав о смерти отца, Ольга решила напомнить о себе прекрасной «Магдалине», которая перед отъездом из Германии оставила ей свой московский адрес. Хотя Чеховой уже было известно подлинное имя «московской журналистки», она по-прежнему обращалась к ней именно как к Магдалине. Ольга попросила ее переговорить с Григорием Христофоровичем о ней, скромной «путнице», и о той «временной мере» в отношении родных, о которой он упоминал при ее отъезде. Не продлит ли любезный Григорий Христофорович «список благодеяний» и посодействует в присоединении к Ольге Чеховой ее матери, дочери и сестры Ады?.. Ведь «испытательный срок» она как будто бы достойно выдержала. На брата Левушку с его обязательствами помочь, откровенно говоря, надежды было мало.

Не прошло и месяца, как мама сообщила, что ее вызывали в Наркомат иностранных дел, велели написать заявление – и ждать. Ольга сразу поверила в успешное разрешение дела и, не теряя времени, сняла трехкомнатную квартиру в Берлине на Ханзаплац, быстро превратив ее в уютное гнездышко: обставила добротной мебелью, завела собаку, договорилась с гувернанткой-англичанкой о будущем уходе и присмотре за маленькой Адочкой и с нетерпением стала ожидать приезда родных…

Встреча на вокзале оказалась удивительно бестолковой. Женщины тормошили друг друга, без конца целовались, перебивая друг дружку, спешили обменяться новостями. «А ты знаешь… а ты знаешь… ты представишь себе не можешь, каким успехом пользуется наша Ольга Леонардовна в «красной» Москве… А цены-то, цены…»

Потом, уже дома, поздним вечером мама вдруг спросила:

– А ты помнишь, как тетя Оля приводила к нам в гости, когда мы жили в Петербурге, итальянскую актрису Элеонору Дузе[16]?

– Ну конечно! А почему ты спрашиваешь?

– В прошлом году она умерла.

– Да, я читала, сообщения об этом напечатали все газеты. Воспаление легких, кажется. Очень жаль…

– Ну вот, а за год до этого Оля виделась с ней во время гастролей в Америке. И, представь, Дузе спрашивала у нее о тебе, сбылось ли ее предсказание, стала ли та милая девочка актрисой?..

– Быть того не может!

Еще бы ей не помнить ту фантастическую встречу! Когда же это было? Ах да, кажется, в 1908-м. Ей было только 11 лет.

Накануне родители вернулись из театра, восторгаясь какой-то иностранной актрисой по имени Дузе. Даже отец, обычно сдержанный в оценках, и тот не мог сдержаться и сказал маме: «Да-а, не зря ее называют богиней сцены. Антон Павлович был прав, когда говорил, что по-итальянски не понимает, но «она так хорошо играет, что казалось, я понимаю каждое слово».

На следующий день тетя Оля, специально приехав в Петербург на гастроли легендарной итальянской актрисы, затащила ее в гости к своим родным. Оля встретила их в дверях, сделала книксен. Тетя обняла племянницу и что-то проворковала своей спутнице, красивой незнакомке.

– Ты обязательно станешь артисткой, дитя мое, – сказала мудрая женщина, прекрасно понимая, в каких именно словах нуждается это юное, ясноглазое создание, наверняка грезившее о сцене. – Обязательно. Поверь мне.

Но девочка, неизвестно отчего, заплакала.

– Ну почему ты плачешь? – участливо спрашивала растерявшаяся госпожа Дузе. – Боишься? Боишься быть актрисой? Ничего, пройдет время, и ты узнаешь, что такое – обнаженной шествовать по сцене.

Сказать такое ей, чистой, наивной девчушке: выступать голой на сцене?!. Да ни за что на свете! Оленька рыдала уже взахлеб…

– Ладно, а как там Левушка?

– Ты же его знаешь, Олюшка, – из него лишнего слова не вытянешь. Весь в себе, вернее, в своей музыке. Но как будто бы все хорошо. Он же не так давно в Германии был. Вы разве не виделись?

– Виделись, конечно, виделись, – «вспомнила» Ольга. – Он не раз заходил ко мне, много общались. Но ведь уже прошло почти два года, мало ли что изменилось…

– Ему, бедолаге, досталось, – вздохнула мама. – Ему все прошлые грехи аукаются. Ты же помнишь, что в Гражданскую он, голова садовая, добровольцем пошел служить к Врангелю? Командовал батареей у генерала Слащева. Потом вместе с белогвардейцами оказался за границей, что там перенес, представить страшно…

– Да, он мне кое-что рассказывал, – кивнула Ольга. – Говорил, застрял где-то в Галлиполи…

– Именно, – подтвердила мама. – И угодил в жернова между турками, греками и итальянцами… Ты уже была в своей Германии, а он все еще там мыкался. Боялся вернуться домой, мало ли что о нем могли наговорить. Слава богу, Ольга Леонардовна вмешалась, похлопотала. Вроде бы у самого Дзержинского была. В общем, вернулся Лев. Простили его…

«Как же, «простили», – подумала Ольга, вспоминая свои разговоры с братом летом 1923-го в Берлине. И фразочку, которую он ей обронил на прощание: «Привет тебе от путника, который не хочет ночевать в тростнике…», тоже поняла.

Ольга откровенно любовалась своей дочерью. За годы разлуки Адочка превратилась в очаровательную юную особу, которая, к сожалению, еще только присматривалась к своей маме. Но главное – они снова были вместе.

Сложнее всего было привыкнуть к новому образу жизни «фрау фон Книппер»-старшей. Возвращаясь из магазина, она возмущалась, почему это здесь все – и ветчину, и сыр – продают на граммы, «а вот у нас, в России, приказчики отпускали продукты фунтами, а то, что портилось, – доставалось дворовым собачкам, в крайнем случае, кухарка выбрасывала на помойку…»

– Мамочка, пойми, пожалуйста, твои слова «а вот у нас, в России…» здесь звучат по меньшей мере неуместно, поверь мне, – Ольга осторожно пыталась вразумить маму и объяснить ей местные «правила игры». – К тому же приказчики в России, насколько мне известно, уже перевелись.

Но все бесполезно. Елене (хотя после пересечения границы она предпочитала, чтобы ее именовали Луизой) Юльевне нравилось изображать из себя щедрую, сумасбродную русскую (или нет, прусскую!) аристократку, которая может себе позволить любые капризы и брезгливые гримаски…

Впрочем, на долгие разговоры и вольное препровождение в кругу семьи у Ольги совершенно не хватало времени. Она ежедневно – в постоянном поиске заработка, выступает в концертных программах, перебирает сценарии, берется за любую роль, никому не показывая, до чего осточертело ей изображать томных загадочных красавиц, коварных соблазнительниц… Именно такими были ее героини в кинолентах тех лет – «Венера Монмартра», «Город искушений», «Нужно ли выходить замуж?», «Любовные истории», «Труде шестнадцать лет»… Какой же зритель устоит перед такими названиями? Более-менее серьезной, только очень уж сентиментальной, стала картина «Горящая граница» («Знаешь, Адольф до сих пор помнит тот твой фильм», – через несколько лет с легкой улыбочкой скажет ей Ева Браун).

После шумных премьер «Вакханки», «Любовных историй», «Старого бального зала» и «Соломенной шляпки» звезда германской сцены и экрана, не сдерживая эмоций, сообщала тетушке в далекую Московию: «Вчера свершилось мое крещение, появились плакаты с моим именем, потом заметки в газетах».

Впрочем, настоящий, европейского масштаба успех приходит

к Ольге после премьеры фильма режиссера Эвальда Дюпона «Мулен Руж». Она сыграла там главную роль – звезду варьете. Тривиальный сюжет – классический любовный треугольник – развивался по стандартам мелодрамы. Но как встречали картину зрители! Причем не только в Германии, но и по всей Европе.

Дюпону было недостаточно драматических талантов актрисы, будущей «красотке кабаре» пришлось также обучаться степу и акробатике. Режиссер, накопивший огромный опыт в постановке подобных развлекательных программ в Манхейме, придумал массу самых головокружительных трюков. В финальной сцене, например, которая, как водится в кинематографе, снималась чуть ли не в первый день съемок, Ольга была вынуждена пушинкой порхать в руках шестерых атлетически сложенных негров-актеров, которые потом подбрасывали ее высоко в воздух – раз, другой, третий! – и уносили со сцены под овации ликующей публики. Потом Ольга возвращалась на эстраду и на «бис» вновь исполняла свой искрометный степ!

Но самой эффектной сценой, по замыслу Дюпона, должен был стать эротический танец-поединок главной героини с огромным питоном, сладострастно скользящим, обвивающим ее полуобнаженное тело. На репетиции жена дрессировщика, которая подстраховывала Ольгу, во время жарких «объятий» с питоном потеряла сознание от слишком темпераментных объятий «партнера». Жадный змей в порыве страсти не смог сдержать эмоций и, до хруста лаская дублершу, сломал ей бедро, а заодно и ключицу. Дрессировщик хладнокровно объяснил досадное происшествие тем, что этот экземпляр крайне чувствителен к женскому полу.

Настала очередь Ольги. Стиснув губы, она заставила себя подойти к сцене, с трудом подняла тяжелое, гибкое тело питона и водрузила его себе на плечи. Сразу почувствовав силу хватки, она поняла: «Если сейчас я задрожу, он поймет, что я боюсь, и – мне конец…»

– Мотор! – завопил возбужденный режиссер. – Это то, что нужно!

Камера застрекотала, а Ольга с приклеенной улыбкой начала медленно танцевать, соблазнительно покачивая роскошными бедрами…

– Снято!

* * *

В 1928 году тетушка Оля из Москвы сообщила племяннице

«радостную весть»: непутевый Мишка Чехов как будто бы взялся за ум, много работает, даже выпустил интересную книжку о психотехнике актера, которая вроде бы пользуется в театральный кругах немалым успехом. Но с МХТ он, кажется, решил окончательно распрощаться (там скандал за скандалом) и вскоре намеревается вообще покинуть СССР. Во всяком случае, обратился в Главискусство с ходатайством о предоставлении годового заграничного отпуска. «Думаю, в Германии он захочет с тобой встретиться, – писала Ольга Леонардовна. – Ты уж не держи на него зла, он как будто бы стал совсем другим человеком. И потом, все-таки у вас растет дочь. Как там, кстати, она?..»

Прочтя письмо, Ольга обреченно вздохнула, но, не ропща, взялась помочь побыстрее адаптироваться Мишке и его нынешней супруге (как там, бишь, ее? Ксения, кажется, та самая «девушка с теннисного корта») в чужой его духу и образу жизни Германии. Для начала сняла для них небольшую, но вполне уютную двухкомнатную квартирку неподалеку от своего дома на Ханзаплац.

При первой же встрече в небольшом кафе Михаил с нескрываемой гордостью показал ей письмо Зинаиды Райх («Ты должна ее помнить, замечательнейшая актриса, в свое время была женой Сергея Есенина, потом вышла замуж за Мейерхольда…»). Зинаида Николаевна писала ему: «Я пьяна Вашей книжкой… В ней, коротенькой, я почувствовала длинную, замечательную жизнь, Вас замечательного…»

Странно, но Ольге слова знаменитой актрисы, игрой которой она в свое время восхищалась, слова, которые были адресованы ее бывшему мужу, безалаберному Мишке, были почему-то приятны.

Но хорошо разбирающаяся в жестких нравах западного мира, она, женщина деловая и ответственная, тут же опустила Михаила на грешную землю:

– Чем ты предполагаешь заняться?

– То есть как это чем?! Тем, чем я занимаюсь всю свою жизнь, тем, что я люблю и знаю лучше всего на свете, – естественно, театром, – с безмятежной ребячьей улыбкой ответил он и отхлебнул глоток кофе с коньяком, чашечка которого стоила почти столько же, сколько платили Ольге за четверть съемочного дня.

– О театре можешь пока забыть, – охладила его пыл Ольга. – На здешней сцене без знания языка ты никому не нужен.

– Но я бы хотел заняться режиссурой… У меня множество идей и планов. Создам студию, буду ставить «Дон Кихота»…

Ольга с досадой отмахнулась:

– Да ни актеры, ни художник-постановщик, ни музыканты, ни

даже рабочие сцены не станут тебя слушать, не поймут, чего ты от них хочешь, даже с помощью переводчика… Я знаю хороших преподавателей, в том числе по технике сценической речи. Могу составить протекцию… А пока (для заработка, прежде всего, для завоевания популярности, что тоже немаловажно) у тебя один путь – кинематограф. Пользуйся тем, что в немом кино сегодня могут сниматься актеры, вовсе не знающие языка, заики и даже немые… А о театре пока не вспоминай.

Заметив скепсис на его лице, угадала: «Что, попытки уже были?» Михаил огорченно кивнул: «Увы…» И, неожиданно воодушевившись, предложил: «Рассказать?» – «Давай».

– Так вот, являюсь я в контору известного антрепренера, как мне сказали, эстета, тонкого ценителя искусства, делавшего «хорошие дела». Встретил он меня довольно приветливо, усадил в кресло и даже отвесил комплимент: «Не каждый день приезжают к нам из России Чеховы…»

Ольга видела, что Михаил уже немыслимым образом меняется, превращаясь в этого антрепренера, своего «человечка», что уже полностью «вошел в роль».

– …Я гляжу на него с любовью человека, добровольно отдающего себя во власть другого. А он возьми и спроси: «Танцуете?», при этом изображает этакий пируэт руками. – «Кто, я?!» – «Вы», – говорит. Я тупо соображаю: «Какие же в «Гамлете» танцы? Фехтование есть… пантомима…» Потом спрашиваю его с гаденькой улыбкой: «А зачем танцевать?» Антрепренер поясняет: «Мы начнем с кабаре. На инструментах играете?.. Поете?.. Ну хоть чуть-чуть, а?» – «Простите, – говорю я и чувствую, что зверею, – я, собственно… «Гамлет»… я приехал играть Гамлета…» – «Гамлет» – это неважно, – отмахивается от меня антрепренер, – нашей публике нужно другое. Условия таковы: годовой контракт со мной. Месячный оклад такой-то… Имею право продать вас по своему усмотрению кому угодно, включая кинематограф. Abgemacht?..» Представляешь, Оль?..

– Знакомо, – кивнула она. – Ты, вообще, представляешь себе реальную культурную жизнь Берлина? Думаю, что нет. Сегодня здесь десять драматических театров и около сотни мюзик-холлов, варьете, оперетт, кабаре и прочих заведений…

– Ну и ладно. Дороги домой мне все равно нет, – он вытащил из кармана вчетверо сложенную «Правду». – Вот послушай, что обо мне пишут: «Пророк деклассированных и реакционных слоев должен знать свое место!», «Позор подлому апологету мелкобуржуазной идеологии!». Ну и так далее…

Он отложил газету в сторону и закурил.

– Миша, не опускай руки, – усмехнувшись, сказала Ольга. – Я

знаю, к кому тебе следует обратиться… Завтра я с тобой свяжусь. Позвоню или заеду. Вы с Ксенией нормально устроились?.. Вот и славно…

Она подозвала кельнера и расплатилась по счету. На прощанье легко коснулась губами щеки бывшего мужа.

– Я хочу увидеть нашу дочь, – сказал он.

Ольга пристально посмотрела на Михаила и, секунду помедлив, кивнула: «Хорошо, скоро увидишь».

Вечером того же дня она позвонила одному из видных продюсеров, который еще месяц назад предлагал ей главную роль в фильме «Шут своей любви» по пьесе французского драматурга Анри Батайя.

– Я нашла вам блестящего актера на роль главного героя, – едва ли не с порога объявила Ольга, изображая безумную радость по поводу предстоящей совместной работы. – Он – любимый ученик самого Станиславского… Кроме того, замечательный художник Андрей Андреев тоже согласился работать в нашей картине. Он мой друг, я его знала еще по Москве, он многое сделал в Художественном театре, сейчас живет в Германии. Лучше его нам не найти…

– Милая фрау Ольга, – лучезарно улыбнулся в ответ продюсер, – я очень рад, что этот, пока не состоявшийся фильм вы уже называете нашим. Это здорово. А что, если, – мгновение помедлив, высказал он свою сногсшибательную идею, – именно вы станете режиссером нашей картины?

– Я? – переспросила Ольга и поняла, что немного заигралась. – Простите, но я же никогда не занималась режиссурой…

– Ну и что? – расхохотался старый лис. – А разве я с пеленок был продюсером? Соглашайтесь!

Он уже мысленно представлял, какой фурор у публики вызовут афиши и реклама в газетах – «Режиссер фильма «Шут своей любви» – Ольга Чехова!», «Дебют на новом поприще прославленной кинодивы немецкого кинематографа!». Толчея в очередях у касс, переполненные кинотеатры, продажа открыток-портретов актеров в газетных киосках, премьеры в крупнейших городах Германии и Европы… Это же колоссальные прибыли, за месяц гарантированно покрывавшие все расходы на производство фильма.

Мгновенно тоже просчитав в уме все «за» и «против», Ольга согласилась. Все-таки не зря тетушка шутя называла ее «неисправимой авантюристкой».

– Да, ты что-то говорила об актере на роль главного героя, – по-свойски перейдя на «ты» со своим новым деловым партнером,

поинтересовался продюсер. – Чем известен?

– Он – Чехов, – коротко ответила Ольга.

– Твой родственник, что ли?

– Бывший. Бывший муж. Отец моей дочери Ады. Племянник лучшего русского писателя Антона Чехова. Повторяю: ученик самого Станиславского, работал в Московском Художественном театре. Теперь переехал в Германию. Михаилу уже предложили несколько контрактов, – тут Ольга сочла возможным чуть-чуть погрешить против истины. И добавила: – Я надеюсь, вам достаточно моей рекомендации?

– Конечно, – маститый кинопромышленник почуял, чем может обернуться дополнительная строка в рекламе – «Впервые в немецком кинематографе – знаменитый ученик Станиславского Михаил Чехов!». – Когда начнем?

– Я думаю, не раньше, чем через неделю, у Михаила некоторые проблемы с языком.

– Да не волнуйся, Олли, все будет в порядке. Ваши собратья-эмигранты сценарий переведут за сутки, среди них немало способных людей, которые очень хотят кушать…

«Шут…» (автором сценария фильма по неприятному стечению обстоятельств оказался двоюродный брат печально известного и Ольге, и Михаилу того самого Фридриха Яроши) мало чем отличался от прочих расхожих сентиментальных лент тех лет: богатый провинциал-винодел (Михаил Чехов) воспылал безумною любовью к «парижской штучке» (Ольга Чехова), в надежде покорить сердце светской львицы распродает все свое добро и устремляется за ней в столицу. Но, увы, сердечные планы бывшего винодела венчаются лишь тем, что его допускают к двору только в качестве шута, наградив его для верности красноречивым прозвищем «Полише»… Полишинелю выпадает горькая участь: веселить героиню и ее друзей, как говорится, сквозь слезы. Но, разумеется, в итоге Полише будет вознагражден за свою любовь и преданность…

Чехова в удовольствием вспоминала дни работы над своей дебютной картиной: «В студии царит типичное для эпохи немого кино вавилонское смешение языков, когда съемочная группа, включая актеров, интернациональная. Мы говорим по-немецки, по-английски, по-французски и по-русски. С Мишей мы говорим по-русски. Он рад тому, что в своем первом заграничном фильме получает режиссерские указания на родном языке, это делает его увереннее, после краткого периода адаптации он играет раскованно и свободно. Фильм имеет большой успех».

В пограничном для Михаила Чехова амплуа, сочетавшем шута и трагика, ясно проглядывал талант большого

драматического актера. Любуясь его виртуозной игрой, Ольга с легкостью угадывала прежние мхатовские наработки, прежде всего для роли Хлестакова из «Ревизора». Гримаса у него мгновенно сменяла гримасу, руки и ноги переплетались, будто начисто лишенные костей, что создавало ощущение почти воздушной пластики… Ольге же, как обычно, досталась традиционная роль пустой, яркой бездельницы-кокетки, «неуравновешенного чуда в перьях» (по определению автора пьесы).

Итак, первый шаг в Германии Михаилом Чеховым (с помощью Ольги) был успешно сделан. Жаль только, «Правда» об этом не напишет.

Но вот, как утешение, и мимолетный мотылек удачи!

«По приезде в Берлин, выйдя вечером на Курфюрстендамм, – вспоминала о своем совершенно неожиданном свидании актриса Камерного театра Алиса Коонен[17], – мы увидели идущего нам навстречу Михаила Чехова – в цилиндре и фрачной накидке… Он очень обрадовался нашей встрече, расспрашивал о Москве, о театральных делах и тут же пригласил нас на премьеру фильма, в котором ведущую роль играла Ольга Чехова, а сам он участвовал в эпизоде. И была в этом маленьком человеке удивительная детская непосредственность. Какой-то сложный и прекрасный внутренний мир скрывался за его невнятным бормотанием. И сразу повеяло настоящим, большим искусством!..»

Михаил усердно взялся за немецкий, обнаружив при этом немалые способности к языкам. Видимо, от папы, Александра Павловича, передались сыну и вполне полезные прикладные таланты.

Вскоре после съемок Ольга познакомила Михаила с ведущим немецким театральным режиссером и актером Максом Рейнхардтом. Мэтр согласился посмотреть этого странного русского. И ангажемент на целых два года оказался у Чехова в кармане! Воодушевленный успехом, Михаил Александрович отправил послание своим вчерашним коллегам в Москву: «Меня может увлекать и побуждать к творчеству только идея нового театра в целом, идея нового театрального искусства…» Вот вам всем, не верившим в меня завистникам! А в письме к Лешке Дикому на всякий случай напомнил его же собственные, ставшие широко известными в узких кругах, слова: «Если в театре начинают искать пьющих, это значит, что в нем больше нечего искать!»

Ольга испытывала и умиротворение, и удовлетворение одновременно: свою миссию она выполнила, грехи отмолила, Михаил работает с удовольствием, от Ады без ума. Сама дочь,

кажется, тоже рада знакомству с вновь обретенным «папенькой», часто навещает его, благо тот живет по соседству.

Чехов же спешил поделиться с Андреем Белым своими новыми чувствами, вызванными общением с дочерью: «Это моя большая радость и утешение. Есть в ней что-то, чего я никак не могу угадать, и даже не догадываюсь, хорошее оно или плохое. Должно быть, хорошее…»

А закадычному приятелю Виктору Громову сообщал деловые новости: «С тех пор, как я отправил вам последнее письмо, в моей судьбе произошли большие перемены. Сам не знаю точно, как и из-за чего все это произошло, но мои акции вдруг поднялись невероятно высоко. Подписание контракта с Рейнхардтом сыграло, по-видимому, решающую роль. Мной стали интересоваться здешние театральные воротилы, и я получил всевозможные фильмовые и театральные предложения. С двух сторон зовут в Америку. Со всех сторон я слышу не голоса, а вопли…»

Вообще, все происходящее с ним Михаил воспринимал как манну небесную, законную награду, полагавшуюся за его талант.

Он снялся еще в паре германских фильмов, имевших кассовый успех. Но вскоре отказался от продолжения кинокарьеры, окончательно отдав предпочтение сцене. Вскоре он увлеченно репетировал с актерами «Габимы» классическую «Двенадцатую ночь», не обращая внимания на мелкие «идеологические» разногласия, которые как раз в то время раскалывали еврейский театр.

Посмотрев спектакль Чехова, даже вечный скептик Шон О'Кейси[18] пришел в восторг: «Их радость, ритм, цвет и общее очарованье даже приводят в замешательство. Вот, наконец, шекспировская комедия!» Германская пресса после его режиссерского дебюта тоже заговорила о нем как о «большом мастере, постановщике европейского масштаба».

Удручало только то, что ему все чаще и чаще приходилось обряжаться во фрак, обязательный туалет для посещения обязательных, как выяснилось, банкетов и приемов. Хотя внимание молодых девушек Чехова, безусловно, по-прежнему волновало. Как-то, не сдержав своего природного любопытства, Михаил поинтересовался у одной из юных поклонниц: что она находит в нем? Потупившись, скромная немочка чуть слышно пролепетала:

– Aber Sie sind doch ein gemachter Mann… (Вы – само совершенство…)

Но вот ведь парадокс: в Германии его время от времени охватывало чувство неудовлетворения, и тогда Чехова посещала

мысль оставить театр и целиком посвятить себя изучению «духовной науки». Весной 1929 года он даже собрался стать священником в «Христианской общине» протестантов, тесно связанных с антропософией.

К счастью, от этих планов – «отдать театральные силы на службу священника» – Чехов отказался под влиянием друзей и благодаря сопротивлению Ксении. Кроме того, его уже манили новые театральные проекты.

Окрыленный ими, Чехов принялся хлопотать о предоставлении субсидий для создания своего театра в Чехословакии. Тем более что известный писатель и обозреватель влиятельной газеты «Лидови новины» Карел Чапек[19], открывший для себя русского актера, писал: «Его игра не поддается описанию, даже если бы я окончательно изгрыз свой карандаш, мне все равно не удалось бы выразить словами ни одного из нетерпеливых, стремительных, резких движений его аристократической руки…»

При более близком знакомстве именно Карел Чапек порекомендовал Чехову обратиться за помощью к первому президенту республики Томашу Масарику[20], который инициировал проведение антибольшевистской «Русской акции» по организации помощи эмигрантам из России. Если Париж в те годы называли «столицей русской эмиграции», Берлин – «мачехой русских народов», то Прага именовалась «русскими Афинами».

«Президент не поскупится, – уверял писатель Чехова. – В свое время он не оставил без внимания ни Бунина, ни Цветаеву, ни Бальмонта, ни Тэффи, ни Шмелева… Хотите, я вам покажу письмо Дмитрия Мережковского на имя президента? Мы его публиковали в нашей газете. Вот слушайте: «Вечная благодарность русских людей Вам и Вашему народу за то, что Вы осуществили больше всех других славянских народов великую цель нашего братства…»

Михаил Александрович составил, как ему казалось, вполне убедительную «челобитную» на имя Масарика: «…Мне трудно примириться с тем, что целая отрасль нашей русской театральной культуры должна погибнуть. Все то, что создавали оба Художественных театра в Москве, как бы ни были велики их достижения, еще не есть завершение, не есть органический конец деятельности. Внешнее влияние тенденциозного контроля и узко-агитационные требования цензуры в России лишили художника свободы в области его творческой деятельности. Но еще много сил, много художественных замыслов и культурных стремлений живет в душах тех, кто воспитан и вырос в стенах Художественного театра.

…Я хочу спасти ту прекрасную театральную культуру, которая некогда вдохновляла меня и дала мне как художнику жизнь. Я хочу служить дальнейшему процветанию и развитию тех заветов, которые получил от моего учителя, Константина Сергеевича Станиславского».

Вослед чеховскому письму наиболее дошлый из стайки «рыб-прилипал», плотно сопровождавшей Чехова за рубежом, мигом состряпал смету будущих расходов на «дальнейшее процветание» и, пригрозив пальчиком Михаилу Александровичу, заверил, что сам доставит бумаги куда следует, а ему, Чехову, беспокоиться нечего, его дело – сцена, а то, что по ту сторону рампы, вопрос десятый. Вам, уважаемый мэтр, остается только ждать и не «рыпаться».

Через месяц на имя Чехова из президентской канцелярии Чехословакии поступил максимально вежливый отказ, мотивированный невозможностью выделить на организацию театра запрашиваемой суммы. Чиновники из окружения Масарика сочли, что Чехов безнадежно опоздал на «ярмарку талантов» – «Русская акция» уже сходила на нет, труппа собрана «с миру по нитке» и т. д.

Не найдя понимания в Праге, Чехов решил перебраться в Париж, где намеревался организовать свою школу драматического искусства, показывать инсценировки русских сказок, мировую классику. Но, увы, рядом не было Ольги, которая могла бы ему помочь хотя бы советом… После оглушительного провала спектакля-пантомимы «Дворец пробуждается» предприятие «Театр Чехова, Бонер и компании» приказало долго жить.

Подводя итоги французскому периоду своей жизни, Михаил Александрович грустил: «Весь он представляется мне теперь беспорядочным, торопливым, анекдотическим. Увлеченный ролью «идеалиста», я первого же дня хотел видеть последние достижения и несся вперед, спотыкаясь о препятствия конкретной действительности… Что потерял я в Париже? Деньги и излишнее честолюбие. Что приобрел? Некоторую способность самокритики и наклонность к обдуманным действиям. И жизнь моя, как это часто бывает, изменилась внешне и внутренне одновременно».

* * *

Ольга же Константиновна, как и ранее, с очарованием русалки купалась в водовороте германского светского общества. Премьеры, вернисажи, банкеты, официальные визиты, очередные

съемки, гастроли, дружеские посиделки в модных кафе, благотворительные концерты… Круг ее знакомств стремительно увеличивался. Среди новых знакомых Чеховой – издатели, знаменитые актеры, писатели, журналисты, спортсмены, видные промышленники, влиятельные политики, банкиры, набирающий вес генералитет.

На одной из вечеринок к ней подвели 40-летнего сутуловатого мужчину с руками рабочего.

– Знакомься, скульптор Йозеф Торак.

– Это ваша работа «Умирающий воин»? – как бы наугад забрасывает удочку прекрасно подготовленная Ольга Чехова.

– Вы не ошиблись, мадам. – Торак, в отличие от многих, скромен и тих.

– А еще в Шарлоттенбурге я видела вашу статую «Родные места», она тоже великолепна, – не скупится на комплименты Ольга.

– Благодарю вас, очаровательная фрау Ольга… Я хотел бы, чтобы вы мне позировали…

– Да-да, – мимоходом говорит Ольга, – как-нибудь обязательно найдем время, маэстро.

Однако до сеансов позирования у них так и не дошло. Довольно скоро для Йозефа Торака подыскали более подходящую модель, и скульптор принялся ваять мощный и устрашающий монумент-колосс будущего фюрера.

Влиятельный издатель Эрнст Ровольт приглашает фрау Чехову на чашечку кофе, «теннисный король» фон Крамм обещает преподать несколько уроков на корте (Ольгу при этом передергивает от ассоциаций-воспоминаний о своих предродовых схватках и «девушки с теннисного корта» в компании с Мишкой, и она решительно отказывается…)

Зато каким замечательным оказалось знакомство с министром иностранных дел Густавом Штреземаном! Внешне замкнутый и настороженный, на деле он оказался душкой, утонченным ценителем литературы и искусства, словом, очаровательным человеком. С каким пониманием отнесся он к просьбе Ольги о содействии в получении германского гражданства! Незадолго до своей кончины Штреземан успел сделать для нее все. Она рассчитывала и в будущем пользоваться его услугами, однако министра наповал сразил инсульт. Лауреата Нобелевской премии мира оплакивала вся страна, в том числе и гражданка Германии Ольга Чехова…

Куксхавен – Нью-Йорк – Голливуд, лето 1930 года

По-моему, все пароходы надо называть «Панацеей», потому что нет ничего целительней морского путешествия. Все наши заботы отходят, пароход будто усыновляет вас, лечит, а когда в конце концов прибывает в порт, с неохотой возвращает вас скучному миру…

Ч.С. Чаплин. Моя биография

Впервые Ольга получила приглашение на съемки в Голливуд, уже превращавшийся в Мекку мирового кинематографа, еще в 1927 году. Но тогда она отказалась, справедливо полагая, что еще не весь урожай в Европе ею собран. Однако на сей раз представители кинокомпании «Юнайтед артистс» проявляли чудеса изобретательности, искушали, льстили, обещали златые горы, чуть ли не падали в ноги. В конце концов под их напором Чехова сдалась и подписала контракт на съемки.

Уже через день-другой она поднималась на борт комфортабельного трансатлантического лайнера «Европа». Впереди было пять дней и шесть ночей до Нью-Йорка. Ее это не смущало, она легко переносила океанскую качку.

За последние годы Ольга благодаря бесконечным киностранствиям побывала во многих странах, европейских столицах, где ее, как правило, принимали по высшему классу: селили в лучших отелях, угощали в роскошных ресторанах, но такого уровня комфорта, как на этом белоснежном океанском пароходе, ей видеть еще не доводилось. Роскошная каюта, широченные, как берлинские проспекты, прогулочные палубы, кино– и танцевальные залы, целая россыпь баров, бассейны с морской и пресной водой, музыкальные салоны, казино, в ресторанах кухня на любой вкус… Вышколенные стюарды и официанты, предупредительные члены команды, которые могли общаться как минимум на трех языках. Любая прихоть пассажира исполнялась без промедления и с преданностью в глазах. Каждое утро на ресторанном столике перед Ольгой появлялся свежий букет пармских фиалок от фирмы «Flores Europas».

Прогулки по верхней палубе сулили множество интересных

встреч и новых знакомств. На второй день морского путешествия ее познакомили с автомобильный королем Америки Генри Фордом. Стройный и поджарый, несмотря на преклонные годы, любезный мистер Форд сумел уделить Ольге всего несколько минут, но вскоре куда-то заспешил в сопровождении двух секретарш-стенографисток, которым что-то диктовал прямо на ходу, и длинноногие девицы едва успевали записывать его указания и ценные мысли в свои блокнотики. Издали Ольге показали и Фрица фон Опеля. Конкурента Форда на авторынке даже во время путешествия также нельзя было надолго отвлекать: с борта «Европы» он запускал авиамодели, которые улетали далеко в океанские волны…

Вечером в баре, потягивая слабенький коктейль, Ольга вдруг услышала знакомый голос за спиной: «О, секси-Олли, тебя ли я вижу?!.» Она обернулась – рядом стоял Макс Шмелинг[21]. Вот так встреча!

Несколько дней назад, еще в Германии, они с Максом только закончили совместные съемки в фильме «Любовь на ринге». Макс исполнял роль героя-любовника, знаменитого боксера, Ольга же – коварной искусительницы. Сюжет был простенький, без всяких драматургических изысков, рассчитанный на невзыскательного зрителя.

Работа на площадке и в павильонах шла споро, без брака, хотя Шмелинг никакого кинематографического опыта не имел. Да он ему и не требовался: на ринге и без репетиций дрался как лев (а как иначе мог боксировать чемпион Европы?), а выскальзывать из цепких объятий сексуальной блондинки Макс обучился без труда.

Он был славным парнем, честным, целеустремленным. Недаром Шмелинг считался гордостью нации, фюрер считал его своим личным другом. Как всякий сильный человек, Макс был добродушен и порой наивен как ребенок. Много и подробно он рассказывал Ольге о своей невесте, актрисе Анни Ондра, о предстоящей свадьбе, что, похоже, занимало его куда больше предстоящего боя за звание чемпиона мира на центральном нью-йоркском стадионе «Янки».

По прибытии в порт назначения Ольгу Чехову, кроме менеджеров киностудии, встречала большая толпа бесцеремонных и крикливых американских репортеров.

– Вот так промоушен! – восхитился один из киношников. – Вы, мадам, прямо нарасхват. Добро пожаловать, с корабля – на бал!

Однако газетчиков интересовали вовсе не творческие планы мадам Чеховой в Голливуде или ее взгляды на дальнейшее

развитие киноискусства. Как оказалось, одна из местных газет накануне опубликовала сенсационное сообщение о том, что в открытом океане на борту лайнера «Европа» обручились германские звезды – киноактриса Ольга Чехова и кандидат на звание чемпиона мира по боксу Макс Шмелинг.

– Мадам, что вы можете сказать по поводу своего бракосочетания?

– Это было спонтанное решение или вы хотите таким необычным способом вдохновить своего соотечественника на победу в предстоящем бою?

– Или это была заранее спланированная церемония такого необыкновенно романтического обручения?

– Мадам, как вы решили назвать своего первенца?..

– Не переживай, Олли, – успокаивал Чехову опекун Шмелинга. – Мы же в Америке, тут без подобной шумихи не обойтись.

Работы на студии было много. Комедия «Любовь по заказу», в которой снималась Ольга, готовилась в двух версиях, на немецком и французском языках, на английский героиню Чеховой переозвучивали.

Она была благодарна судьбе за близкое общение с голливудскими звездами первой величины. С Кларком Гэйблом (только что прославившимся в фильме-легенде «Унесенные ветром») они мило болтали по-русски, ведь Кларк родился в Польше в те времена, когда она была еще частью великой Российской империи. Своей непосредственностью ее очаровали Чарльз Чаплин, Гэри Купер, Эррол Флинн, Глория Свенсон. «Я их угощала блюдами русской кухни, от которой они были в восторге, – рассказывала Ольга своим друзьям после возвращения из-за океана. – Особенно им нравятся щи с кислой капустой, соленые грузди с луком и постным маслом и, разумеется, блины с черной и красной икрой. Конечно же, были ящики «Смирновки» и французского шампанского. Но мои голливудские гости предпочитали русскую водку и напивались вдребезги…»

Город ангелов – Лос-Анджелес был городом бесконечного ожидания. Только Ольга вовсе не собиралась годами простаивать в очереди за «синей птицей». Впереди были тысячи потенциальных кинозвезд, не менее красивых, талантливых и наивных. Превратиться в одну из них? Нет уж, увольте.

Ольга жаловалась, что в Америке «акклиматизироваться, по-настоящему почувствовать себя дома мне не удается. Досаждает не только климат, я не готова к американскому образу мыслей и стилю жизни» и, прежде всего, к оборотной стороне этого волшебства: «фабрика грез» – это все-таки бесконечный конвейер.

По завершении съемок в первом из оговоренном контрактом фильме она все-таки настояла на возвращении в Европу – три следующие ленты для американцев студия «Юнайтед артистс» согласилась снимать в Старом Свете.

Рига – Каунас, 1932 год

Стараться найти красоту во всяком предмете, во всяком положении, во всякой мысли, картине и т. д. Упражнение это чрезвычайно важно. Одно из свойств творческой души в том и заключается, что она способна видеть и извлекать красоту из того, что душа нетворческая не удостаивает даже внимания! Истинный художник видит прежде всего красоту и достоинства, а не уродства и недостатки. Чем больше критики и порицаний слышим от художника, тем меньше истинного искусства можно ожидать от него.

М.А. Чехов. Загадка творчества

Едва ступив на перрон Рижского вокзала, Михаил Александрович почувствовал, что к нему возвращается доброе настроение, напрочь утраченное во время бесконечных переездов и скитаний в поисках «своего» театра: Берлин, Прага, Париж, Вена, снова Берлин. «Начинается период удач!» – сказал он сам себе, боясь спугнуть возникающее предощущение успеха. Штайнер недаром так много говорил об интуиции как о методе познания неведомого мира. Главное – случайно не проболтаться о своем предчувствии, о своей вере в то, что намеченное непременно сбудется!

Бог ты мой, да сколько же встречающих! Неужели рижане еще не забыли десятилетней давности гастроли Художественного театра?!. Вот директора местных театров, актеры, репортеры, фотокорреспонденты, старые друзья и поклонники, которые когда-то носили Чехова-Хлестакова на руках. Тогда это был его дебют на зарубежной сцене, и Рига «первая тогда раскрыла передо мной соблазнительные тайны «заграницы», – писал Михаил Александрович. – Прожив столько лет в России в более чем скромных условиях, забыв о существовании ресторанов, смокингов, балов, отвыкнув от веселой праздности, я вдруг все это встретил за границей, в чистенькой, уютной и веселой Риге…»

До чего славные были денечки! Новые знакомые без конца водили его из ресторана в ресторан, днем – в «Германский парк» и «Римский погреб», ночью, после спектаклей, – в подвальные кабачки с красно-сине-желтыми весело подмигивающими фонариками. Он ел, пил, подписывал фотокарточки, всех любил, обнимал, целовал красивых девушек, танцевал с ними – и подчас тут же терял из вида. Молодых сил тогда хватало на все.

И вот теперь, спустя десять лет, он «снова почувствовал, что я актер, что «халтуры» здесь не хотят, что все готово к хорошему спектаклю и что никто из пишущей братии не ждет сладострастного провала».

Итак, с чего начнем? Изголодавшемуся по настоящей работе Чехову уж было невтерпеж. Но его пыл вежливо остужают. Не стоит торопиться. Как там у вас, у русских, говорят, не надо людей смешить, да?.. Но ведь он и так собирался веселить, дарить радость рижанам, почему же нет?!

– Представляешь, и здесь то же самое – и репертуар, и выбор сценических площадок, и даже то, какую роль мне играть, диктуют чиновники! – старательно изображал возмущение Чехов перед своей единственной зрительницей в домашнем «партере», женой Ксенией. – Эти деятели требуют, чтобы гастроли обязательно начались только в Национальном театре, а потом можно будет и в Русской драме. Придумали еще одно пожелание-указание: не только поставить «Эрика XIV», но и самому выступить в главной роли. Только потом уже они будут думать о постановке «Вишневого сада» и «Дворянского гнезда». Кошмар!

Театр одного актера и одного зрителя…

Премьеру спектакля «Эрик XIV» на сцене Национального театра рижская критика уже на следующее утро назвала главным театральным событием года. А еще через неделю Чехов дебютировал в Русской драме в роли Мальволио в «Двенадцатой ночи». И вновь успех!

Спустя месяц в Национальном новая премьера – «Смерть Иоанна Грозного». Осенью состоялось открытие театральной школы и две кряду премьеры «Гамлета» с Чеховым в главной роли – в Риге и в Государственном театре Литвы в Ковно (Каунас). По инициативе Андрея Жилинского, друга и коллеги Чехова по МХТ, который здесь уже был, во-первых, Андрисом Олеки-Жилинскасом, а во-вторых, руководителем Государственного литовского театра, с «варяжским гостем» Чеховым, прибывшим то ли из России, то ли из Парижа, тут же заключили годовой контракт, и весь следующий сезон Михаил Александрович в свое удовольствие курсирует между Ригой и Каунасом.

Лекциями Чехова в рижской актерской школе заслушивались.

«Чеховиеши» («чеховцы») не устают молиться на своего учителя. Он рассказывает им не только о технике, ритме, пластике, но и раскрывает тайны самого явления «театр»:

«Я не знаю еще другой такой профессии, которая могла бы так низко пасть, как театр, и как низко он пал! Сплошь и рядом говорят: «Театр – это храм». Но сегодня слово «храм» звучит как-то неловко по отношению к театру. А ведь театр произошел от мистерии. Мистерии идеей своей ставили посвящение человека в тайну. Человек в этих мистериях был так высок, так богат, что из него, как из необычайно богатого резервуара, впоследствии отделился ряд особых течений, которые потом стали самостоятельными: 1) наука, 2) религия, 3) искусство…

Я только упомяну о двух-трех таких качествах, которые будущий актер сможет развить в себе. Каждый из нас как человек обладает той или иной степенью внимания. Без внимания нельзя жить. Без внимания нас раздавил бы первый автомобиль на улице. Когда мы выходим на сцену, степень нашего внимания повышается… Сегодня я предложу вам несколько конкретных упражнений на внимание, на развитие внимания. Давайте будем внимательны, допустим, к этому стулу… Прибавьте к вниманию глазами осязание телом… Вливаемся в форму стула и, наконец, – переживаем качества стула, например, тяжесть…»

Слушатели Чехова на глазах превращались в податливый материал, и он с азартом скульптора принимался за дело!

– Знаете, у русских есть такая поговорка – слышно, как трава растет, – напоминал им учитель. – Вот Гёте обладал этим свойством слышать, как трава растет. Он мог, закрыв глаза, проникать в растение, и растение росло на его духовных глазах. Такое мышление соединяет мыслящего с объектом его мышления и непосредственно приводит к творческим силам. А если наше мышление не приводит нас к творчеству, значит, мы слишком поверхностно мыслим. Сила творческая, которая создает растение, та же сила, что и в нас. Сила одна и та же. И если мы сумеем проникнуть в творческие силы растения, услышим, как трава растет, мы проникаем в творческие силы земли и всего живого. Вот такого рода мышление нам нужно, нужно как воздух. Есть пути и упражнения к такому роду внимания и мышления, и со временем театр придет к этому…

К сожалению, все хорошее имеет обыкновение очень скоро заканчиваться. Сначала экономический кризис выгнал актеров из театров на хутора, поближе к зажиточным родственникам, где можно было доить коров, потом уже в леса – собирать грибы и ягоды для продажи на привокзальных площадях и рынках, а последовавший за всем этим политический переворот привел к

власти профашистски настроенных ультранационалистов во главе с Ульманисом.

Свидетелем, а позже и жертвой всех этих катаклизмов стал Михаил Чехов. «Однажды ночью, – рассказывал он, – я заметил, что улицы как-то особенно пусты и тихи. И мне показалось: странная, напряженная атмосфера окружает меня, вызывая какие-то далекие, неясные воспоминания. Знакомое чувство беспокойства охватило меня. Я силился вспомнить, но не мог, и это увеличивало безотчетную тоску. Вдруг мимо промчался грузовик. В нем плотно, плечом к плечу, стояли в молчании люди. Другой, третий грузовик. Снова все стихло. Наутро стало известно: в Латвии совершился бескровный переворот… Началась жестокая травля иностранцев. Настало время полного и окончательного торжества моего милого протеже Ш. Он вдруг оказался могущественным человеком. Не выходит ни одного газетного номера, где бы Ш. под разными псевдонимами не требовал моего немедленного удаления из их «обновленной» страны…»

Стало быть, так тому и быть.

Германия, 1933–1934 годы

За океаном, пожалуй, самое неизгладимое впечатление на Ольгу Чехову произвела современная техника кинопроизводства. «Пока в Европе всерьез дискутируют, имеет ли звуковой фильм будущее, – восхищалась она, – я стою перед движущейся камерой, которая наезжает на меня, следует за мной, кружит вокруг. Не только звук, но и сама звукозаписывающая техника ушла на много лет вперед. Чистое удовольствие…»

Воодушевленная увиденным, переполненная творческими идеями и жаждущая самостоятельности, она с разбегу кидается в новую авантюру – создает вместе с друзьями-коммерсантами собственную кинофирму – «Ольга Чехова Фильм-Лтд. Лондон-Париж»…

Как же она позже корила себя за наивность, чрезмерную доверчивость и безрассудство, за то, что лишь посмеивалась над знакомыми американцами, которые исповедывали принцип: «В бизнесе друзей нет». Но это будет потом. А пока она была полностью поглощена своим проектом под названием «Диана». Правда, в глубине души понимала, что заявленная тема – проблемы лесбийской любви – «несколько преждевременна для того времени». Но сборы все-таки оказались довольно недурственными. Лиха беда начало!

Однако вскоре выяснилось, что на личном счету директора фирмы «Ольга Чехова…» осталось… лишь 30 марок. Более того, лейпцигский банковский дом «Штерн» предъявил ей к незамедлительной оплате непокрытые векселя на сумму в четверть миллиона рейхсмарок! Это была катастрофа, крушение всех надежд. Она была в отчаянии, и в один из вечеров осознала, что начинает ощущать тягу к суициду и безотчетные страхи, посещавшие Мишу Чехова в моменты депрессии.

Но происходит чудо. Фрау Чеховой наносит визит некий пожилой господин, который скромно представляется:

– Я – Штерн, шеф банковского дома «Штерн».

Ольга затравленной собачонкой смотрит на визитера и обреченно, как приговоренный к виселице, произносит:

– А я Ольга Чехова.

– Очень приятно, – говорит банкир. И без дальнейших церемоний продолжает: – Вам, мадам, должно быть, неизвестно, что у евреев наиболее почитаемым и священным днем в году является Йом Кипур. Судный день, День покаяния, искупления грехов и примирения. Накануне этого дня следует просить прощения у всех… Я старый человек и, возможно, просто не

успею искупить все свои прегрешения…

Из-за одышки ему трудно было говорить. Ольга подала старику, который напоминал ей громадного, доброго героя детских сказок, стакан с водой. Штерн поблагодарил, выпил и продолжил:

– Так вот, хотя бы у вас я хочу просить прощения…

Ольга пыталась остановить его.

– Не перебивайте меня, пожалуйста… Так вот, отныне я не считаю себя вашим кредитором и прошу считать свои долговые обязательства перед банковским домом «Штерн» полностью погашенными…

– Но!..

– Никаких «но». Я преклоняюсь перед вами как женщиной, как актрисой и не могу допустить, чтобы вы впадали в отчаяние. Вас обманули, вас нагло ограбили ваши же друзья. А вы должны жить без забот и заниматься только творчеством, только искусством. Вот с этим я к вам и пожаловал. Всего вам доброго…

Оле Лукойе из сказки Андерсена целует хозяйке кинофирмы руку и исчезает.

В канун Йом Кипура 1933 года Ольга еще не знала, что очень скоро она сама сможет помочь банкиру Штерну.

* * *

Иудейский Судный день для Ольги так просто не заканчивается. Дома, чуть ли не у порога, ее встретила сияющая Ада и порадовала сюрпризом:

– Мамочка, можешь меня поздравить. Я выхожу замуж!

– Поздравляю. Это неизбежно? – стараясь оставаться невозмутимой, поинтересовалась Ольга. Она вспоминает свое первое замужество. Тогда ей было около семнадцати. Аде сегодня столько же. – Так это неизбежно?

– Да.

– Ты меня не поняла, Ада. Замужество остро необходимо или ты этого хочешь?

– Я хочу! Очень хочу.

– И кто же твой избранник?

– Ты его знаешь. Это Франц Ваймайр.

Конечно же, Ольга хорошо знает этого парня, успешного кинооператора, но представить Аду рядом с ним для нее непереносимо. Однако что делать, ведь сегодня же день примирения…

* * *

Из всех европейских столиц, в которых Ольге уже удалось побывать, Брюссель ей кажется самым уютным. Здесь вольно дышится, в этом «селении на болотах», и все располагает к праздности. Но в этот раз Ольга приехала в столицу Бельгии по сугубо деловым вопросам – договариваться об условиях и возможных сроках съемок в очередном историческом фильме из жизни королей.

После утомительных встреч, многочасовых переговоров она захотела отдохнуть, а заодно и перекусить в одном из приглянувшихся кафе. Однако побыть в одиночестве так и не довелось – за соседним столиком случайно оказался ее старый знакомый по съемкам в каких-то дрянненьких лентах еще начала 20-х Густав Шмидт. О нем уже давным-давно не было никаких известий.

– Я здесь уже полгода, – рассказывал ей Шмидт. – Эмигрировал. Как? Очень просто. Вернее, совсем непросто… Надолго ли здесь? Не знаю. Буду ждать, пока все это не закончится. Или чем…

– Что именно «это»?

– А то ты не знаешь, Олли! Меня же просто вышибли под зад со студии, как только узнали, что моя мама еврейка. Да я молюсь каждый день, что мне каким-то фантастическим образом удалось удрать из Германии, а не очутиться в концлагере вроде Дахау. Слышала о таком? Нет? Ну, еще услышишь… Наконец-то я здесь, в Бельгии. Пока что у наших, или нет, ваших наци сюда руки еще не дотянулись…

– Густав, ты это серьезно – насчет лагерей?

– Олли, ты все еще продолжаешь жить в своем кукольном, ирреальном мире. Ты что, не видишь и не слышишь ничего, что происходит в Германии?.. Не разговариваешь с людьми, не читаешь газет? Или все люди для тебя – лишь зрители, а в газетах ты читаешь только рецензии на свои фильмы и спектакли? – горячился Шмидт. – Давай пойдем сейчас ко мне, я тебе покажу некоторые материалы… Хочешь?

– Пойдем.

То, что дома показал ей Густав, было действительно ужасным. И она живет с этим рядом и ничего не знает ни об арестах, ни о концентрационных лагерях? Кое-какие разговоры до Ольги, конечно, доходили, но она была уверена, что это лишь досужие слухи, что такого быть просто не может. Но вот перед ней лежат документы, документальные ссылки на выступления Гитлера и Гиммлера на секретных совещаниях…

– Концентрационные лагеря – это школа трудового воспитания истинной германской гражданственности, прежде всего тех восьми миллионов, которые проголосовали на выборах за коммунистов, – говорил рейхсфюрер СС. – Нелепо и неразумно сразу сажать эти восемь миллионов негодяев и всех евреев в концлагеря. Достаточно создать в них атмосферу страха и террора, потом постепенно выпускать оттуда сломавшихся. Именно эти люди, бывшие люди, и станут лучшими агитаторами практики национал-социализма. Именно они и будут внушать друзьям, родным, знакомым, своим детям религиозное послушание нашему режиму… Напишем на воротах лагеря в Дахау: «Arbeit macht frei» («Труд освобождает»).

По возвращении домой растревоженная Ольга, подчиняясь скорее интуиции, чем разуму, сразу решила позвонить в Лейпциг Штерну. Как и при первой встрече, старик дышал тяжело, медленно говорил, и она с трудом разбирала его речь, но по отдельным намекам и длинным паузам догадалась: дела у банкира – швах…

При встрече ее опасения подтвердились: старик со дня на день ожидал ареста. По пути из Лейпцига в Берлин Ольга, сидя за рулем, обдумывала ситуацию и просчитывала варианты, кто из новых «добрых знакомых» может реально помочь ей, то есть Штерну.

Геббельс? Отпадает. Гиммлер? Боже сохрани. Кто-то из его ведомства рангом пониже? Нет, конечно, никто не рискнет, и думать не смей. Может быть, Геринг?.. Может быть. Почему бы и нет?

Позвонив счастливой супруге «наци № 2» Эмме Зоннеманн[22], Ольга затеяла с ней невинную болтовню о недавнем показе мод, о будущем пикнике, о тиране-режиссере и дуре-костюмерше, испоганившей ее наряд для съемок, и, как бы между делом, поинтересовалась возможностью встречи с ее мужем.

Да нет, Эмми, вопросик пустяковый, но касающийся меня лично. Если хочешь знать, моей чести. Что? Да нет, ты не о той чести подумала… Думаешь, завтра? Предупредишь? Прекрасно! Я тебя целую. Жду звонка!

Великолепно разбираясь в закулисных интригах, традиционных спутниках театрального мира, Чехова столь же проницательно и тонко ориентировалась в расстановке сил, складывающейся на политическом олимпе германской элиты. Ну чем политика не театр? Свои режиссеры, свои драматурги, актеры-марионетки, гримеры, костюмеры…

Она знала, что, пользуясь отсутствием у фюрера

официальной супруги, Герман Геринг усердно проталкивал на роль первой леди рейха свою сиятельную супругу. Причем он шел напролом с упорством и силой буйвола.

С Эммой, правда, не без успеха пыталась конкурировать жена Геббельса, в руках которого находилась мощнейшая пропагандистская машина, исподволь, планомерно насаждавшая в сознании обывателей чистый образ его Магды, покровительницы искусств и защитницы беспризорных детей, бедных и убогих.

Чехова изящно лавировала между ближайшими соратниками Гитлера и их спутницами. Прежде чем сблизиться с Эммой, она предусмотрительно, наряду с официальной информацией о ней, собрала, как курочка по зернышку, безумное количество слухов и сплетен, в том числе самых невероятных, о «первой леди», которыми обменивались из уст в уста посетительницы модных салонов, о чем легкомысленно болтали парикмахерши и массажистки.

Она знала, что Эмма, довольно средненькая актриса, работала в труппе Веймарского театра, специализируясь, чаще всего, на амплуа инженю, романтичных, сентиментальных героинь. Неудачно вышла замуж за своего партнера по сцене, развелась. В 1931-м познакомилась с перспективным депутатом рейхстага Германом Герингом, а после смерти его жены Карин они стали жить вместе. Еще через год, «проверив чувства», Эмма Зоннеманн официально стала супругой первого рейхсминистра авиации Геринга. Спустя три года в семье появился поздний ребенок. Девочку назвали Эддой в честь старшей дочери итальянского дуче Бенито Муссолини. Эмма была образцом высокой арийской морали, прекрасной домохозяйкой, в целом вполне безвредной, а в некоторых ситуациях весьма полезной особой.

Ольга мягко, без нажима делала осторожные шаги на пути сближения с Эммой. Приглашала ее на премьеры, на выставки, посылала фрау Геринг забавные, оригинальные безделушки по всякому поводу, а то и без повода. В отличие от многих Эмма нисколько не завидовала профессиональным успехам Ольги, ее любовным победам. Во всем признавала первенство подруги, а к ее житейским советам прислушивалась. Постепенно госпожа Геринг настолько привыкла к непременному присутствию Чеховой в своем обществе, что отказывалась понимать, как ранее могла обходиться без нее…

* * *

Грузный, раскормленный, самодовольный Геринг источал гостеприимство, предупредительность, любезность и светскость, принимая подругу жены в своей роскошной библиотеке, где даже обои были изготовлены из пергамента.

– Эмма расхваливала мне вашу последнюю работу в кино. «Пути к хорошему браку», кажется? Я уже заказал копию для своего домашнего кинотеатра. Поэтому свое мнение пока придержу при себе, сообщу его попозже, хорошо? Что привело вас ко мне, очаровательная фрау Ольга? Могу ли я чем-нибудь помочь?

Выслушав печальную историю «Дианы» и связанных с нею финансовых трудностей, Геринг помрачнел, ему стало скучно:

– На кой черт вам сдался этот Штерн, Олли?

Чехова вновь завела свою унылую волынку: съемки… кредиторы… процентные ставки… векселя… высокие задачи киноискусства… проблемы со звукозаписью… благородство банкира… капризы актеров… коварные компаньоны… На всякий случай Геринг записал их имена.

– Ну что вам стоит помочь человеку, который фактически спас меня от разорения и нищеты?! – вновь возвращалась к своей просьбе Ольга.

Геринг смотрел на нее и лениво думал: «Да ничего не стоит. Конечно, Штерн – лакомый кусочек. Да и эта козочка тоже… Может, и впрямь, пусть на сей раз Генрих оближется. Пусть не забывает, что делиться надо… И у него не убудет… До чего же сладкое, черт возьми, это патрицианское право казнить и миловать…»

Когда гостья удалилась, министр авиации переоделся в свой любимый зеленый панбархатный халат, расшитый золотом, подпоясался золотым же поясом с кистями. Потом подошел к книжному шкафу, открыл тщательно замаскированную дверцу небольшого домашнего сейфа, о котором не догадывалась даже Эмма. Вытряхнул из заветной коробочки пару таблеток, сунул в рот и проглотил, не запивая. Сейчас, нет, минут через пять, он проверял, голова сперва затуманится, а потом эта пелена начнет медленно таять, теснимая теплой волной несравнимого блаженства, и тело охватит легкость…

Он поднес поближе к глазам часы – осталось совсем немного, минута-две, успел критически осмотреть кисти: заусеница, а вот еще одна. Непорядок! Вечером, когда Эмма уедет на свой благотворительный вечер, он обязательно пригласит маникюршу… На толстых пальцах сверкнули золотом перстни с изумрудами – в тон халату…

* * *

Как бы там ни было, но господин Штерн беспрепятственно покинул пределы родной и любимой Германии. До самой смерти банкира Ольга Чехова поддерживала с ним любезную, хотя и преступную, с точки зрения государственной безопасности, переписку.

А коллекция рейхсминистра авиации пополнилась шестью уникальными перстнями с изумрудами чистой воды. Он верил, что эти самоцветы вселяют радость и бодрость духа в их обладателя. Недаром же буддисты утверждают, что изумруды должны принадлежать людям с чистой кармой, до конца познавшим себя, достигшим ясности мыслей и чувств и находящимся на вершине духовного совершенства.

Йом Кипур?..

США – Англия – США,1935–1938 годы

После гастрольного турне по странам Старого Света «Театр Чехова» зимой 1935 года отправился покорять Соединенные Штаты. Но в Америке европейских актеров публика приняла прохладно. «Чеховы уехали гастролировать в Филадельфию и Бостон. К сожалению, русская колония и там, и здесь невелика, а американцы, несмотря на великолепные отзывы газет… все же посещают спектакли не в очень большом количестве, – сетовал художник Константин Сомов. – Боюсь, что Юрок[23], не сделав на них денег, не захочет их привезти на будущий год, и мы лишимся этого наслаждения…»

Языковой барьер по-прежнему оставался непреодолимой преградой, несмотря на все старания Чехова и его непоколебимую веру в искусство без границ.

По возвращении в Европу Михаила Александровича ожидало счастливое знакомство с одной из пылких своих поклонниц, английской актрисой и начинающим продюсером Беатрис Стрейт, а чуть позже и с ее родителями, четой известных меценатов Элмхерстов – Дороти и Леонардом.

Новые знакомые оказались людьми замечательными. Чехов был уверен, что время подобных подвижников, бескорыстных меценатов давно миновало. Ан, нет. Беатрис рассказала ему, что несколько лет назад Элмхерсты приобрели в южной части Англии, в графстве Девон, средневековый замок Дартингтон Холл, где собирались создать некое подобие культурного центра, который, по ее словам, был «призван способствововать материальному и духовному развитию крестьян местных общин». Чехов, услышав громкий тезис, хмыкнул, вопросительно поднял бровь, но благоразумно промолчал.

Первыми пристанище в Дартингтоне нашли бежавшие из уже больной фашизмом Германии артисты балетной труппы Курта Йосса и ученики танцевальной школы Зигурда Ледера. Вместе с ними оттуда же прибыли композитор Фриц Коэн и художник Хайн Хекрот. Затем здесь обосновалась оперная студия дирижера Ханса Оппенхейма. Потом сцену «летнего театра» облюбовали танцовщики группы Удая Шанкара из далекой Индии…

Однако владельцы Дартингтона полагали, что сердцем культурного центра должна стать драматическая студия, к созданию которой они и намеревались привлечь Михаила Чехова.

Размышляя над предложениями Элмхерстов, Чехов мысленно перелистывал страницы произведения их великого земляка Томаса Мора «Остров Утопия», «золотой книжечки, столь же

полезной, сколь и забавной, о наилучшем устройстве государства», и чувствовал себя одним из тех, кто не погиб в кораблекрушении, а Божьим провидением был выброшен на берег чудесного острова и спасся. Не о нем ли писал бывший лорд-канцлер британского короля и великий мечтатель Мор: «От выброшенных чужестранцев утопийцы научились всякого рода искусствам, существовавшим в Римской империи и могущим принести какую-нибудь пользу, или, узнав только зародыши этих искусств, они изобрели их дополнительно»?

Он решил не противиться судьбе и принял слова Томаса Мора как духовное напутствие: «Ты поступишь с полным достоинством для себя и для твоего столь возвышенного и истинно философского ума, если постараешься даже с известным личным ущербом отдать свой талант и усердие на служение обществу…»

Для Чехова «остров» Дартингтон казался обитаемым, потому что там обретали его единомышленники.

Обжегшись в Америке, он, перебравшись в Великобританию, сразу занялся языком и оказался настолько прилежным и талантливым учеником, что уже через полгода стал выступать в Лондоне с лекциями «О четырех стадиях творческого процесса» на вполне приличном английском. Потом вместе с Дороти Элмхерст сочинил рекламную брошюрку «Чеховская Театр-студия», в которой соавторы излагали свои основные задачи – подготовка молодых актеров, способных вывести театр на новый уровень, создание постоянной гастрольной труппы, а также детальная программа трехлетнего курса обучения. Основатель студии провозглашал: «Композиция, гармония и ритм – вот силы нового театра. Такой спектакль будет понятен каждому зрителю».

Изящно изданная книжка с портретом Михаила Чехова и соблазнительными ландшафтными видами Дартингтона рассылалась по всему миру. Первыми ее читателями, а затем и учениками стали актеры-любители из Америки, Канады, Австралии и европейских стран. «Мы были самыми привилегированными студентами, – вспоминал Пол Роджерс, ставший позже известным актером, – нас учили алгебре театра».

Чехову была предоставлена полная свобода, выдан своего рода «carte blanche» в осуществлении заявленной программы. В Дартингтоне его радовало все. Он был очарован зданием театра, перестроенным из старинного амбара, уютным общежитием для слушателей, расположенным рядом. А ведь в центре была еще и превосходно оборудованная сцена под открытым небом. Это было реальным воплощением неосуществимых мечтаний Чехова!

Он занимался актерской техникой, испытывал всевозможные

упражнения по совершенствованию выразительных средств пластики и ритма движений, по все тому же слиянию речи и жеста. Чехов учил своих учеников вниманию, вере, наивности и фантазии. Поначалу его диковинные задания ставили в тупик и веселили студентов.

– Принимайте смешные и необычные положения, – требовал учитель, – окружайте себя необычайной обстановкой и верьте, что это необходимо для собственного счастья, для счастья ближних, для победы над врагом, для личной услуги приятелю. Пример? Пожалуйста, сядьте на корточки на стул, поставьте на голову чернильницу, возьмите в зубы носовой платок, прищурьте один глаз и в таком положении попытайтесь объясниться в любви или завести серьезный разговор…

На другом занятии он рассаживал группу за стол. Предлагал одному из слушателей произнести какое-нибудь любое слово. Сидевший рядом, услышав его, должен был постараться поймать первый же образ, родившийся в его воображении, и тотчас передать-перебросить этот случайный образ, как теннисный шарик, своему соседу, и так далее, по кругу.

Возникающие таким способом образы были изысканно тонки, неуловимы и почти непередаваемы словом. Поэтому ученики не стесняли себя, демонстрируя их жестом, выражением лица, гримасой или каким-нибудь нечленораздельным звуком – все равно, лишь бы не умирал этот зыбкий образ и был воспринят сидящим рядом за общим столом.

В лаборатории игры рождались творческие личности. Чехов приучал студентов нести ответственность за весь спектакль. Они сами писали сценарии и готовили миниатюрные этюды, скетчи, сочиняли музыку и рисовали эскизы будущих декораций.

Но его радости не было суждено длиться вечно. В 1938 году Великобритания уже перестала казаться Чехову богоспасаемыми островами. Из Европы сюда доносились тревожные вести: аннексия Австрии, мюнхенский сговор, ультиматум Чехословакии. Беда приближалась. Посовещавшись с Элмхерстами, Михаил Александрович решил отбыть в Америку.

Расставаясь с Британией, как с несбывшимся миражом Томаса Мора, Чехов вспоминал слова другого английского гения Оскара Уайльда: «…Не стоит говорить и смотреть на карту, раз на ней не обозначена Утопия, ибо это та страна, на берега которой всегда высаживается человечество. А высадившись, оно начинает осматриваться по сторонам и, увидя лучшую страну, снова поднимает паруса…»

Параллель-1: Ялта – Москва (1900–1904), Берлин – Брюссель (1936–1938)

– Это какое дерево?
– Вяз.
– Отчего оно такое темное?
– Уже вечер, темнеют все предметы. Не уезжайте рано, умоляю вас.
– Нельзя.
– А если я поеду к вам?..
– Нельзя…
…
– Я люблю вас.
– Тс-с…

А.П. Чехов. Чайка

Ольга всегда была готова слушать, сочувствовать, советовать. Но делиться с окружающими своим личным, самым сокровенным, потаенным, о том, что изводило ее днем и ночью, она себе никогда не позволяла.

Несмотря на публичность жизни, бесконечную череду встреч, разговоров, общений, знакомств, не оставлявших ей ни минуты покоя, она была одинокой несчастной женщиной и всегда говорила, что «испытывала безотчетный страх перед замужеством, а семейная жизнь мне никогда не казалась такой же важной, как очередная роль, полученная мной…».

Брак в ее представлении был бременем, обузой, тяжкими оковами, путами, которые ограничивали личность во всем, отнимали свободу выбора. «И дело не только в печальном опыте моей юношеской брачной авантюры в России, – оправдывала Ольга свое вынужденное одиночество. – Наверное, я слишком эгоцентрична и влюблена в свою профессию. Я не желаю ничего знать о мелочных повседневных заботах, с которыми приходиться бороться каждому. По счастью, мать и сестра… избавляют меня от быта. Мой вклад в домашнее хозяйство ограничивается постоянно повторяющимся вопросом: «Деньги тебе нужны?»…»

Стучал, но так и не достучался до сердца Ольги провокатор ее «юношеской брачной авантюры» Михаил Чехов, который обожествлял любовь и свято верил, что именно она «сделает нас

более артистичными, более свободными творчески, более счастливыми»… Правда, он тоже, как и Ольга, больше жизни любил свою Богом данную профессию.

* * *

«Доброе утро, дорогой мой! Как провел ночь?..

Вчера, когда расстались с тобой – долго смотрела в темноту, и много, много было у меня в душе. Конечно, всплакнула. Я ведь так много пережила за это короткое время в вашем доме… Думала все о тебе – вот он едет на конке, вот он у Киста, почистился и пошел скитаться по городу…

Целую твою многодумную голову, почувствуй мой горячий поцелуй. Addio, мой академик. Люби меня и пиши.

Твоя актриса».

6 августа 1900 г.

Между Севастополем и Харьковом.

«Милая моя Оля, радость моя, здравствуй!.. Мне все кажется, что отворится сейчас дверь и войдешь ты. Но ты не войдешь, ты теперь на репетициях в Мерзляковском переулке, далеко от Ялты и от меня.

Прощай, да хранят тебя силы небесные, ангелы-хранители. Прощай, девочка хорошая.

Твой Antonio».

9 августа 1900 г., Ялта.

«Мне уже кажется, что я целый век не писала тебе, дорогой мой Антон… Как мне хочется посидеть у тебя в кабинете, в нише, чтобы было тихо-тихо – отдохнуть около тебя, а потом поогорошить тебя, глупостей поговорить, подурачиться. Помнишь, ты меня на лестницу провожал, а лестница так предательски скрипела? Я это ужасно любила. Боже, пишу, как институтка!

А вот сейчас долго не писала, скрестила руки и, глядя на твою фотографию, думала, думала и о тебе, и о себе, и о будущем. А ты думаешь?

Мы так мало с тобой говорили, и так все неясно, ты этого не находишь? Ах, ты мой человек будущего!

А ты меня не забыл, какая я? А ты меня любишь? А ты мне веришь? А тебе скучно без меня? А ты за обедом ел? С матерью не ссоришься? А с Машей ласков? Сошел со своего олимпийского величия? А ну-ка, попробуй ответь на все. Пиши больше о себе,

все пиши. А теперь дай мне прижать твою голову и пожелать спокойной ночи.

Твоя Ольга».

16 августа 1900 г., Москва.

«Милюся моя, Оля, славная моя актрисочка… По письму твоему судя в общем, ты хочешь и ждешь какого-то объяснения, какого-то длинного разговора – с серьезными лицами, с серьезными последствиями; а я не знаю, что сказать тебе, кроме одного, что я уже говорил тебе 10 000 раз и буду говорить, вероятно, еще долго, т. е. что я люблю тебя – и больше ничего. Если мы теперь не вместе, то виноваты в этом не я и не ты, а бес, вложивший в меня бацилл, а в тебя любовь к искусству…

Твой Antoine».

22 сентября 1900 г., Ялта.

«Антон, ты знаешь, я боюсь мечтать, т. е. высказывать мечты, но мне мерещится, что из нашего чувства вырастет что-то хорошее, крепкое, и когда я в это верю, то у меня удивительно делается широко и тепло на душе, и хочется жить и работать, и не трогают тогда мелочи жизненные, и не спрашиваешь себя, зачем живешь. А ты во мне поддерживай эту веру, эту надежду, и нам обоим будет хорошо и не так трудно жить эти месяцы врозь, правда, дорогой мой?..

Буду жить и работать, киснуть не буду, а буду мечтать о весне, о нашем свидании. И ты тоже, милый мой, родной мой? Целую твою милую голову, и хорошие глаза твои, и мягкие волосы, и губы, и умный лоб, и прижимаю тебя к груди, и люби, люби меня и пиши чаще

Твоей собаке».

11 декабря 1900 г., Москва.

«Поздравлял ли я тебя с Новым годом в письме? Неужели нет? Целую тебе обе руки, все 10 пальцев, лоб и желаю и счастья, и покоя, и побольше любви, которая продолжалась бы подольше, этак лет 15. Как ты думаешь, может быть такая любовь? У меня может, а у тебя нет. Я тебя обнимаю, как бы ни было…

Твой Тото».

2 января 1901 г., Ницца.

«Ну вот и здравствуй опять, мой мифический муж. Еще один день прошел и приблизил минуту нашего свидания. А ты себе представляешь эту минуту свидания? Я не знаю положительно, что это будет. И мне нравится именно то, что я не знаю, как это

будет. Вдруг я буду держать в своих руках, в своих объятиях всего моего Антона, буду целовать его голову, буду чувствовать его дыхание, его ласку, его голос, буду видеть мои чудные удивительные глаза и мягкую улыбку и все мои морщинки, и гладенький затылочек, и весь, весь Антон будет около меня близко, близко! Господи, даже невероятно!..

Ну, спи, моя большая детка, не проклинай только меня, целую тебя на все лады, мой обаятельный муж.

Твоя собака».

29 декабря, ночь 1901 г., Москва.

«Какая же ты глупая, дуся моя, какая дуреха! Что ты куксишься, о чем?.. Брось хандрить, брось! Засмейся! Мне дозволяется хандрить, ибо я живу в пустыне, я без дела, не вижу людей, бываю болен почти каждую неделю, а ты? Твоя жизнь как-никак все-таки полна…

Ты пишешь: не грусти – скоро увидимся. Что сие значит? Увидимся на Страстной неделе? Или раньше? Не волнуй меня, моя радость. Ты в декабре писала, что приедешь в январе, взбудоражила меня, взволновала, потом стала писать, что приедешь на Страстной неделе – и я велел своей душе успокоиться, сжался, а теперь ты опять вдруг поднимаешь бурю на Черном море. Зачем?..

Главное – не хандри. Ведь муж у тебя не пьяница, не мотыга, не буян, я совсем немецкий муж по своему поведению; даже хожу в теплых кальсонах… Обнимаю сто один раз, целую без конца мою жену.

Твой Antoine».

20 января 1902 г., Ялта.

«Ночью долго не засыпала, плакала, все мрачные мысли лезли в голову… Мне вдруг так стало стыдно, что я зовусь твоей женой. Какая я тебе жена? Ты один, тоскуешь, скучаешь… Но ты не любишь, когда я говорю на эту тему. А как много мне нужно говорить с тобой! Я не могу жить и все в себе носить. Мне нужно высказаться, иногда и глупостей наболтать, чепуху сказать, и все-таки легче. Ты это понимаешь или нет? Ты ведь совсем другой. Ты никогда не скажешь, не намекнешь, что у тебя на душе…

Оля».

15 января 1903 г., Москва.

«…Ты, родная, все пишешь, что совесть тебя мучит, что ты живешь не со мной в Ялте, а в Москве. Ну как же быть, голубчик? Ты рассуди как следует: если бы ты жила со мной в Ялте всю

зиму, то жизнь твоя была бы испорчена, и я чувствовал бы угрызения совести, что едва ли было бы лучше. Я ведь знал, что женюсь на актрисе, т. е., когда женился, ясно сознавал, что зимами ты будешь жить в Москве. Но ни одну миллионную я не считаю себя обиженным или обойденным, – напротив, мне кажется, что все идет хорошо или так, как нужно, и потому, дусик, не смущай меня своими угрызениями. В марте опять заживем и опять не будем чувствовать теперешнего одиночества. Успокойся, родная моя, не волнуйся, а жди и уповай. Уповай, и больше ничего…

Теперь я работаю, буду писать тебе, вероятно, не каждый день. Уж ты извини…

Твой супруг А.».

20 января 1903 г., Ялта.

«Родной мой, я сейчас уезжаю к Троице, в Черниговский скит… Приведу себя немного в порядок. Я в ужасном состоянии. Я ужасная свинья перед тобой. Какая я тебе жена? Раз приходится жить врозь. Я не смею называться твоей женой. Мне стыдно глядеть в глаза твоей матери. Так и можешь сказать ей. И не пишу я ей по той же причине.

Раз я вышла замуж, надо забыть личную жизнь и быть только твоей женой. Я вообще ничего не знаю и не знаю, что делать. Мне хочется все бросить и уйти, чтоб меня никто не знал.

Ты не думай, что это у меня настроение. Это всегда сосет и точит меня. Ну, а теперь проскочило. Я очень легкомысленно поступила по отношению к тебе, к такому человеку, как ты. Раз я на сцене, я должна была оставаться одинокой и не мучить никого.

Прости меня, дорогой. Мне очень скверно. Сяду в вагон и буду реветь. Рада, что буду одна… Будь здоров, не проклинай меня.

Оля».

13 марта 1903 г., Москва.

«…Не говори глупостей, ты нисколько не виновата, что не живешь со мной зимой. Напротив, мы с тобой очень порядочные супруги, если не мешаем друг другу заниматься делом. Ведь ты любишь театр? Если бы не любила, тогда бы другое дело. Ну, Христос с тобой. Скоро, скоро увидимся, я тебя обниму и поцелую 45 раз. Будь здорова, деточка.

Твой А.».

18 марта 1903 г., Ялта.

* * *

Сырым тоскливым вечером, когда в доме все уже угомонились, Антон Павлович, отложив в сторону скучнейшую чужую рукопись, которая пришла вчера вместе с почтой, потянулся к своему «верному другу» – записной книжке. Мельком пробежал последние пометки: «…Говорил с Л.Толстым в телефон», «…Если боитесь одиночества, то не женитесь», «Дай ему в рыло», «Женился, завел обстановку, купил письменный стол, убрал его, а писать нечего», «Тебе поверят, хоть лги, только говори с авторитетом…».

Подумал, вспомнил что-то и добавил еще одну фразу: «Как я буду лежать в могиле один, так, в сущности, я и живу одиноким».

Потом записал услышанное от кого-то сегодня днем: «Немец: Господи, помилуй нас, грешневиков». Улыбнулся. Может, пригодится когда. А может быть, и нет.

* * *

– …Олли, что с тобой происходит? – на съемочной площадке гремел раздраженный голос режиссера. – Немедленно соберись! Тебя что, камера смущает? Ты в первый раз ее видишь? Слова-то хоть помнишь?

– Конечно, помню, – потупилась Чехова, разом обернувшись в «гадкого утенка».

– Так, ясно. Перерыв! Далеко никто не расходится! Сейчас продолжим съемки.

Ольга укрылась в давно облюбованной беседке. Тут же туда впорхнула гримерша и принялась живо поправлять макияж своей любимице, приговаривая:

– Все будет хорошо, Олли. Он просто придирается к тебе. А ты не горячись…

– Что значит «не горячись»?! Я сама чувствую, что у меня сегодня ни черта не получается, и состояние какое-то странное – то жарко, то холодно…

– Перерыв окончен! – раздалась звучная команда. – Господа актеры, приготовьтесь к съемкам! Прошу!

Ольга вздохнула и обреченно поплелась на площадку. Подходя к декорациям, она осторожно, через плечо, огляделась по сторонам. Ее внимание привлек мужчина, который вольготно расположился в летнем кресле, курил сигару и не отрывал от нее глаз. Ольгу непроизвольно передернуло, и по рукам пробежали мурашки. Она решительно подошла к режиссеру:

– Объясните мне, уважаемый Вольфганг, почему на съемочной площадке находятся посторонние люди? Они

отвлекают, мешают мне сосредоточиться.

Режиссер, который и без того казнился, что позволил себе сорваться и в сердцах наорать на саму Чехову, постарался соблюсти максимальную любезность:

– Кого вы имеете в виду, фрау Ольга?

– А вон того господина, который уже час нахально пялит на меня свои тупые глазки, – и Чехова бесцеремонно указала пальчиком в сторону любителя сигар.

– Помилуйте, милая Ольга. Какой же это «посторонний»? Этот человек имеет самое непосредственное отношение к нашему фильму. Герр Марсель Робинс финансирует съемки. Пойдемте, я вас познакомлю.

Господин Робинс вблизи оказался более симпатичным, нежели издалека. Он излучал искреннее добродушие и неподдельную радость по поводу знакомства. По окончании съемочного дня Марсель пригласил Ольгу перекусить вместе с ним в знаменитом кафе «Захер».

– Это лучшее место во всей Вене, – уверял он.

Ольга, изобразив некоторые сомнения, все же согласилась. Почему бы и нет?

«Захер» действительно был шикарным заведением. А спутник Ольги – незаурядным собеседником, человеком обаятельным, с неподражаемым шармом и юмором. Марсель к тому же оказался искушенным знатоком австрийской кухни, особенно десерта.

– Быть в Вене и не попробовать шоколадный торт «Захер», залитый глазурью, – преступление, – просвещал он Ольгу. – Его рецептуре уже более ста лет. Создателем уникального торта был 16-летний паренек Франц Захер, ученик кулинара дворцовой кухни канцлера князя Миттерниха… Впервые он украсил этим чудом стол для высоких гостей канцлера в 1832 году… С тех пор торт «Захер» вместе с кофе по-венски – самое изысканное десертное блюдо в Европе.

С Марселем было легко и просто. Он был предупредителен, безошибочно угадывал все, даже невысказанные желания Ольги, рассыпался в тонких комплиментах. Опытный кельнер легко распознал красноречивый жест уважаемого гостя, и через мгновение роскошный букет роз появился на их столе. Говоря о себе, Робинс был немногословен: живу в Бельгии, промышленник (Ольга уже знала – миллионер), давно веду дела по всей Европе, много путешествую. Кстати, вскоре собираюсь в Германию…

«Смогу ли я засвидетельствовать вам свое почтение в Берлине, мадам?..» – как бы мимоходом поинтересовался он.

И вновь у Ольги возник все тот же вопрос: «А почему бы и нет?..»

Во время прогулки по берлинским скверам Робинс впервые сделал Ольге предложение. Она легкомысленно засмеялась: «Большое спасибо, но я говорю вам – «нет». Не обижайтесь, милый Марсель. Моя профессия, постоянные гастроли, репетиции в театре, съемки в кино просто не позволяют мне принять ваше предложение. Я непременно сделаю несчастным человека, ставшего моим мужем. Семья, вероятнее всего, не для меня…»

Когда дома Ольга обо всем рассказала маме, она услышала решительное: «Дура! Тебе давным-давно пора обзавестись собственным домом, не вечно же тебе оставаться актрисой. Да и вообще, подумай, может быть, это шанс легально покинуть Германию, в которой, сама видишь, что сегодня происходит…»

Как? Оставить Германию, в которой она обрела мировую известность, стала знаменитостью? Переехать в более-менее спокойную Бельгию, и что там?.. Завести косметический салон, о котором она, честно говоря, сама тайком подумывала, едва получив диплом косметолога в парижской школе?.. И вновь появлялся все тот же вопрос: «А почему бы и нет?» Да, было бы здорово забыть о нескончаемой погоне за ролями, за деньгами, окунуться в спокойную жизнь благочестивой буржуазки… Но ведь очень скоро о ней позабудет публика, исчезнут поклонники, смолкнут восторги и аплодисменты…

Но Марсель оказался настойчив и вскоре повторно предложил Ольге свою руку и сердце. Неожиданно для себя она сдалась. Мамочка замужней дочери Ады стала невестой. Смешно. К тому же свидетелями бракосочетания Ольги Чеховой с господином Робинсом как раз и стала Ада со своим супругом. По окончании церемонии и ритуального бокала шампанского в ресторане «Бристоль» новобрачные отправились в квартиру Ольги на Кайзердамм, где их ждали друзья.

Свадебное торжество было в разгаре, когда невеста заметила, что ее суженый как-то сник и растерялся. И от обилия гостей, и от бесконечных тостов, и от шума, взрывов беспричинного хохота, громких песен… Вот его бесцеремонно облапил один из Олиных друзей и, размахивая рюмкой с водкой, принялся внушать Марселю, что ему суждено стать преступником, если посмеет умыкнуть Чехову со сцены, не позволит сниматься и запрет в четырех стенах, превратив в обычную домохозяйку.

– Пойми, дружище, у фантастических ног Ольги лежит весь мир – и Европа, и Америка! Ее призвание – покорять сердца людей своей красотой и искусством! Твои франки – ничто по сравнению с ее улыбкой.

«Не понимает», – разочарованно огорчился ценитель прекрасного, на минуту оставив в покое жениха. А потом озорно

подмигнул своим приятелям: «А ну-ка, по нашему обычаю!..» Не обращая внимания на возмущенные протесты Марселя, русские земляки невесты силой уложили его на растянутую простыню и трижды подбросили к потолку: «И – раз! И – два! И – …» Последний полет оказался неудачным: жениха не сумели (или не захотели) поймать в «садок для золотой рыбки», он рухнул мимо узкой простыни и, упав на пол, потерял сознание…

Бедолага очнулся, когда его везли в машине в ближайшую клинику. «Дикари», – успел прошептать он и вновь прикрыл глаза, лишь бы никого не видеть.

Осмотрев пострадавшего, дежурный врач постарался успокоить шумных посетителей: «Ничего страшного, легкое сотрясение мозга, повреждений внутренних органов нет. Больной нуждается в полном покое. Утром сможете его навестить». Пришедший в себя Робинс вымученно улыбнулся Ольге: «Извини, что так получилось. Что делать, если в России таковы традиции… Я прошу тебя, Олли, не отпускай гостей, не расходитесь. Возвращайтесь домой и продолжайте веселиться. Нельзя же портить свадьбу…»

– До завтра, дорогой…

Желание новобрачного – закон, решили гости и продолжили свадебную пирушку на Кайзердамм до самого рассвета. Марсель же не подозревал, что глагол «расходиться» в русском языке содержит так много смыслов. Но в 10 утра невеста вместе с делегацией наиболее стойких гостей уже была в больнице, у палаты внезапно занемогшего мужа.

А еще через день Ольга была вынуждена срочно уехать для продолжения съемок фильма с таким символичным названием «Любовь выбирает странные пути». По возвращении в Брюссель они с Марселем отправились в его огромный, со вкусом обставленный загородный дом. Молодые провели там восхитительную неделю любви, покоя, обожания и полной отрешенности от суетного мира.

Ольге до смерти хотелось непременно поделиться радостью своего семейного счастья и безмятежного времяпрепровождения. По ее приглашению в Бельгию тотчас приехала погостить старшая сестра Ада. После она пооткровенничала с тетушкой: «Я в Брюсселе, и в восторге от города. Здесь жить приятнее, чем в Париже. Ольга живет в самой лучшей части города, чудесная квартира, очень элегантная… Едим на черном стекле, и под тарелками салфетки из настоящих кружев. Шофер, кухарка, прислуга, судомойка, – все для двоих. Всегда народ – все деловые люди, и разговоры ведутся по-французски, по-немецки, по-английски, по-голландски, по-фламандски и по-русски.

Муж Ольги очень хороший и порядочный человек, изумительно выглядит, очень избалован, но черствый, сухой делец. С ним весьма нелегко. И как-то при всем внешнем блеске здесь неуютно. Ольга, говорит, повеселела, так как я здесь, и хочет ехать со мной в Берлин недели на две, ей там уютнее…»

В конце письма Ада как бы невзначай обронила: «Зачем Ольга вышла замуж – не знаю…»

Праздники кончились. Марселя ждут неотложные дела во Франции и Испании, Ольга спешит в Берлин подписывать контракт на бенефисную роль в водевиле «Чернобурая лисица». Условия сказочные, сообщает она мужу, режиссер – умница, а о таком партнере, как Карл Шёнбёк, можно только мечтать. Прости, милый, однако в репертуаре спектакли через день, придется потерпеть… Но это только на месяц… Ничего, любимая, на выходные я постараюсь приезжать к тебе… До встречи!

Через месяц контракт был продлен, потом еще раз и еще. В одно из воскресений Марсель не смог выбраться в Берлин. Через неделю позвонил из Антверпена, сослался на возникшие трудности с оформлением таможенных деклараций на грузы для аргентинских партнеров. Потом пришла открытка от него из Испании… В брюссельский дом Робинса Ольга смогла вернуться лишь через полгода, когда антрепренеры решили, что «Чернобурку» уже можно снять с репертуара.

В честь ее приезда муж собирает шикарный званый ужин. Сегодня, Олли, ты должна предстать во всей красе!

– Марсель, я в парикмахерскую. Дай, пожалуйста, денег. У меня же только марки…

Он выкладывает на журнальный столик 10 бельгийских франков и вопросительно смотрит на Ольгу:

– Мало?

– В общем-то, да. Вряд ли даже на маникюр хватит.

– Ну так поищи парикмахерскую подешевле…

Но вечером Марсель вновь само обаяние и радушие. Он с гордостью представляет друзьям свою новую жену: «C’est ma femme – madame Tschechowa!»

После ужина Марсель с парочкой своих друзей решили продолжить вечеринку в ближайшем баре.

– Ольга, ты с нами?

– Что за странный вопрос! Ну, конечно!

Но дальше начинаются странности. В баре, где Марселя встречают как завсегдатая, местные девицы бросаются к нему с жаркими объятиями и откровенными поцелуями. Он – вовсе не против. Веселье продолжается, и уже никто в веселой компании не обращает внимания на «madame Tschechowa»…

По возвращении домой Ольга требует объяснений от мужа. Марсель отмахивается: «Я ожидал от своей жены, что она будет всегда рядом. Мне нужна жена… Пойми, мне нужна физическая близость, постоянно, каждый день и каждую ночь… Если моя собственная жена избегает меня, я иду к другим женщинам… Я вынужден это делать, пойми…»

– Когда это я тебя избегала? – обескураженно спрашивает Ольга и совсем уж не по-киношному плачет.

– Да не вижу тебя неделями и месяцами, Олли!

– Но мы с тобой уже говорили на эту тему, и ты изначально знал, что я никогда не брошу свою работу.

– Я надеялся, Ольга, что со временем ты полюбишь меня больше, чем свою работу. Кроме того, я был уверен, что в конце концов ты покинешь свою ужасную страну и навсегда переберешься ко мне…

– Я не оставлю своей профессии, – упрямо повторяет Ольга.

– Ну, если это делает тебя счастливой, ради бога, – пожимает плечами Марсель. – Дело твое…

Он смотрит на нее и думает: только глупцы утверждают, что нет ничего прекраснее любви. Вот она, моя любовь, готова покинуть меня, а я нисколько об этом не жалею. Плевать мне на эту фифу. Подумаешь… Самое сладкое и сильное чувство – ненависть, а не любовь, господа!..

Потом они еще несколько раз встречались – и в Берлине, и в Брюсселе. После каждой разлуки ей кажется, что эти расставания смогут помочь остановить теряемое взаимопонимание. Но Марселю нужна каждодневная физическая близость…

При очередной поездке Ольги в Бельгию на германской границе ее задерживают чиновники тайной полиции.

– Мадам, отныне для выезда за границу требуется специальное разрешение, – говорит один из них. – …Да, нам известно, что вы замужем за бельгийцем, что вы после заключения брака получили бельгийское гражданство. Что вам позволено сохранить немецкий паспорт, однако мы вынуждены…

– Вообще-то с подобным интернационализмом мы сталкиваемся впервые, фрау Чехова, – мерзко ухмыляется второй агент с неприметным лицом. – Муж – бельгиец, постоянно проживает в Брюсселе. Жена – бельгийка с немецким паспортом, уроженка царской России, живет в Берлине. Ваши мать и племянница – переселенцы из большевистской России… Роскошный букет! Просто Коминтерн какой-то…

– Мы вынуждены задать вам несколько вопросов, – перехватывает инициативу первый. – Милостивая госпожа, необходимо кое-что уточнить. Ничего особенного… Скажите,

пожалуйста, каково отношение вашего мужа к новой Германии, его самого и его друзей? Нейтральное, тенденциозное или критическое?.. Не пытался ли он оказывать на вас политического давления?.. Отвечайте искренне. Мы хотим удостовериться… Собственно, мы были уверены… Но, поймите, по долгу службы обязаны проверить… Хайль Гитлер!

Последняя встреча с Марселем состоялась в загородном домике Ольги в Кладове. Робинс был грустен, печален. Говорит только об одном: предстоящей войне, о необходимости уезжать из Германии как можно скорее. Ольга вспоминает свое бегство из Москвы. Нет, конечно, за минувшие годы она не утратила ни смелости, ни решимости. Но нынешние жизненные обстоятельства иные. Ольга уже не прежняя вольная птичка, она связана определенными обязательствами…

– Олли, взгляни на часы. Сейчас без пяти двенадцать. Хочешь, прямо сейчас, ровно в полночь, мы сядем в машину и отправимся к нам домой, в Брюссель.

– Вдвоем?

– Только вдвоем.

И без его ответа было ясно, что Марсель мыслит побег из Германии только с ней одной. Но как же ее семья? Как она может оставить маму-сердечницу, дочку с ее проблемами, сестру, племянницу?.. Что будет с ними?.. Ты о них подумал? Без меня все рухнет… А моя работа, контракты, неустойки?..

– Забудь об этом. Тебе больше не потребуется твоя профессия, – продолжает настаивать Робинс. – Завтра ты уже будешь просто моей женой, а не разъездной актрисой на ангажементе… Мы всегда будем вместе. Ты станешь повсюду сопровождать меня, мы будем путешествовать, объездим весь мир. Олли…

– Нет, – Ольга отрицательно качает головой.

– Итак, ты остаешься?

– Да.

– Ну что ж, я понимаю тебя, но и себя переломить не могу, Олли.

– Как и я…

Назавтра они подают на развод, мотивируя свое решение тем, что в силу своей профессиональной деятельности Ольга не может поддерживать упорядоченные супружеские отношения. Причины судом отклоняются.

Молодой смышленый адвокат подсказывает им другой, абсолютно «проходной», по его мнению, вариант причины для развода. Фрау Чехова должна заявить о своем несогласии с политическими взглядами своего супруга, в частности, с его

критическим отношением к положению в Германии…

Когда решение о разводе было принято, Ольга перекрестилась: слава Богу, еще одна страница перевернута. Официально их брак с Марселем длился два года. Однако «чистое время» совместной супружеской жизни в общей сложности едва ли превысило три-четыре месяца.

США, Коннектикут, Лос-Анджелес – 40-е годы XX века

Соломон (один). О, как темна жизнь! Никакая ночь не ужасала меня так своим мраком, как мое непостигаемое бытие. Боже мой, отцу Давиду ты дал лишь дар слагать в одно слова и звуки, петь и хвалить тебя на струнах, сладко плакать, исторгать слезы из чужих глаз и улыбаться красоте, но мне же зачем дал еще томящийся дух и не спящую, голодную мысль? Как насекомое, что родилось из праха, прячусь я во тьме и с отчаянием, со страхом, весь дрожа и холодея, вижу и слышу во всем непостижимую тайну. К чему это утро? К чему из-за храма выходит солнце и золотит пальму? К чему красота жен? И куда торопится эта птица, какой смысл в ее полете, если она сама, ее птенцы, и то место, куда она спешит, подобно мне должны стать прахом? О, лучше бы я не родился или был камнем, которому бог не дал ни глаз, ни мыслей. Чтобы утомить к ночи тело, вчера весь день, как простой работник, таскал я к храму мрамор; но вот и ночь пришла, а я не сплю…

А.П. Чехов. Записи на отдельных листах

Как ни противился Михаил Александрович утомительному путешествию через Атлантический океан, но все-таки пришлось держать путь из доброго старого Ливерпуля в далекий нью-йоркский порт. Все семь дней морского плавания глубоко несчастный Чехов провел на верхней палубе лайнера, стоя внутри очерченного им круга с маленькой собачкой на руках и непрерывно бормоча: «Лишний и опасный. Не подходите. Лишний

и опасный. Не подходите…» Его спутники-актеры своего учителя жалели, люди посторонние с испугом шарахались в сторону и спешили поскорее пройти мимо «колдовского круга» и заключенного в нем человека. Капитан судна и члены команды пожимали плечами, глядя с мостика на своего странного пассажира: ну что поделаешь? Мы и не таких видали… Он же никому не мешает, никого не трогает, не задевает…

Только вряд ли именно таких они видали.

Для Чехова магический круг был формой совершенствования его ритмической фантазии. Он предлагал своим ученикам: «Представим себе круг и представим себе, что, кроме круга, существует неисчислимое количество фигур геометрических, бесконечное многообразие геометрических форм (сочетание треугольников и пр.). Постараемся проникнуть в круг… Попробуем увидеть его, осязать его, охватить его своим существом, слиться с формой круга… Если мы будем вливаться в круг, как бы творя его, мы с удивлением найдем в нем своеобразное качество теплоты. Среди качеств круга можно найти и что-то красное. Увидим также качество совершенства. Жизнь, ритм круга есть единственное в мире явление. Вживаясь в круг, для нас открывается целый мир чувств. Чувство есть ритм, ритм есть чувство…»

Михаил Александрович был человеком страстным, азартным, влюбчивым. Не только в прелестных женщин, но и в дело, которое начинал. Для его будущей студии в Америке ненаглядная сумасбродка Беатрис Стрейт, неотлучно следовавшая за Чеховым от самой Англии, не торгуясь, приобрела имение в небольшом городке Риджфильд (штат Коннектикут) в полусотне миль от Нью-Йорка.

На участке в 16 акров для Чеховых был построен удобный дом, потом нечто вроде кампуса для актеров и студентов. Рядом располагались мастерские по изготовлению декораций и костюмов, а также репетиционный зал.

Риджфильд превратился в постоянную базу театра. Здесь Чехов готовил спектакли, которые затем прокатывал по городам Америки. Дебютировала его школа-студия в Нью-Йорке, конечно же, на Бродвее. Это была инсценировка «Бесов» по роману Федора Достоевского. Сценическое оформление осуществил давний друг Михаила Александровича талантливый художник Мстислав Добужинский. Постановка имела большой успех, хорошую прессу. Затем за два года работы чеховскими актерами были подготовлены новые версии «Двенадцатой ночи», «Сверчка на печи», детская сказка-фантазия «Склочник-лицемер». Совместно с «Новой оперной компанией» в Нью-Йорке мастер осуществил

свою давнюю задумку, поставив оперу Модеста Мусоргского «Сорочинская ярмарка».

Труппа Чехова выступала в колледжах, университетах, культурных центрах. Актеры жили «на колесах», но добрый Мастер постоянно напоминал им русскую пословицу о волке и ногах, которые его кормят, а также о традициях бродячих театров.

В общей сложности, свои спектакли они показали в пятнадцати штатах. Влиятельный театральный критик Норрис Хаутон писал: «Везде труппу принимали с энтузиазмом, потому что в этих новых спектаклях чувствовалась энергия и красота, богатый юмор и оригинальная условность…»

Вторая мировая война опрокинула все дальнейшие планы Михаила Чехова. В сентябре 1942 года в американскую армию призвали 16 из 23 его учеников. Один из студийцев – Херд Хэтфилд говорил: «Война разрушила мечту об ансамбле, семье. Лично я никогда больше не чувствовал себя дома. Я потерял свой дом».

Своему доброму приятелю, актеру и режиссеру Альфреду Бергстрему, которого Михаил называл «Фреддинька», он с сожалением сообщал: «Никакого театра и никакой школы у меня здесь нет и быть не может. Театр здесь – чисто коммерческое предприятие, и никакого искусства в Америке не существует. Был у меня театр, но он быстро скончался, так как мальчиков моих призвали в армию… Теперь же я даю только частные уроки и иногда читаю лекции по приглашению – вот и все…»

Прославленный российский композитор Сергей Рахманинов, уже более двух десятилетий проживавший в Штатах и пользовавшийся в Голливуде непререкаемым авторитетом, попытался сосватать Чехова с ведущей американской кинокомпанией «Метро Голдвин Мейер». Его дебютом стала роль старого крестьянина в картине «Песнь о России».

Но к кинематографу Михаил Александрович относился не слишком серьезно, рассматривая съемки как источник существования. Иронизировал: «Малейшая попытка сыграть что-нибудь, как мы понимали игру в Художественном театре, кажется им «э бит ту лабориус» (слишком усложненно). Я становлюсь (сознательно) банальным фильмовиком. Это устраивает их вполне и меня тоже. Платят хорошо, и больше от них требовать нельзя…»

Параллель-2: Берлин – Баденвейлер, 1904 и 1937 годы

Телефонный звонок застал Ольгу Константиновну уже в дверях. Она безнадежно опаздывала к своему парикмахеру.

– Bonjour, – раздалось приветствие из трубки.

– Bonjour, – суховато отозвалась Ольга, стараясь придать голосу предельную деловитость.

– Доброе утро, Олюшка…

Боже мой, только один человек на свете мог назвать ее этим ласковым детским именем. Тетушка! Тетя Оля!

– Тетя Оля, вы?!. – закричала Чехова. – Не верю своим ушам…

– Только Константин Сергеевич мог говорить: «Не верю!», помнишь? А ты еще мала, не доросла, – отозвалась тетушка. – Ладно, Оля, времени у меня на разговоры мало. Мы с театром сейчас на гастролях в Париже…

– Да-да, я читала в газетах!

– Не перебивай, Оля. В общем, мне разрешили по пути домой заехать на несколько дней в Берлин, чтобы повидать тебя. Примешь?..

– Тетя Оля, что вы такое говорите?!. Шутите?.. Жду!!!

– Тогда до встречи. Гастроли у нас заканчиваются через неделю. То есть в следующий четверг я уже буду в Берлине. Сможешь встретить? Ну и прекрасно… С визами у меня все в порядке, не волнуйся. Посольство поставлено в известность. Номера поезда и вагона я тебе телеграфирую. Не вздумай оповещать прессу, поняла? Все, целую.

Вот это сюрприз, подумала Ольга Чехова, продолжая держать в руке телефонную трубку. Сколько же мы не виделись? Лет пятнадцать?.. Да нет, уже шестнадцать… Так-так-так, в Ольге проснулась обычная деловая женщина, значит, у меня ровно неделя в запасе. Немало, но и не так уж много. Следует все тщательно спланировать, организовать… Начнем с того, что опаздывать к парикмахеру сегодня нельзя. После уже будет не до того…

Уже выходя из квартиры, она критически взглянула на состояние передней, вздохнула: все, с завтрашнего дня объявляется генеральная уборка всей моей обители!

* * *

Встреча с племянницей стала для Ольги Леонардовны непростым испытанием. Отдыхая после первого, поистине сумасшедшего дня в Берлине, актриса все никак не могла разобраться в своих чувствах и впечатлениях. С одной стороны, она по достоинству оценила жизненные успехи Оли-младшей. С другой… Разве можно было закатывать все эти торжества, этот умопомрачительный прием, который вчера устроила Ольга в ее честь?.. Ослепляли не столько размах, помпезность и роскошь, не праздничное убранство залов и сияние старинных люстр, сколько странная, чужая, неприятная публика, которая вилась вокруг ее племянницы…

Безвкусно разнаряженные, кичащиеся своими бриллиантами дамы, серая масса германских генералов, мрачных, как тевтонские рыцари, дипломаты и посланники в строгих фраках, какие-то неведомые актеры, писатели, ученые, художники, напыщенные банкиры, чванливые чиновники, все эти малоприятные люди бесконечной чередой, друг за другом, подходили к хозяйке вечера и ее гостье, вежливо знакомились с Ольгой Леонардовной, выражали свое восхищение ее талантом, который унаследовала ее племянница, фрау Ольга…

Какой-то крупный, перекормленный, лощеный сановник подошел к ним в сопровождении целой свиты. Вручил цветы, пожал аристократично протянутую для поцелуя руку фрау Книппер, кисло улыбнулся и что-то сказал. Растерянная актриса даже не разобрала, что именно, да это было и неважно. Тем более что, когда он отошел, Ада шепнула тетушке:

– Тетя Оля, это сам Геринг.

О, Господи! Этого еще не хватало… Слава богу, никто из наших этого не видел.

В этот момент сияющая Ольга Чехова впорхнула в зал. Обняв тетю, она, пользуясь вниманием притихшей публики, торжественно объявила:

– Господа, только что звонил рейхсканцлер Адольф Гитлер. Он передает искренние приветствия Ольге Книппер-Чеховой и свои искренние сожаления, что в силу ряда обстоятельств не может присутствовать на приеме.

– Хайль Гитлер! – тут же воскликнул какой-то подвыпивший генерал и вздернул руку над головой.

Тут же партийное приветствие в честь фюрера подхватил довольно слаженный хор голосов.

* * *

…Да неужели она все-таки добралась в этот богом забытый Баденвейлер?!.

Хотя отчего же «богом забытый»? Как раз наоборот: очаровательный, просто кукольный, сияющий чистотой курортный городок, приютившийся в живописной долине, окаймленной лесистыми шварцвальдскими горами. Расположенное на полпути между немецким Фрайбургом и швейцарским Базелем, это местечко еще более ста лет назад облюбовала русская аристократия и купечество, выезжая «на воды».

Ольга давным-давно собиралась выбраться в Баденвейлер, чуть ли не с первых дней пребывания в Германии. А когда тетушка, будучи в Берлине, среди прочих задала ей вопрос, посетила ли она город, где провел свои последние дни и скончался Антон Павлович, ей стало стыдно. Вечной занятостью, бесконечными съемками и театральными репетициями, гастролями и концертами своей беспамятности и неуважения к ушедшим родственникам не оправдать.

В Баденвейлер Антон Павлович Чехов ехал с последней надеждой, прекрасно понимая, что никакой надежды у него уже нет.

Еще в России ей доводилось читать письма Чехова, написанные им буквально за две-три недели до своей смерти. Приличия ради говоря о восхитительном здешнем климате, божественном воздухе и целебных водах, Антон Павлович все же не мог отказать себе в удовольствии слегка поехидничать: «Здоровье входит не золотниками, а пудами. Баденвейлер – хорошее местечко, теплое, удобное для жизни, дешевое, но, вероятно, уже дня через три я начну помышлять о том, куда бы удрать от скуки…», «…Что за отчаянная скучища этот немецкий курорт!..», «Ни одной прилично одетой немки, безвкусица, наводящая уныние…», «…Баденвейлер стал надоедать, уж очень много здесь немецкой тишины и порядка… Обед весь великолепен, но у метрдотелей такие важные морды, что становится не по себе…»

Глядя на фланирующую по улицам публику, Ольга Чехова вспомнила дядюшкины слова и улыбнулась: за три с лишним десятка лет тут ничего не изменилось. Все те же морды и ни одной прилично одетой немки.

Ольга Леонардовна подробно рассказывала ей о той страшной июльской душной ночи, когда не стало Антона Павловича.

Еще вечером он потешал ее, в ролях показывая еще недописанный рассказ. Потом уснул. Ночью проснулся и

попросил позвать доктора Швёрера. Такого никогда еще не было. Несмотря на волнение, Ольга Леонардовна вспомнила, что тут где-то рядом, на этаже, живут русские студенты, кинулась к ним, объяснила ситуацию, попросила о помощи.

Когда они вернулись уже вместе с врачом, Чехов вдруг спросил шампанского. Потом сел на кровати и как-то глухо сказал доктору:

– Ich sterbe.

Обернулся к жене и притихшим рядом с ней студентам и повторил для них уже по-русски:

– Я умираю.

Взял бокал, улыбнулся: «Давно я не пил шампанского». Медленно выпил до самого донышка, лег на левый бок и затих…

Когда все кончилось, Ольга Леонардовна вышла на балкон гостиничного номера. Нужно было побыть одной. Там, за ее спиной, на кровати остался лежать Чехов. Только что ушел доктор, констатировавший смерть.

Внезапно в комнате раздался громкий хлопок. Ольга Леонардовна вздрогнула, обернулась: из недопитой бутылки шампанского, стоявшей на столе, вылетела пробка. Тут же в комнату залетела огромная ночная бабочка, стала мучительно биться о лампу, а потом заметалась под потолком. Начинало светать. Вскоре запели утренние птицы.

* * *

Ольга Константиновна отыскала ту самую гостиницу, в которой в начале века останавливались Антон Павлович и Ольга Леонардовна. Попросила молодого хозяина показать номер Чеховых.

Так, ничего особенного. Но выглянула в окно, и перед ней открылся волшебный пейзаж, невольно вызвавший в памяти сказки Гофмана, и она подумала, что все описанное в них, пожалуй, происходило именно в этих поросших непролазным лесом горах, в самых темных уголках, куда не ведет ни одна тропинка…

Затем прошлась по улице, постояла на том самом месте, где соотечественники и почитатели таланта Чехова в 1908 году поставили памятник великому писателю. Старожилы с извинениями уже рассказали Ольге, что через шесть лет, когда началась Первая мировая война, бронза понадобилась военным, и…

«Бергхоф», резиденция Гитлера в Баварских Альпах, 1938 год

Вскоре после прихода к власти Адольф Гитлер решил наконец-то перестроить свой скромный альпийский домик в роскошную виллу «Бергхоф», которая служила бы и для приема высокопоставленных гостей фюрера, и для полноценного отдыха фюрера после напряженной рабочей недели. При этом он во всеуслышание заявил, что оплатит строительство из собственных средств, гонораров от многочисленных изданий «Майн кампф», отчислений от продаж почтовых марок с его изображением и пр. Хотя, конечно, все понимали, что это – не более чем красивый жест. Особенно с учетом того, что «личный кошелек» Гитлера – Мартин Борман только на сооружение хозяйственных построек вокруг виллы тратил куда большие суммы, нежели скромные пожертвования фюрера.

По завершении грандиозной стройки «вождь нации» проводил выходные дни именно в Оберзальцберге, где его сопровождала многочисленная челядь. Очень скоро там утвердился строгий распорядок дня, который никому не дозволялось нарушать.

После обильного обеда все общество под охраной вооруженных эсэсовцев направлялось в «чайный домик». Процессию «пилигримов» с тыла сопровождали две овчарки Гитлера, не обращавшие никакого внимания на его громкие команды. О милых собачках шутники говорили, что они – единственные оппозиционеры при дворе. В уютном «домике» гостям подавали чай, кофе или шоколад (по желанию), разнообразные торты, печенье, пирожные, затем – какую-нибудь выпивку. После двухчасовой «чайной» церемонии Гитлер первым поднимался из-за стола и уходил в большой дом, к себе, на второй этаж. Следом по своим делам разбредались остальные. Борман, не изменяя привычкам, безмолвно исчезал (под ядовитые комментарии Евы Браун) в комнате одной из секретарш помоложе.

Еще через пару часов все снова сходились к ужину, повторяя отработанный до мелочей ритуал. Из «трапезной» Гитлер переходил в гостиную, и за ним, как за поводырем, следовали так называемые домочадцы.

Здесь все занимали свои традиционные места. Мягкая мебель с красной обивкой была скомпонована в две группы. Одна – в задней части помещения, перед камином, другая – ближе к окну,

вокруг круглого стола. Позади кресел находилась будка киномеханика, задрапированная гобеленом.

Начинался второй акт вечера, посвященный просмотру кинофильмов. Здесь, вспоминал личный архитектор Гитлера Альберт Шпеер, фюрер чувствовал себя по-домашнему, расслаблялся, расстегивал мундир и вытягивал ноги, охваченные высокими сапогами. После киносеанса, обычно начинавшегося кинохроникой и завершавшегося просмотром 2–3 развлекательных картин уже за полночь, Гитлер иногда просто молчал, о чем-то размышляя, глядя на тлеющие угли в камине. И тогда все замолкали, не смея нарушить его покой. А порой фюрер затевал разговор о только что просмотренных фильмах. Причем на суждения об исполнительницах главных ролей имел право исключительно он, а уж игру актеров оценивала Ева Браун.

В один из таких вечеров Гитлер произнес фразу, которую присутствующие накрепко запомнили: «Нам повезло, что в Германии есть такие дамы, как Лил Даговер[24], Ольга Чехова и Тиана Лемниц[25]». И все сделали соответствующие выводы. Позже фюрер уточнил: «…Строго следовать протоколу – для многих сущее наказание. Если хотя бы хватило ума сделать так, чтобы лицо, прибывшее с официальным визитом, за столом сидело рядом с поистине очаровательной дамой, владеющей… языком».

С тех пор никто не выказывал недоумения, видя в качестве постоянной спутницы фюрера на приемах, банкетах, театральных премьерах и прочих мероприятиях государственную актрису рейха Ольгу Чехову. Даже специальный посланник дуче, шеф итальянского МИДа граф Чиано не возражал против того, чтобы официальный прием в его честь задержали до тех пор, пока фрау Чехова не появилась в зале…

Конечно, почетное звание ласкало самолюбие, придавало весомый официальный статус. Но и – что немаловажно – давало право его обладателю рассчитывать на то, чтобы оказаться в сверхсекретном «списке Рейнхардта» (государственного секретаря имперского министерства финансов), предусматривающем счастливчикам, заклейменным свастикой, все прелести безоблачного бытия.

В частности, по особому распоряжению фюрера наиболее лояльным деятелям культуры предоставлялась гибкая система налогообложения, льготы и прочие блага. Решение Гитлера поддерживать публичных персон имело особый, стратегический характер. Он стремился к самым тесным контактам с влиятельными, диктующими тон в общественном мнении представителями интеллектуальной элиты. Правда, подарки

фаворитам рейхсканцлер раздавал отнюдь не бескорыстно.

Все это давало повод злокозненным европейским историкам, внимательно следящим за нюансами внутренней политики в Германии, нахально сравнивать Гитлера с Людовиком XIV, королем-солнце. Но это сравнение только льстило фюреру. Он знал о том, что этот монарх господствовал более 70 лет и именно при нем Франция достигла наибольшего могущества.

Только Геббельс, как и прежде, все норовил подыскать любой подходящий повод, чтобы поддеть Чехову. Заметив, что фрау Ольга разъезжает по Берлину на подержанном «Паккарде», через третьих лиц он передал ей свое мнение: «Не пристало государственной актрисе рейха пользоваться авто иностранного производства. Настало время, когда в Германии все должно быть немецким».

Через тех же «посредников» Чехова попросила сообщить герру рейсхминистру, что у государственной актрисы, увы, нет средств на приобретение «Мерседеса», но она с радостью пересядет на любую иную немецкую машину представительского класса, если правительство Германии соблаговолит подарить таковую своей государственной актрисе.

– Не играй с огнем, – советовали Ольге друзья.

Но она обожала опасные игры.

* * *

Не слишком часто, как хотелось бы, но Ольга время от времени также удостаивалась чести оказаться в числе приглашенных на «личную гору» фюрера.

– Знаешь, Олли, какой в твоей жизни был самый мудрый поступок? То, что ты удрала из этой нищей России и перебралась в Германию, это, конечно, гениально, ты – молодец. Но! – Ева многозначительно подняла указательный пальчик. – Главной твоей победой стало то, что тебя в свое время не соблазнил Голливуд, не прельстили американские доллары, как эту продажную предательницу нации Марлен Дитрих[26], и ты вернулась на родину.

– Ты думаешь, Ева? – искоса взглянула на подругу Чехова.

– Я? Нет! – взмахнула кудряшками Ева Браун. – То есть, конечно, да. Но так считают многие большие люди в рейхе. И, прежде всего, Адольф Гитлер. Ты продемонстрировала истинный патриотизм, раз и навсегда избрала Дойчланд и этим подкупила всех. Тебе даже простили русское происхождение…

Ольга нахмурилась: «Сколько раз тебе повторять, я –

чистокровная немка, арийка! Точно такая же, как и ты. Пойми, милочка, немцы могут рождаться где угодно, хоть в Африке, хоть в Полинезии, хоть в Сибири, но всегда и везде они остаются немцами. Запомни это раз и навсегда».

– Ладно тебе, не злись. Давай лучше выпьем кофе с ликером. У меня есть итальянский. Ну и покурим заодно.

– С удовольствием.

Кофе с ликером означало смену темы затянувшейся беседы. Хотя разговаривать с Браун на политические темы было совершенно бесполезно. Она рассуждала как ребенок и пользовалась идеологическими шаблонами похлеще любого пропагандиста, ибо слушала их каждодневно, и не по радио, а непосредственно из уст тех, кто их придумывал. А вот посудачить, посплетничать, поболтать о невинных женских секретах…

– Я познакомилась со своим первым мужем Мишей, когда мне было всего семнадцать. Совсем девчонкой приехала покорять Москву, ее сцену, а покорила лишь двух кузенов…

– Представь, мне тоже было семнадцать, когда я познакомилась с фюрером, – как всегда, недослушав, перебила Ольгу Ева. – Ну, тогда, конечно, он еще не был фюрером. Осень 29-го года… – она мечтательно закатила глаза. – Он случайно зашел в фотоателье своего старого боевого товарища Генриха Гоффмана, где я тогда работала и продавщицей, и рассыльной, и ассистенткой фотографа, и вообще мастерицей на все руки.

Фюреру было тогда уже около сорока. Но он вовсе не казался мне пожилым мужчиной. Подтянутый, энергичный, быстрый в движениях, элегантный. Он тоже не мог не обратить на меня внимания. А что? Совсем юная блондиночка (ну, не совсем натуральная, я пользовалась перекисью), с хорошей фигуркой, улыбчивая. Разумеется, я ему понравилась, и он пригласил меня в кино.

– И что же вы тогда смотрели? – с профессиональным интересом спросила Ольга и пригубила кофе с «Амаретто».

– Ой, ты думаешь, я помню! – рассмеялась Ева. – Мы же весь сеанс целовались и тискались! Потом он часто стал приглашать меня в рестораны, кафе, еще в кино. А вот вечера и ночи ему приходилось посвящать Гели. Ну, Гели Раубаль[27], ты, конечно, о ней слышала… Такая миленькая светловолосая девочка, я ее сама видела лишь однажды, и то издалека. Она была ему двоюродной племянницей. Знаешь, – опять хихикнула рассказчица, – а вообще-то он обожал полногрудых блондинок. Я, когда это заметила, стала подкладывать в свои бюстгальтеры носовые платки, чтобы ему понравиться. А потом уже стала

систематически заниматься гимнастикой. Результат, – Ева приподняла свои груди, – сама видишь…

Но ее настроение уже изменилось. С Евой такое и раньше случалось. Беспечная и веселая, она вдруг погрустнела, примолкла, а улыбка исчезла. Ева встала, медленно прошлась по комнате, потом удалилась в ванную, откуда послышался шум воды. Вернувшись с посвежевшим лицом, продолжила свою историю:

– В общем, в сентябре 1931 года она умерла. Ее нашли дома. Вернее, она не умерла, а застрелилась. Чьи-то злые языки сразу стали распускать слухи, что Гели покончила с собой из ревности, из-за того, что Гитлер встречался со мной. Но все это чепуха. Хотя тут, конечно, темная история… Узнав о ее смерти, фюрер ужасно переживал, был совершенно не в себе. Его шоферу даже пришлось силой отобрать у него пистолет…

Так или иначе, но со следующего года мы с Адольфом уже стали постоянно жить вместе. В мюнхенском квартале Богенхаузен он купил дом для меня и моей младшей сестренки Гретель, запретил работать в фотоателье. А потом я стала его личным секретарем. Но, знаешь, Гелю он все-таки не забыл, в своей квартире ее комнату сделал мемориальной, куда до сих пор никто не имеет права заходить. Торака заставил изваять ее бюст.

Сегодня он здесь, в «Бергхофе», стоит в большой комнате. Рядом постоянно свежие цветы…

Чеховой не составляло труда изобразить свое сочувствие Еве и сделать вид, что ее девичьи тайны и душевные страдания для нее немыслимое откровение. Ольга и без того знала очень многое о жизни своей подруги. Например, от добродушной болтушки Эмми ей давно было известно, что не только Гели, но и сама Ева Браун была склонна к суициду: дважды пыталась покончить с собой – стрелялась, травилась таблетками…

Тем временем вновь повеселевшей Еве пришла в голову новая идея:

– Олли, теперь я хочу тебя фотографировать. Ты такая красивая! Сейчас я сделаю хорошее освещение…

Цветная фотография и киносъемки в последнее время стали самым большим увлечением «личного секретаря Гитлера», и Чеховой это было только на руку. Она теперь в лицо знала весь высший генералитет и окружение фюрера. Но сегодня, листая Евин альбом, Ольга наткнулась на групповой снимок высших офицеров СС, среди которых обнаружила совершенно незнакомую физиономию высокого мужчины.

– А кто это, Ева?

– Это – фон Альвенслебен, первый адъютант рейсхфюрера, ты

его знаешь, это Рейнхард Гейдрих…

– Да нет, вот этот, – Ольга указала отполированным ноготком на подтянутого офицера с седоватыми висками.

– Что, приглянулся? – Ева мельком взглянула на снимок. – Да, подруга, у тебя губа не дура. Красивых мужиков с ходу выщелкиваешь. Это – правая рука Гиммлера, начальник его личного штаба, обергруппенфюрер СС Карл Вольф.

– Как?! – Ольге показалось, что она ослышалась.

– Карл Вольф, а что? – заинтересовалась Ева.

– Да нет, так, ничего…

Ольга Чехова помнила другого Карла Вольфа. Совсем другого. Далекого от политики, от мира военных, молодого, красивого, спортивного, подающего большие надежды кинорежиссера. Они случайно познакомились на съемочной площадке. Карл был ярким, интересным человеком, и Ольга им увлеклась. Их роман ни для кого не был секретом.

Но вскоре у Карла начались неприятности. Чиновники из министерства пропаганды стали предъявлять надуманные претензии к сценарным заявкам молодого режиссера, тянули с выдачей разрешений на съемки, словом, ни дня без придирки. Пересилив себя, Ольга обратилась к всемогущему руководителю ведомства Геббельсу.

Герр рейхсминистр решил принять госпожу артистку в своей резиденции. Когда Чехова вошла в его рабочий кабинет, Геббельс сидел за письменным столом, читал какие-то бумаги. Но, увидев гостью, тут же отодвинул все в сторону, разумеется, встал и галантно поцеловал даме руку. «Хорошо, что я не сняла перчатки», – подумала Ольга.

Узнав о цели визита, министр развел руками: мои чиновники не ошибаются, они – профессионалы. Но, тем не менее, обещал разобраться. Однако никаких вразумительных пояснений так и не последовало. У Карла по-прежнему не было ни работы, ни перспектив. А однажды он, всегда встречавший Ольгу после вечерних спектаклей, к «Ренессанс-театру» просто не пришел. Дома его тоже не было. А утром ей позвонили из полицейского участка и сообщили, что труп Карла Вольфа (вам ведь знаком этот господин, фрау Чехова?) обнаружен во дворе одного из жилых домов неподалеку от театра… Идет следствие, объявлен розыск убийцы (или убийц?).

Прошел месяц-другой, минул третий – и дело благополучно закрыли. А еще через какое-то время знающие доброхоты шепнули Ольге, что незадолго до смерти Карла компетентные службы по поручению канцелярии рейхсминистра провели скрупулезную проверку родословной Вольфа и обнаружили, что

его бабушка по отцу была наполовину еврейкой.

– …Олли, о чем ты думаешь? Я тебя уже второй раз спрашиваю, чем ты сейчас занята в кино? – спросила Ева.

– Обхохочешься, – мгновенно отряхнулась от мрачных воспоминаний Чехова, – знаешь, как будет называться мой новый фильм? «Девушка с хорошей репутацией»! Как тебе?..

Ева хихикнула и снова без всякого перехода задала свой очередной, довольно неожиданный и каверзный вопрос:

– Слушай, а ты никогда не задумывалась над тем, чтобы возвратить себе свою законную, девичью фамилию?

– А чем тебе моя нынешняя фамилия не нравится? – спокойно, даже чересчур спокойно вопросом на вопрос ответила Ольга.

– Почему не нравится?.. Но немецкая – фон Книппер – мне кажется гораздо благозвучнее. И потом, если я не ошибаюсь, у твоего первого мужа, чью фамилию ты до сих пор носишь, мамаша была еврейкой. А ведь у них, как мне известно, национальность определяется именно по матери…

– Я ношу фамилию Антона Чехова, знаменитого русского писателя, моего дяди по первому мужу. Горжусь ею, стремлюсь не замарать… Кстати, о герое одного из его рассказов сказано: непонятно, то ли он пальто украл, то ли у него украли…

– Ты это к чему, Олли?

– Это я к вопросу о репутации, Ева. А со своей идеей о смене фамилия ты не оригинальна, не первой мне ее подаешь. Вы сговорились, что ли? Я уже отвечала: нет, менять не собираюсь. Я так решила.

Франция, осень 1940 – декабрь 1941 года

В сентябре 1940 года, в разгар воздушной битвы за Британию, Ольгу в составе особой концертной бригады откомандировали в Нормандию «для поднятия и укрепления духа солдат вермахта в нелегкие времена». После выступления артистов перед летчиками «Люфтваффе» она побывала в Брюсселе, пела для раненых солдат в военном госпитале в Тюбингене свои легкомысленные песенки:

Чтобы понравиться мужчине,
Женщина ни перед чем не остановится.
Маленькая ножка, тоненькая талия —
Ее высокое земное счастье…

В Лилле после спектакля «Любимая» господ артистов комендант города пригласил на «круговую чарку».

Нудный прием затягивался. Бравые воины провозглашали пошловатые тосты, все дружно выпивали, не забывая закусывать. Ольга откровенно скучала до тех пор, пока в зале не появился припозднившийся офицер, летчик «Люфтваффе». Рослый, самоуверенный, но без надменности. Проходя мимо столика, за которым сидела Чехова, капитан приостановился, склонил в полупоклоне голову и с немного нахальной улыбкой сказал: «Я знал, что встречу вас». Ей бы ответить. Но она молчала, не в силах оторвать взгляда от глаз этого летчика, который представился: Вальтер Йеп.

Позже он часто вспоминал их первый вечер: «Я никуда не хотел идти, вообще редко бываю в этом заведении. Но вдруг почувствовал, что именно сегодня я должен пойти…» И – получил в подарок целую ночь.

…Перед самым отъездом из Парижа представители германского командования доставили государственной актрисе рождественский подарок. На дне огромного пакета с плитками шоколада, всяческими изысканными кондитерскими изделиями, святочными коробками конфет, орешками, бутылками французского шампанского и коньяка находился портрет фюрера в серебряной рамке с дарственной надписью: «Госпоже Ольге Чеховой в знак искреннего восхищения и уважения. Адольф Гитлер».

Дождавшись, пока гости покинут гостиничный номер,

предприимчивая женщина пригласила управляющего отелем и молниеносно совершила взаимовыгодный товарообмен: сладости от фюрера на французские духи, мыло, кремы, губную помаду и прочую косметику. Поверх своей контрабандной поклажи Ольга бережно положила фотографию Гитлера. «Это – мой пропуск в рай, – решила она, – моя индульгенция». И, как всегда, не ошиблась.

Таможенники на границы ошалели, увидев портрет фюрера, да еще с автографом, и, естественно, даже не заикнулись об обязательном досмотре багажа госпожи. Напротив – молодцевато выкрикнули «Хайль Гитлер!» и с нескрываемым почтением покинули купе актрисы.

* * *

Командир эскадрильи истребительного полка капитан Йеп был моложе Ольги, но, казалось, он понимал ее лучше всех остальных мужчин. Именно поэтому она не посмела резко оборвать их «почтовый роман». Когда Ольга читала его письма с фронта, вспоминала слова Льва Толстого: «Ты должна ненавидеть войну и людей, которые ее ведут» и мысленно спорила с ними. Но что делать, если она любит этого воюющего человека? Хотя Вальтер ненавидел нацизм, но ведь все-таки он отстаивал интересы своей родины, правда?..

Но она не знала, смогла ли бы оправдать этого капитана, если бы он воевал с ее родиной…

«А смерть, моя душа, душенька, – делился с ней своими грустными мыслями Йеп, – это смерть, физическая смерть, не более того, наши же души – не умирают».

«Вчера у меня был кровопролитный воздушный бой, в котором все-таки не повезло англичанину, и он со своей машиной нашел смерть… я убийца… я все время твержу себе: меня не свалишь… Думал ли мой противник то же самое? Как долго мне будет везти? Эта ужасная война…

Когда вчера после боя, мокрый от пота, я вернулся к себе на квартиру, в темноту (электрический свет не горит, лишь на столе одна свеча), то нашел три письма от тебя… Мне хотелось иметь маленький медальон с твоим портретом. Когда я вскрыл письмо и действительно обнаружил там медальон, я только повторял: «Спасибо, спасибо, спасибо». Ты услышала мои мысли. Я так радуюсь медальону с маленьким фото потому, что теперь всегда могу носить его с собой. Всегда, когда мне захочется, я смогу посмотреть на него, оно будет со мной в тысячах метрах над

Англией, оно разделит мою судьбу, сгорит, пойдет в плен или замерзнет вместе со мной в ледяных волнах.

На улице воет ветер. Я вслушиваюсь в него – я хочу услышать твой голос и твои легкие шаги, и вправду слышу их… Ветер продолжает завывать, бесконечно, беспредельно… Бесконечным должно быть и маленькое «я» во Вселенной…»

«Вчера я снова бродил, при этом проходил мимо французского кинотеатра, в котором шел фильм «Освобожденные руки». Я видел фильм раньше, но мне захотелось снова увидеть тебя. Я счастлив… Мне приятно видеть тебя, но ты не стала ближе. Ты ведь и так всегда со мной… Не было твоего голоса – какая-то француженка тусклым, приглушенным голосом говорила вместо тебя…

Недавно мне приснилось, будто я должен прыгнуть над Англией на парашюте; я приземлился в старом, немного запущенном парке возле небольшого замка и нашел там тебя. Тебя одну. Стены чудовищно толстые, и двери тоже. В огромном камине тлели большие поленья. Мы вместе стояли на коленях перед огнем. Ты сказала мне: «Отныне тебя ожидает тишина и покой, сюда не придет ни один человек, и никто не догадается, кто живет у меня, пока идет война, а она будет идти долго. Никто не проникнет сюда извне… Но и ты ни за что не должен выходить отсюда, иначе пропадешь!»

И я больше не желаю никуда уходить…

Когда я совсем очнулся ото сна, то подумал: не тот ли это страх, который постоянно прячется в подсознании, – страх, что можно пасть над Англией, что, возможно, неизбежен плен на многие годы, что любая связь с тобой прервется, да что, собственно говоря, я уже давно мертв для всех… для тебя…

Все это преломляется во сне в желаемую противоположность… Сновидение – что за странный, вневременной, желанно вневременной мир…»

«Воздушный бой… Я веду соединение… на свободную охоту над восточным побережьем Англии. Как уже сотни раз до этого, мы ввинчиваемся ввысь на несколько тысяч метров… При подлете к побережью я остаюсь только с шестью машинами моей эскадрильи. Вторая эскадрилья оторвалась. И тут почти сразу, далеко под нами я вижу кучу маленьких точек, которые быстро приближаются… Англичане тоже обнаружили нас…»

«…Я только что оторвался от письма к тебе и вошел в нашу столовую, чтобы выпить кофе. Случайно включил радио – или это было не случайно? – и как раз в этот момент диктор произнес твое имя. Думаю, в эту секунду я был более взволнован, нежели ты сама. Потом я услышал твой голос, от этого можно было сойти

с ума, здесь, в этой убогой деревушке во Франции… Знаешь ли ты, как мне хотелось удержать каждое слово? Но все кончилось очень быстро. Аплодисменты вернули меня к действительности.

Я был почти уверен, что в начале выступления голос твой перехватывало от волнения… Возможно, перед этим ты думала: «Йеп, слушай сейчас концерт по заявкам – я хочу, чтобы ты меня услышал!.. Я хочу…» Это уже не случайность!..»

«Mon amour, вчера я не писал тебе – бои… Во время полета я много думал о тебе. Мой двигатель работал с перебоями, а вокруг – вода, вода, ничего, кроме воды, насколько простирается небосклон – на сотни километров. Как легко я мог сгинуть в Северном море – но ведь у меня была твоя фотография в кармане…»

* * *

Затем им сказочно повезло. Вальтеру предоставили краткосрочный отпуск, во время которого его сон о старом английском замке, находящемся далеко от войны, осуществился…

А потом какой-то смешной, нелепый, очкастый и тощий ефрейтор из летной эскадрильи передал Ольге личные вещи Вальтера и лаконичное письмо от командира полка: «Капитан Йеп погиб».

Озеро Крумме Ланке, дача Геббельса, июль 1941 года

Ранним утром раздался телефонный звонок.

– Фрау Ольга? Это Магда Геббельс. Сегодня мы хотели бы пригласить к нам, в Ланке, вас и некоторых ваших коллег на обед. Вы ведь сегодня свободны в театре?

«Стерва, – подумала Ольга, – даже это ей известно». Действительно, дневного спектакля в воскресенье у нее не было, а вечерний начинался только в семь часов.

– Конечно, весьма признательна вам, фрау Геббельс. Буду бесконечно рада общению с вами и господином министром. Это большая честь для меня.

– Правительственная машина за вами прибудет в полдень. До Ланке совсем недалеко, от Берлина всего шестьдесят километров. Сегодня такая чудная погода, солнышко просто сияет…

По дороге в Ланке Чехова боролась с раздражением: «Магда специально для меня уточняла расстояние от Берлина, делая вид, будто не знает, что в охотничьем домике министра я уже не раз бывала. Или проверяла?.. Дура. Ну и ладно».

…В тот вечер, когда Геббельс впервые пригласил ее на «чашечку чая», он оказался неожиданно сентиментален. Вспоминал свои юношеские влюбленности, первый поцелуй. Даже признался Ольге: «Каждая женщина привлекает меня подобно пламени. Я брожу вокруг, как голодный волк, но в то же время как робкий мальчик. Я иногда отказывался себя понимать…»

– Знаете, я тоже иногда не могу объяснить самой себе своих поступков, – ответила Ольга.

– Родственные души, – усмехнулся Геббельс. – Хоть вы и славянка…

– Вы ошибаетесь, господин министр, – тут же возразила Ольга. – Да, мои родители жили в России, но они были истинными немцами. Константин Книппер происходил из эльзасских немцев. Мама – Луиза Доллинг – тоже немка, родом из Прибалтики. Кстати, мое полное имя Ольга фон Книппер-Доллинг. Что касается имени… Оно имеет древние скандинавские корни – Хельга, что означает священная…

– Я знаю о вас все, Олли. Даже больше, чем вы сами знаете о себе.

«Бабельсбергский бычок», – вспомнила Ольга расхожее прозвище Геббельса, которым его наградили за бурные похождения в Бабельсберге, где располагалась крупнейшая

киностудия рейха и куда, словно в резервацию, селили многих молоденьких актрис.

Ей казалось, что в комнатах этого дома все еще витает едва уловимый аромат Лиды Бааровой, чешской актрисы, о романе которой с Йозефом Геббельсом ходили многочисленные слухи, и в желтой прессе время от времени даже проскальзывали язвительные заметочки о «шалунье-приятельнице герра министра». Несмотря на жесткие требования Гитлера, который орал на него, брызгая слюной, министр не в силах был усмирить свою плоть и отказаться от встреч с очаровательной чешкой, оказывая ей всяческое покровительство.

Магда Геббельс не была дурой, как считала Чехова. Она оказалась мудрее фюрера, закрыла глаза на прегрешения мужа и прямо предложила сопернице делить министра на двоих.

– Я – мать его летей, – заявила она Бааровой, – и заинтересована только в том, чтобы в нашем доме всегда царили порядок и благополучие. Меня вовсе не интересует то, что происходит за его стенами. Можете встречаться и дальше. Только вы, Лида, должна обещать мне одно: никогда не рожать от него…

Ну, а сегодня, в погожий летний день, Геббельс решил собрать у себя цвет общества. Кроме актеров, здесь присутствовали также дипломаты, партийные функционеры, видные журналисты. Среди гостей Чехова заметила скучающую Цару Леандер и дружески приветствовала ее взмахом руки, хотя эта пробивная шведка донельзя раздражала ее. Грешно, но втайне Ольга ликовала, когда в актерских кулуарах прошелестели слухи, что фюрер категорически отклонил прошение своего рейхсминистра о присвоении Царе звания государственной актрисы рейха, да еще со своими издевательски-циничными комментариями.

…Застольная речь Геббельса была напыщенной и высокомерной. Министр держался самоуверенно, снисходительно посматривая на собравшихся за большим столом. Он безапелляционно заявил, что нынешнее лето – поворотный этап в истории человечества и еще до Рождества непобедимые солдаты вермахта возьмут ненавистную большевистскую столицу. Такова воля фюрера!

– Впрочем, господа, у нас сегодня присутствует опытнейший эксперт по России – фрау Чехова, – неожиданно заявил Геббельс и в упор посмотрел на Ольгу. – Как вы полагаете, сударыня, закончится ли война до весны будущего года?

– Нет, господин рейхсминистр, – отрицательно покачала головой актриса, не взяв на раздумья даже малой театральной паузы.

– Почему же «нет»? – картинно возмутился Геббельс.

– Вы рискуете, как и Наполеон Бонапарт, который в свое время недооценил опасность российских просторов.

– Но между французами и нами есть разница, – рейхсминистр старался сохранять ироничность тона. – На нашей стороне поддержка русского народа, мы идем к нему как освободители. Большевистскую клику Сталина сметет гигантская волна народной революции. Но, конечно, не социалистической.

– Революция? – теперь уже улыбнулась Ольга. – Их русские уже переживали. Одну в пятом году, потом даже две в семнадцатом. Но ведь революции случается там, где есть реальная оппозиция. Разве сегодня она есть в России? Всех несогласных со Сталиным уже уничтожили, разве не так?.. Это – первое. А второе – в момент опасности все русские имеют обыкновение объединяться.

– Олли, вы неплохой полемист и знаток истории. Но я вам не советую участвовать в публичных дискуссиях. – Геббельс поднял бокал с вином, приглашая к примирению. – Иначе вы рискуете повторить судьбу сталинских оппонентов. Кроме того, вы демонстрируете свое неверие в силу германского оружия, в несокрушимость вермахта. Разве вас не убеждает падение той же Франции, Польши, Чехословакии, большинства других европейских стран? Вы что, верите в победу русских?

– Герр рейхсминистр, я позволяю себе откровенничать только с вами, поскольку полностью доверяю вам. Но я не предсказательница. Я лишь отвечала на ваш вопрос: будут ли германские войска в Москве до рождественских праздников. Свое мнение я высказала. Но ведь могу и ошибаться…

Геббельс ухмыльнулся и кивнул в знак согласия и прекращения дискуссии. Рейхсминистр старался восстановить прежнюю непринужденную обстановку, острил. И, надо признать, нередко довольно удачно.

Обойденный природой, с трудом передвигающийся по скользкому паркетному полу, этот плюгавый человечек явно наслаждался своим положением, высоким постом имперского министра народного просвещения и пропаганды, возможностью собирать вокруг себя самых именитых деятелей культуры великой Германии и – главное! – заставлять их внимать ему.

«Все равно он этих слов мне никогда не простит и не забудет», – понимала Чехова. Вернувшись после вечернего спектакля далеко за полночь, Ольга долго не могла уснуть. Все прокручивала и прокручивала в памяти детали сегодняшнего приема. Потом неожиданно вспомнила дневниковую запись Антона Павловича: «Русские за границей: мужчины любят Россию

страстно, женщины же скоро забывают о ней и не любят ее». Грустно усмехнулась: «Вот тут вы ошиблись, дядюшка… Как жаль, что с вами я так и не успела встретиться, поспорили бы…» Улыбнулась: «Я ведь «неплохой полемист». С тем и уснула.

А утром, еще оставаясь в постели, она долго пыталась разгадать странный сон, которым наградила ее прошедшая летняя ночь: Сталин и Черчилль сидят в огромной лодке, скользящей по морским волнам, и без устали спорят между собой, кому из них взяться за руль…

В многочисленных сонниках вряд ли можно было отыскать разумное толкование подобной фантасмагории. Что там, кстати, говорил один из Мишкиных «почтенных старцев» по имени Зигмунд? «Сновидения являются продуктом психической деятельности самого видящего сны…»

Лучше думай о фильме, в котором сегодня тебе предстоит сниматься, приказала она себе. Как же, черт возьми, называется?.. Ах да, «Люди в буре». Ну-ну…

* * *

Черной точкой в истории взаимоотношений Ольги Чеховой с Генрихом Геббельсом оказался неприятный казус, приключившийся с господином рейхсминистром в гостях у фрау государственной актрисы.

Геббельс, поднимаясь по узкой кованой лестнице по направлению к домашнему бару, запнулся и, теряя равновесие, обеими руками ухватился за деревянную скульптуру готической Мадонны, установленную подле перил. Не удержался – и под гогот невоспитанной публики рухнул вниз. Не помогла Мадонна.

Этот конфуз оказался даже не точкой, а жирной грязной кляксой. Больше в гостях у Ольги Чеховой господин рейхсминистр никогда не бывал. Равно как и она на озере Ланке…

Москва – Берлин, 1943 год

Поскребышев неслышно, по-кошачьи, выскользнул из кабинета Сталина и шепнул ожидавшему приема Берии[28]: «Одну минуту, Лаврентий Павлович. Товарищ Сталин сейчас вас примет».

В тот же миг на столе секретаря звякнул негромкий звоночек, и Поскребышев, не разжимая губ, безмолвно кивнул, как китайский болванчик, что на особом, «кремлевском» языке означало: «Проходите, товарищ Берия, ждет».

В кабинете Сталина, как всегда, было сумрачно и тихо. Председатель Государственного Комитета Обороны стоял у письменного стола, изучая какие-то бумаги. На вошедшего он глаз не поднял и присесть не предложил.

– Разрешите доложить, товарищ Сталин? – подал голос Берия.

Сталин кивнул.

– Подготовка операции под кодом «Ринг» по уничтожению Гитлера практически завершена. Главный исполнитель – «агент Уваров». Вместе с группой прикрытия он уже находится в Германии, успешно легализовался. Боевики – бывшие офицеры белой армии, с опытом подпольной и диверсионной работы, – переброшены в Берлин из Югославии, обеспечены надежными документами, боекомплектом. Связь с ними – через Швецию, где у нас налажена особая система «мертвых почтовых ящиков».

– И как, этот «Уваров» надежен?

– Вне всяких сомнений, товарищ Сталин. Проверен по всем параметрам. «Уваров» – Миклашевский Игорь Львович. Мать – Миклашевская Августа Леонидовна[29], актриса, работала в театре Таирова. Известна тем, что в свое время крутила роман с поэтом Сергеем Есениным…

– Так этот парень что, его сын?

– Да нет, у этой Миклашевской и без Есенина мужей хватало. Отец парня – Лев Лащинин, тоже из театральной среды, танцор, балетмейстер. Но из сына вышел настоящий, порядочный человек. Учился в институте физкультуры. Член ВКП(б). В 1938-м был призван в РККА. Начинал сержантом, – Берия заглянул в свою папочку, – 189-го зенитно-артиллерийского полка. С 1942 года у нас. Прошел диверсионную школу, имеет хорошую подготовку. Патриот до мозга костей, готов к выполнению любого задания, в том числе пойти на самопожертвование… Боксер, чемпион Ленинградского военного округа в среднем весе… – Произнося последнюю фразу, Берия спохватился: лишнее ляпнул, осекся, но поздно.

Он услышал насмешливый голос Сталина:

– Так твой «Уваров» на кулачках с Гитлером собрался драться?

– Никак нет, товарищ Сталин, – изобразил улыбку Берия. – Учитывая особый характер задания, я решил расширить обычно сжатую характеристику агента. Позвольте продолжать?..

– Погоди. – Сталин сел, попыхтел трубкой и наконец поднял немигающие глаза на Берию. – Так ты говоришь, Лаврентий, твой Уваров уже в Берлине?..

– Совершенно верно. К нам в разработку он попал с началом массовой проверки в тылу и в действующей армии всех лиц под грифом «фольксдойч». Выяснилось, что Игорь – родной племянник актера Блюменталь-Тамарина[30].

– Не слишком ли много театральщины в этом деле, Лаврентий?

– Никак нет, товарищ Сталин. Я поясню. Этот Тамарин еще в начале войны сдался фашистам, сегодня активно используется ими в оголтелой антисоветской пропаганде, выступает по радио с клеветническими программами, которые для него сочиняют службы Геббельса.

– И о чем же они говорят?

– Репертуар известный: смерть комиссарам и жидам, сдавайтесь… Кроме того, Блюменталь научился ловко имитировать ваш голос, товарищ Сталин…

– И что?..

– Он, подлец, от вашего имени зачитывает сфальсифицированные указы советского правительства. Записи делают в Берлине, передают в Варшаву, а оттуда уже транслируют на нашу территорию.

– И их слушают наши люди?

– Никак нет, товарищ Сталин. Согласно постановлению Совнаркома, все без исключения граждане, проживающие на территории Советского Союза, должны были сдать на временное хранение в местные органы Наркомсвязи радиоприемники и радиопередающие устройства…

– Я помню.

– Выполнение постановления находится под нашим строгим контролем. Но полностью блокировать вещание мы не в состоянии. Без радиосвязи не обойтись штабам, танковым войскам, авиации и другим.

– Понятно, Лаврентий. Дальше.

– В марте нынешнего года военной коллегией Верховного Суда СССР Блюменталь-Тамарин был заочно приговорен к смертной казни. В качестве исполнителя приговора по всем

статьям подходил Миклашевский. Но позже, в связи с новыми задачами, группа была переориентирована на другую цель. Я полагаю, его «дядя» в этом направлении нам как раз поможет.

– Он что, имеет выходы на фюрера?

– Нет, не та фигура. Но у него есть связи в белоэмигрантских кругах, он пользуется авторитетом в штабе Власова. Это поможет подвести «Уварова» к Гитлеру во время одного из мероприятий. В театре, например.

– Как этот парень попал в Берлин?

– После курса спецподготовки «Уваров»-Миклашевский был определен в одну из артчастей. Над его легендой работали лучшие специалисты, товарищ Сталин. Непосредственно руководят операцией комиссар госбезопасности 3-го ранга Фитин и начальник 6-го управления Судоплатов. За попытку самострела, которая была сымитирована, сержанта судили и отправили в штрафной батальон. Все документировано. Во время одной из атак Миклашевский пытался сдаться немцам. Также имеются реальные свидетели. Новый приговор: расстрел. При побеге из-под стражи был ранен старший сержант Афанасьев, охранявший штрафника. Потом он находился на излечении в курганском госпитале.

Самого «Уварова» нам удалось вывести непосредственно в немецкий тыл под видом бежавшего из-под расстрела штрафника. После проверки Миклашевский был зачислен… – Берия еще раз сверился со своими бумагами, – в 437-й батальон Русской освободительной армии Власова…

Сталин поморщился: «Как-то слишком все просто, казаки-разбойники, ребячьи забавы…» Но пока оставил замечания при себе.

– Товарищ Сталин, немцы проверяли его самым тщательным образом, работали не поверху. Но ничего не нашли. Кстати, его легализации помог бокс, – Берия почувствовал, что опять перегибает и своим уточнением рискует задеть Сталина, но не удержался и решил на этот раз не останавливаться. – Еще по Москве Миклашевский был знаком с Максом Шмелингом, «королем немецкого ринга», чемпионом мира. В Берлине они встретились. Шмелинг – кумир, любимчик Гитлера, то есть дополнительная гарантия безопасности «Уварова». Этот чемпион подарил ему свое фото с автографом, помог ему с участием в престижных турнирах. Сегодня Игорь руководит очень престижной школой бокса в Берлине. Круг его нынешних неформальных контактов – генерал Эрнст Кёстринг, советник МИДа Штрекер, промышленник Альбрехт, некоторые руководители разведывательно-диверсионной школы в Вустрау,

курсов пропагандистов РОА…

Сталин вновь усмехнулся, но теперь уже одобрительно: «Неплохо».

– Хотя до войны дядя Сева близких отношений с племянником не поддерживал, но в Германии зов крови все-таки, видно, взыграл. Встретил Игоря довольно тепло, по-родственному, накормил-обогрел, познакомил с нужными людьми, словом, помог в «акклиматизации».

Агент уже встречался с актрисой Ольгой Чеховой, был на ее концерте. Наш юноша вручил ей цветы, высказал восхищение и, между прочим, напомнил «фрау Ольге» о ее знакомстве со своей матерью, Августой Миклашевской. Чехова проявила интерес. Сработала и кодовая фраза. В общем, реакция актрисы была удовлетворительной. Она готова помочь молодому человеку в осуществлении его «мечты» – повидать самого фюрера. О конечной цели задания ей, конечно, не известно. Она – женщина разумная и понимает необходимые пределы своей осведомленности… Готов к работе также польский князь Януш Радзивилл, наш «агент влияния», состоящий в близких отношениях с Герингом. Словом, группа ждет сигнала.

– Хорошо. Можешь идти, Лаврентий.

Из кабинета Сталина Берия уходил фактически ни с чем. Своего окончательного решения Верховный Главнокомандующий, по всей видимости, так и не принял. Уточняющих вопросов в этом кабинете задавать было не положено.

Но ответственные за предстоящую операцию Фитин и Судоплатов получили строгую команду: подготовку продолжать, отрабатывать мельчайшие детали, поддерживать постоянный контакт с группой.

* * *

В 1943 году к себе на «Ближнюю дачу» в Кунцево Сталин вызвал наркома госбезопасности Меркулова и начальника профильного отдела НКГБ Судоплатова. Заслушав доклады чекистов о готовности «Ринга», Верховный Главнокомандующий твердо сказал: «Этого делать мы не будем. Гитлера пока что сохраним».

Главные разработчики операции были настолько ошеломлены, что Судоплатов, не сдержавшись, брякнул: «Почему?» Сталин с удивлением посмотрел на «ослушника», но не выгнал, не отругал, промолчал. А затем почему-то решил объяснить свою позицию: пока Гитлер жив, верхушка германского

руководства не осмелится на сепаратные переговоры. В случае устранения фюрера наши «заклятые друзья»-союзники могут пойти на заключение мира с Германией, и мы окажемся один на один с фашистами. Ясно?

– Так точно.

* * *

Операция «Ринг» до поры до времени была свернута. Но в «последнем раунде» – в апреле 1945 года – Игорю Миклашевскому все же удалось исполнить приговор Верховного Суда СССР. Выстрелом в упор он убил дядю Севу в прифронтовом городке Мюнзингене…

Крым, Верхняя Аутка, Белая дача – Берлин, 1943 год

Приближалась осень, и в старом саду было тихо, грустно, и на аллеях лежали темные листья. Уже рано смеркалось… У обоих было любимое место в саду: скамья под старым широким кленом…

А.П. Чехов. Ионыч

В воображении Ольги Константиновны крымская «Белая дача» рисовалась неким загадочным замком, в тиши которого жил, любил и творил Антон Павлович. По рассказам тетушки, Чехов уединялся, уверовав в то, что именно Верхняя Аутка – кусочек рая, где вольно дышится и легко работается. Хотя не исключено, что Ольга Леонардовна внушала ему эту веру.

Читая бунинские заметки о встречах с Чеховым, впечатлительная Ольга Константиновна заочно влюбилась в Крым, Ялту и неведомую Верхнюю Аутку: «Белая каменная дача в Аутке, под южным солнцем и синим небом; ее маленький садик, который с такой заботливостью разводил Чехов, всегда любивший цветы, деревья и животных; его кабинет… огромное полукруглое окно, открывавшее вид на утонувшую в садах долину реки Учан-Су и синий треугольник моря; те часы, дни, иногда даже месяцы, которые я проводил в этой даче, и то сознание близости к человеку, который пленял меня не только своим умом и талантом, но даже своим суровым голосом и своей детской улыбкой, – останутся навсегда одним из самых лучших воспоминаний моей жизни…»

Как полагал не менее любимый Ольгой писатель Александр Куприн, чеховский дом был «самым оригинальным зданием в Ялте». О даче он писал: «Вся белая, чистая, красиво асимметричная, построенная вне какого-нибудь архитектурного стиля, с вышкой в виде башни с неожиданными выступами, со стеклянной верандой внизу и с открытой террасой вверху, с разбросанными то широкими, то узкими окнами, – она походила бы на здания в стиле modern, если бы в ее плане не чувствовалась чья-то внимательная и оригинальная мысль, чей-то своеобразный вкус. Дача стояла в углу сада, окруженная цветником. К саду, со стороны, противоположной шоссе, примыкало, отделенное

низкой стенкой, заброшенное татарское кладбище, всегда зеленое, тихое и безлюдное, со скромными каменными плитами на могилах…»

Александр Иванович, часто бывая у Чеховых, лукаво оправдывал свои визиты острой необходимостью получить у доктора Чехова конкретные консультации по медицинской части, в которых остро нуждался при написании очередного рассказа. А после «консультаций» просто ноги не несли его из гостеприимной усадьбы. Он, стараясь держаться незаметно и, по возможности, никому не мешать, наблюдал, как около полудня подворье начинает заполняться людьми всякого рода и племени. Ученые, литераторы, земцы, доктора и знахари, военные, художники, поклонники и поклонницы, профессора, светские люди, сенаторы, изобретатели, священники, актеры – и еще Бог знает кто из тех, кто нуждался в помощи, протекции, совете или в дельной консультации господина Чехова. Или хотя бы в минутном общении с ним.

Скромно, но настырно вдали маячили фигуры попрошаек, молчаливо напоминая о богоугодности вспомоществования. На железных решетках, отделяющих усадьбу от шоссе, гроздями свисали бойкие девицы в войлочных широкополых шляпах, которых в округе привычно называли «антоновками»…

Во дворе под ногами суетились любимые таксы. Глядя на них, Антон Павлович время от времени напоминал гостям, что доброму человеку стыдно бывает даже перед собакой.

Люди сторонние и близко не допущенные к внутреннему миру Чехова были уверены, что в своей «Белой даче» он замыкается, как в скорлупе, от всех прочих; и глубоко ошибались. Ибо если и существовал какой-то защитный панцирь, то был он хрупок, как яичная скорлупа, и только.

В минуты грусти и печали писатель был обыкновенно резок к себе и окружающей действительности: «В Ялте нельзя работать… Далеко от мира, неинтересно, а главное – холодно…», «…Работаю в саду, в кабинете же скудно работается, не хочется ничего делать, читаю корректуру и рад, что она отнимает время. В Ялте бываю редко, не тянет туда, зато ялтинцы сидят у меня подолгу, так что я всякий раз падаю духом и начинаю давать себе слово опять уехать или жениться, чтобы жена гнала их, т. е. гостей… Позвольте сделать Вам предложение…»

Дом постоянно был полон гостей. Ольга, читая воспоминания друзей и знакомых Антона Павловича, ясно представляла себе живые картинки.

Вот за роялем сидит Сергей Рахманинов, неподалеку в кресле по-домашнему расположился Иван Бунин. Федор Шаляпин

скромно пристроился на веранде, попивая чаи с Марьей Павловной, то и дело кося глазом на ее брата, своего непостижимого кумира. Вот неудержимый, шумный Гиляровский яростно корябает чернильным карандашом дверной косяк, увековечивая свой поэтический экспромт:

Край, друзья, у вас премилый,
Наслаждайся и живи:
Шарик, Тузик косорылый
И какой-то Бакакай.

Художник Константин Коровин, явившийся на дачу по-свойски, опять без приглашения, молча стоит во дворе и любуется танцующим перед ним журавлем. Заметив гостя, журка расправляет крылья и прыгает, вытворяя плавные танцевальные па… Коровин умиляется до слез. А Антон Павлович, чуя родственную душу, долго потом рассказывает художнику о своей премилой птице: «Это замечательнейшее и добрейшее существо. Он весной прилетел к нам вторично. Улетал на зиму в путешествие в другие страны, к гиппопотамам, а теперь вновь к нам пожаловал. Не правда ли, странно это и таинственно, Константин Алексеевич?.. Улетать и прилетать опять… Я не думаю, что только за лягушками, которых он в саду здесь казнит… Нет, он горд и доволен еще тем, что его просят танцевать. Он – артист, и он любит, когда мы смеемся на его забавные танцы. Артисты любят играть в разных местах и улетают. Жена вот тоже собирается улетать в Москву, в Художественный театр, чистит перышки…»

– Тебе нравится моя дача и садик, ведь нравится? – теперь теребит Чехов другого своего доброго приятеля, скромного писателя Владимира Ладыженского. – А ведь это моя тюрьма, да-да, самая обыкновенная тюрьма, вроде Петропавловской крепости. Разница только в том, что Петропавловка сырая, а эта сухая… Вот так, не любя, и замуж выходят. Сначала не нравится, а потом привыкают! – Некоторые буквы Антон Павлович выговаривал, слегка пришепетывая, как бы бормоча. И трудно было понять, серьезно ли говорит он или так, полушутя.

…Неугомонный Коровин все норовит показать Чехову свои, только что написанные в Крыму работы. Антон Павлович, мельком взглянув на спящие в море большие корабли, просит:

– Оставьте… Я еще хочу посмотреть их, один…

За обедом Чехов ест, как всегда, мало, пьет тоже мало, часто встает из-за стола и ходит взад-вперед, сипло покашливая. Останавливаясь около гостя, он то и дело норовит освежить

бокалы:

– Отчего же вы не пьете вино?.. Если бы я был здоров, я бы пил… Я так люблю вино…

Лишь изредка, когда на хозяина «Белой дачи» нападала хандра, он мог в сердцах пожаловаться, но только самым-самым близким: «Денег у меня нет. Гости приходят часто. В общем, скучно, и скука праздная, бессмысленная…», «Пьеса сидит в голове, уже вылилась, выровнялась и просится на бумагу, но едва я за бумагу, как отворяется дверь и вползает какое-нибудь рыло… Я скучаю и злюсь. Денег выходит чертовски много, я разоряюсь, вылетаю в трубу. Сегодня жесточайший ветер, буря, деревья сохнут. Один журавль улетел… Дуся моя, скучно!»

* * *

Ольга Константиновна все вспоминала рассказы о «Белой даче» по дороге от Симферопольского аэродрома, где ее на летном поле ждала машина, до самой Ялты. Ее мало волновал сам Крымский полуостров, его горы, покрытые реликтовыми растениями, волны Черного моря, закипавшие у каменистых берегов пушистой пеной, напоминавшей шампанское. Чехова стремилась в Аутку.

Подумать только, совсем недавно, всего две-три недели назад, она еще была в Берлине, на аудиенции у всесильного шефа «Люфтваффе» Германа Геринга, а вот сегодня – уже в Крыму…

* * *

– Итак, моя очаровательная фрау Ольга, чем вы порадуете на этот раз? Какие новости на нашем кинофронте? Ваше «Путешествие в прошлое» и особенно «Опасная весна» на меня произвели грандиозное впечатление… Представляю, Олли, как реагируют наши солдаты, видя вас на экране, – ухмыльнулся маршал. Геринг пребывал в добром расположении духа. Последние поездки на авиационные заводы и встречи с монстрами самолетостроения внушали давно забытый оптимизм.

Чехова интуитивно чувствовала, что ее «козырь в рукаве» – непрекращающееся конкурентное противостояние ключевых фигур в окружении Гитлера. Именно на это и рассчитывала, ловко вуалируя свою очередную просьбу невинными намеками.

– Вчера я была у рейсхминистра Йозефа Геббельса, просила его оказать содействие в спасении ялтинской дачи моего

дядюшки, всемирно известного писателя и драматурга Антона Чехова, господин рейхсмаршал… – она запнулась.

– Дома для вас, не менее знаменитой государственной актрисы рейха, если помните, я просто Герман. Договорились?

Ольга смущенно кивнула.

– Ну, и что же наш дорогой друг Йозеф?

– Герр министр сказал, что вмешательство в частные вопросы, то есть мои личные, противоречило бы государственной политике рейха, которую проводят на оккупированной территории Советов силы вермахта. А потому помогать мне он не намерен. Меня привела к вам тревога о судьбе «Белой дачи» Чехова. Нельзя допустить, чтобы ее постигла участь уже разрушенных заповедных усадеб гениев мировой культуры – Ясной Поляны, Михайловского, Спасского-Лутовинова… Их уже не вернешь.

Суть не в фамильном имении или каком-то дворце. «Белая дача» моего дяди – это дом, в котором он жил и работал, священное место не только для русских. Поклонники таланта Антона Чехова, как паломники, приезжали туда со всего мира, понимаете?.. Он ни в чем не провинился перед рейхом… Ведь даже сейчас, когда идет война с Россией, в Германии продолжают издавать его книги. Немцы их покупают, читают – и становятся лучше, умнее, добрее. Да у меня самой в библиотеке есть книги Чехова, изданные здесь, у нас, в последние годы. Я вам по памяти могу назвать – «Die Steppe. Geschichte tiner Fahrt», «Die Mowe»… Поверьте, дорогой Герман, Чехов, как всякий гений мировой культуры, вне политики, вне географии… Кстати, вместе с ним там, в Крыму, жила его жена, знаменитая актриса Ольга Книппер. Вы ведь как-то видели ее у меня на приеме…

– Да-да, я помню, – кивнул Геринг. – Я сам не чужд русской культуре, в развитие которой внесли весомый вклад представители арийской нации. Ведь ваша тетушка, если я не ошибаюсь, из эльзасских немцев?

– Совершенно верно. – Ольга, изобразив на лице радость и печаль, чуть слышно добавила: – Герман… Моя тетя…

Геринг попытался успокоить разволновавшуюся женщину. Нет, тут, конечно, не театральные страсти, не наигрыш. Уж он-то в актерских уловках знает толк.

– Понимаете, Ольга, я уверен, что те неприятности, которые произошли с некоторыми историческими памятниками в России, – не более чем досадное недоразумение… Поймите же, идут кровопролитные бои, бомбежки, пожары, разрушения, жертвы…

– Недоразумение? А что вы скажете об этом, тоже, как вы говорите, «историческом» документе, уважаемый Герман? –

Чехова вытащила из сумочки и протянула рейхсмаршалу две машинописные страницы.

– И что это?.. Так, «Приказ командующего 6-й армией генерал-фельдмаршала Рейхенау о поведении войск на Востоке от 10 декабря 1941 года». – Геринг взглянул на гриф документа – «Секретно». Тут же захотелось задать вопрос этой дамочке, которая, похоже, уже зарвалась, откуда у нее взялись эти бумаги. Но спохватился. – «Основной целью похода против большевистской системы является полный разгром государственной власти и искоренение азиатского влияния на европейскую культуру. В связи с этим перед войсками возникают задачи, выходящие за рамки обычных обязанностей воина. К борьбе с врагом за линией фронта еще недостаточно серьезно относятся. Все еще продолжают брать в плен коварных, жестоких партизан и выродков-женщин… Агенты Советов свободно ходят по улицам и зачастую питаются из походных немецких кухонь…» Ну и что, Олли? В чем здесь крамола? Идет война…

– Пожалуйста, я вас очень прошу, дочитайте до конца. Объясните мне, какое отношение общечеловеческие духовные ценности имеют к борьбе с большевизмом…

– Хорошо, – покорно сказал Геринг, пристально посмотрев на свою гостью, и демонстративно поднял руки вверх, раскрыв ладони перед Ольгой. – Сдаюсь, читаю: «…Войска заинтересованы в ликвидации пожаров только тех зданий, которые должны быть использованы для стоянок воинских частей. Все остальное, являющееся символом бывшего господства большевиков, в том числе и здания, должно быть уничтожено. Никакие исторические и культурные ценности на Востоке не имеют значения…»

– Вот! – вставила Чехова.

– Читаю далее, – сказал Геринг. – «Страх перед германскими мероприятиями должен быть сильнее угрозы со стороны бродячего большевистского отребья. Не вдаваясь в политические соображения на будущее, солдат должен выполнить двоякую задачу:

1. Полное уничтожение большевистской ереси, советского государства и его вооруженных сил.

2. Беспощадное искоренение вражеской хитрости и тем самым обеспечение безопасности жизни вооруженных сил Германии в России.

Только таким путем мы можем выполнить свою историческую миссию по освобождению навсегда германского народа от азиатско-еврейской опасности.

Командующий фон Рейхенау[31], генерал-фельдмаршал».

Домучив чтение корявого приказа, Геринг решил

воздержаться от комментариев, тем более Чехова их и не ждала. Она просто сидела, не отводя испытывающего взгляда от хозяина кабинета.

– Я обещаю вам обязательно выяснить, что на сегодняшний день происходит в Крыму, и, в частности, с дачей вашего дядюшки, фрау Олли. Вам непременно сообщат… Не забывайте нас с Эммой.

Когда наконец Чехова его оставила в покое, рейхсмаршал вновь вернулся к копии злополучного документа, черновой вариант которого он видел еще месяц назад, в начале ноября. Посмотрел на сопроводительные резолюции: «Уполномоченный полиции безопасности и СД при начальнике тылового военного округа 102 номер 1694/41 Начальнику СК 7а. По вопросу: поведение войск на Востоке.

Указание начальнику штурмового отряда Вильбрандту – заготовить копии прилагаемого приказа генерал-фельдмаршала Рейхенау и разослать по одному экз. в 1.СС 192 т 162 див. УА 161. 5.12

В приложении посылаю копию с копии одобренного фюрером приказа командующего 6-й германской армии о поведении войск на Востоке с просьбой довести до сведения всего состава вашего штаба. Штурмбаннфюрер…» Какая-то дурацкая, неразборчивая подпись.

Сложив вдвое бумаги, Геринг сунул их в конверт, на котором сделал пометку «Рейхенау», и положил в сейф. На всякий случай.

* * *

В глазах «друзей рейха», к коим Герман Геринг, безусловно, относил и фрау Чехову, он старался выглядеть человеком слова. Несмотря на всю свою загруженность государственными делами, он все-таки нашел источник, который достоверно сообщил ему о положении в Крыму, а заодно и о позиции в отношении мемориального музея Чехова. (Эмма, пользуясь случаем, на днях подсунула ему томик рассказов этого русского, и вечером, сидя в кабинете, он перелистал несколько новелл. Даже посмеялся над «Злоумышленником» и особенно – «Дочерью Альбиона». Пьесы отложил.)

Через несколько дней через жену он пригласил в гости Ольгу Чехову и сообщил:

– Я уверен, фрау Олли, с дачей вашего дядюшки все будет в порядке. Ничего дурного там не произойдет, ручаюсь. Имение Чеховых получило особую охранную грамоту. Кстати, вы можете

убедиться в этом сами.

– Каким образом? – изумилась Ольга.

– Ну, кто-то считает, что он властвует над умами (Ольга поняла, кого Геринг имел в виду), а кто-то реально господствует в воздухе и покоряет любые расстояния. Хотите побывать в Крыму?

– Это возможно?! – Чеховой даже не потребовалось изображать восторженное сомнение.

– Для нас ничего невозможного нет, милая фрау. Вы ведь, насколько я знаю, доверяете «Люфтваффе» и любите наших доблестных летчиков…

Ольга прекрасно поняла грубоватый, по-солдафонски прямолинейный намек Геринга. Впрочем, она никогда и ни от кого не скрывала свои скоротечные, легкомысленные романы ни с Вальтером Йепом, ни с прославленным асом, «генералом дьявола» Эрнстом Удетом[32]…

С Удетом случайно (или не случайно?) оказались за одним столиком во время приема в честь короля Югославии Павла в Шарлоттенбургском замке. Это был романтичный вечер при свечах, располагавший к задушевному общению. Ольге сразу приглянулся статный летчик. Разговорились. От ее внимания не ускользнуло, что бокал Эрнста все время пустовал. Чехова не сдержалась:

– Varum?

– Герман запрещает, – кивнул Удет в сторону Геринга, который как раз произносил очередной тост в честь югославского монарха.

Ольга подмигнула летчику и быстро подменила его бокал своим. Удет, подмигнув в ответ, осушил его одним махом. Потом они повторяли свою «спецоперацию» неоднократно.

Когда прием заканчивался, Эрнст был уже хорош и хихикал, радуясь, как ребенок, что ему удалось оставить «Большого Германа» в дураках.

– Я всех их воспринимаю только пополам со шнапсом, – шептал он Ольге. – Со спиртным их еще можно кое-как выдержать, но только со спиртным. А больше всего я люблю русскую водку. И не только потому, что ты русская, Ольга…

С того вечера они стали друзьями. Жаль, их знакомство продлилось совсем недолго…

– Ну так как, Ольга? – прервал ее воспоминания Герман Геринг. – Вы готовы совершить отчаянный полет в Крым, чтобы поклониться своему покойному дядюшке? Кстати, давно он умер?

– Почти сорок лет назад. Причем умер здесь, в Германии, – рассеянно ответила Чехова и прикоснулась тонкими пальцами к вискам. Но тут же встряхнулась. – Я? Лететь в Крым? Конечно,

готова. Хоть сегодня.

– Нет-нет, не сегодня, – покачал головой Геринг. – Послезавтра.

…И вот Ольга уже мчится в скоростном «Хорьхе» по направлению к Ялте. Серпантин крымских дорог кружит ей голову. Но все равно ей дышится легко, она смотрит по сторонам, а сопровождающий ее офицер в черной форме дает пояснения, исполняя обязанности гида:

– Это Медведь-гора, – указывая на огромную скалу, как бы припавшую к морю, рассказывал он. – Правда, похоже? А это дачные поселки, Гурзуф, Симеиз… Тут много странных названий, которые очень сложны для произношения.

– Обычные крымско-татарские названия. Это их исконные земли.

– Были, – учтиво уточнил офицер.

* * *

Ольга медленно зашла в кабинет, где обычно работал Чехов. Комната оказалась совсем небольшой, шагов десять-двенадцать в длину и шесть-семь в ширину, скромная, наполненная какой-то необъяснимой, своеобразной атмосферой. Возможно, ей это только казалось, но она хотела, чтобы так было.

Напротив входной двери – большое квадратное окно, окаймленное желтыми стеклами. По обеим сторонам спускаются до пола тяжелые темные занавески. Драпировка смягчает контуры, заметила Ольга, ровнее и приятнее ложится свет. Она подошла ближе к окну, откинула занавеску – и перед ней открылась подковообразная лощина, спускающаяся к морю. Полукольцом громоздились лесистые горы.

С левой стороны, около окна, перпендикулярно к нему – письменный стол, на котором сохранились резные сувениры из дерева и кости; среди них преобладали слоны, черные и белые. За столом укрылась маленькая ниша, освещенная сверху, из-под потолка, крошечным оконцем; в нише – турецкий диван. На отдельном небольшом столике – веерообразная подставка, в ней фотографии каких-то, видимо, любимых Чеховым артистов или писателей.

Справа, посредине стены – камин, облицованный коричневым кафелем. Среди темных плиток, в углублении, мастера специально оставили укромное местечко, на котором был небрежно обозначен пейзаж: вечернее поле с уходящими вдаль стогами сена.

– Левитан, – услышала Ольга голос за спиной. Позади стояла пожилая женщина в очках, которая еще во дворе дачи представилась ей хранительницей дома-музея Чехова.

– Спасибо, – поблагодарила Ольга, – вы можете идти. Дальше я хочу побыть одна.

Она осталась у камина, рассматривая безделушки и модель парусной шхуны, стоящие на полочке. Потом, осторожно ступая по большому, восточного рисунка, ковру, прошла дальше.

Стены чеховского кабинета покрывали темные, с тусклым золотом обои. Над письменным столом на гвоздике висел плакатик «Просят не курить», появившийся здесь, по всей видимости, стараниями и заботами сестры писателя. На стенах были портреты Льва Толстого, Ивана Тургенева и Григоровича (Ольга, к своему стыду, забыла имя писателя).

Она заглянула в соседнюю с кабинетом жилую комнату. Просто девичья светелка, да и только. Узкая, небольшая кровать. Пикейное одеяло. Говорят, последний год Чехов именно здесь проводил большую часть времени. Даже «Вишневый сад» якобы писал лежа. Рядом с кроватью – невысокий шкаф красного дерева. Не о нем говорил Гаев в первом действии пьесы?

«…Сколько этому шкафу лет? Неделю назад я выдвинул нижний ящик, гляжу, а там выжжены цифры. Шкаф сделан ровно сто лет тому назад. Каково? А? Можно было бы юбилей отпраздновать. Предмет неодушевленный, а все-таки, как-никак, книжный шкаф… Дорогой, многоуважаемый шкаф! Приветствую твое существование, которое вот уже больше ста лет было направлено к светлым идеалам и справедливости; твой молчаливый призыв к плодотворной работе не ослабевал в течение ста лет, поддерживая *(сквозь слезы)* в поколениях нашего рода веру в лучшее будущее и воспитывая в нас идеалы добра и общественного самосознания…»

* * *

Понадобилось время, чтобы Ольга Леонардовна все-таки нашла в себе силы признаться племяннице, какие постыдные, с ее точки зрения, смены «декораций» происходили в «Белой даче» за годы войны. Сразу после 22 июня 1941-го из чеховского кабинета исчез портрет весьма почитаемого Антоном Павловичем немецкого драматурга Гауптмана. Когда в Крым пришли фашисты, фотография нобелевского лауреата вернулась на прежнее место. Вернулась Красная армия, Гауптман вновь перекочевал в кладовую комнату…

Точно такие же истории происходили с письмами и снимками самой Оли Чеховой. Ты уж прости нас, Олюшка, боялись… Только вот мясные консервы, которые ты присылала из Германии Марии Павловне во время оккупации, ей очень пригодились…

США, Голливуд, 1945-й и другие годы

Даже самые привередливые критики были вынуждены признать, что даже на фоне первых голливудских знаменитостей – Грегори Пека и Ингрид Бергман – в фильме Альфреда Хичкока «Завороженный» русский актер Чехов выделялся своим филигранным мастерством. «Не часто актер, играющий на втором плане, привлекает внимание зрителя так, как это сделал Майкл Чехов в роли умного и доброго психиатра», – отмечал обозреватель газеты «Нью-Йорк таймс».

Недаром мудрый доктор Александр Брюлов в его исполнении был признан лучшей ролью по итогам года, а в следующем работу Чехова даже номинировали на присвоение престижной премии «Оскар».

В день вручения «Оскара» Чехов ужасно волновался, жаловался, что по-прежнему чувствует себя в запредельном мире хичкоковского кино, вне реального времени и пространства. Выехав из Беверли-Хиллз к китайскому театру Сида Граумана, где намечалась церемония награждения победителей, Майкл потребовать от водителя лимузина, чтобы тот мчал что есть духу! Это был припадок, обострение мании преследования. Он кричал перепуганному шоферу, что их преследуют вооруженные преступники, которые хотят его убить. Бедолага жал и жал на газ, пока не взмолился:

– Мистер, если меня остановят копы, я потеряю работу.

– Ты что, тоже лишний и опасный? – спросил Чехов, неожиданно вспомнив свое океанское путешествие.

– Нет, мистер. Извините, но те, кого вы боитесь, обычные туристы. Они видели вашего «Завороженного», узнали и, наверное, просто хотели поприветствовать…

Позже к Майклу Чехову пришел новый успех – его приняли в члены Американской академии киноискусств. При вручении награды Михаил Александрович напомнил участникам церемонии, что его дядя в 1900 году в России также был избран академиком, но изящной словесности, и признание его, Михаила Чехова, скромного вклада в американский кинематограф он расценивает, как… Здесь новорожденный киноакадемик смешался, запутался и отказался проводить какие-либо дальнейшие параллели…

В годы войны Чехов принимал участие в вечерах русско-американской дружбы, сборы от которых шли в помощь

советским детям. Михаил Александрович читал рассказы своего любимого дяди, в том числе «Торжество победителя». В его исполнении, вспоминала московская гостья Елена Юнгер, присутствовавшая на концертном выступлении, была настоящая трагедия гениального русского актера. Она просочилась за кулисы, чтобы высказать ему свое восхищение. Представилась: «Я из Советского Союза. Позвольте мне сказать, что вас помнят у нас и любят». Он не поверил:

– Помнят меня? Ме-ня? Неужели еще помнят?..

По окончании вечера они условились о встрече. «Он ждал меня у дверей, – вспоминала Елена. – Маленький, худенький, какой-то весь сжавшийся. Смущенный – он!!!

– Ужасно, что вы были в зале, – сказал он. – Я сожалею. Я так нажимал, так наигрывал – совсем разучился…

А потом, прощаясь, признался: «Знаете, я сейчас переживаю самую огромную, самую страстную и самую безнадежную любовь своей жизни – я влюблен в русский театр! Российская провинция в тысячу раз выше театральных Парижей и Нью-Йорков…» Помолчал и добавил: «Кажется, был когда-то такой актер – Михаил Чехов… Неужели это был я?..»

Эти годы для него были заполнены литературной работой. После книги «Путь актера» Чехов отважился на воспоминания и вскоре отдал в «Новый журнал» мемуары «Жизнь и встречи». Потом появилась книжка «О технике актера», которую даже профессионалы поначалу приняли довольно настороженно. Но автор не обращал на это внимания…

Берлин, март 1945 года

В целом фюрер производит на меня очень сильное впечатление. Его нисколько не поколебали ужасные удары, которым мы снова теперь подвергаемся. Его стойкость поразительна. Если кто и справится с нынешним кризисом, то только он. Нет никого другого, кто хотя бы отдаленно мог сравниться с ним.

Й. Геббельс. Дневники. 5 марта 1945 года, понедельник

Подъезжая к дому Чеховой, Ева Браун в очередной раз пристально посмотрела в зеркало заднего вида: нет, вроде бы никакой другой машины за ее «Хорьхом» не было. Хотя кто его знает…

Ольга, как обычно, встретила подругу своей лучезарной, замечательной улыбкой: «Я тебя ждала, проходи. Сейчас распоряжусь насчет чая».

– Не спеши, – остановила ее Ева. – Ты одна?

– Если не считать горничной, то да. А что случилось-то, почему ты так нервничаешь?

– Пройдем в комнату. У меня очень мало времени, – явно торопилась Ева. – У тебя, кстати, тоже. Я буквально на одну минутку.

Она даже не присела в предложенное Ольгой кресло и тотчас заговорила жарким, свистящим шепотом:

– Поверь мне, Олли, Гиммлер[33] окончательно свихнулся. Я знаю (не спрашивай от кого, это неважно), что сегодня вечером он собирается к тебе «в гости». Гиммлер хочет тебя арестовать!

– Меня? – искренне поразилась Ольга. – За что?

– Понятия не имею. Да и какое это имеет значение?! За шпионаж в пользу русских или англичан, за кражу туфелек из магазина, а может, за анекдот про твоего любимого Геббельса… Какая разница?!. Ты в опасности, пойми, – не сдерживала себя Ева. – И, главное, как назло, фюрера сегодня нет в Берлине. Вернее, он есть, но вместе с Борманом уединился в бункере. Для всех прочих – он уехал в «Бергхоф» на два дня. Мне он обещал быть завтра рано утром. А сейчас ты должна позвонить

Гиммлеру…

– Я?! И что я ему скажу?

– Так и скажи, что знаешь о его намерениях. Придумай что-нибудь – плохое самочувствие, тяжелые месячные, перелом ноги, обвалившийся потолок, текущие трубы, нашествие комаров, любую причину – но проси его проявить снисхождение. Поклянись, что никуда ты не собираешься бежать, скрываться, что готова развеять все его подозрения, что недоразумение быстро разрешится… Но ты проси, умоляй его перенести свой «визит» на завтра, а на эту ночь оставить тебя в покое… Поклянись здоровьем своей дочери, внучки, в обряде крещения которой он, кстати, принимал участие, если ты забыла… Ну, делай же что-нибудь, Олли! – Ева уже почти кричала на подругу.

На секунду замолчала, а потом сказала:

– Завтра с утра готовься принимать фюрера. Я это сделаю. Ты все поняла?

Ольга кивнула.

– Звони прямо при мне, – приказала Ева.

Чехова, загипнотизированная ее взглядом, покорно взяла телефонную трубку…

Рейсхфюрер СС поначалу изобразил недоумение, потом попытался перевести все в чью-то глупую шутку, в конце концов и вовсе превратил разговор в некое подобие фарсовой, интимно-эротической беседы.

– Ну, если вы так настаиваете, дорогая Олли, на нашем свидании, то, конечно же, я буду у вас завтра утром. Да, с цветами… Я представляю себе вас, идущую по утренней росе… С нетерпением жду встречи.

Прервав разговор, Гиммлер распорядился никого к нему не пускать. Медленно снял очки, вынул из футлярчика замшевый лоскуток и принялся усердно шлифовать стеклышки. Обычно эта процедура действовала на него успокаивающе. Но только не сейчас. Досадливо поморщился, поднялся со своего скрипучего стула – терпеть не мог кресел, всегда и везде за его рабочим столом стоял обычный канцелярский стул. Потом подошел к окну. Сука, подумал он о Чеховой, какая же подлая сука, тварь, курва. Это же надо было так испоганить ему продуманный до мелочей сценарий сегодняшнего вечера и, возможно, ночи тоже. Что же она задумала?.. Все равно у нее ничего не выйдет. Никто не в силах помешать ему…

– Никто, – устало произнес он вслух. – Потому что просто некому.

Конечно, Гиммлер понимал, что арест Чеховой на фоне происходящих глобальных катастрофических событий – не более

чем комариный писк. Да и не нужна она была ему, эта жалкая потаскушка. Тоже мне шпионка, Мата Хари. Какая она, к черту, шпионка? Он прекрасно знал, что все эти обвинения – сущая ерунда. Хотя «доказательств» ее антигосударственной деятельности можно налепить сколько угодно…

Вопрос заключался в другом: Ольга Чехова, общепризнанная фаворитка фюрера, нужна была ему, Гиммлеру, в качестве важной фигуры в многоходовой партии. Арест любимицы Гитлера должен был лишний раз подтвердить западным лидерам самостоятельность, независимость его политической позиции в отношении к фюреру.

Он попросил соединить его с Кальтенбруннером[34], своим самым доверенным лицом в аппарате СС. Не объясняя причин, поручил проверить, усилены ли посты наблюдения у дома, в котором проживала Чехова. При попытке «объекта» покинуть дом принять все меры к задержанию. Вариант задержания – самый жесткий.

* * *

…Гиммлер кивнул сопровождавшему его эсэсовцу, вооруженному автоматом, и тот надавил на кнопку звонка у двери Чеховой. Он ожидал от этой взбалмошной барышни в летах любых сюрпризов, вплоть до того, что обнаружит ее тело в петле или, что предпочтительнее, неглиже, готовой на все…

Но, вопреки ожиданиям, двери гостеприимно распахнулись, и хозяйка, сияя улыбкой, пригласила дорогого гостя на утренний кофе. Секунду помедлив, рейхсфюрер приказал офицеру оставаться в коридоре, а сам последовал за Ольгой, вдыхая аромат ее духов.

Войдя в гостиную, Гиммлер увидел… фюрера, сидящего за столиком с непроницаемым лицом.

– Хайль Гитлер! – Рука Гиммлера самостоятельно, помимо его воли, взлетела в партийном приветствии. При этом скромный букетик ландышей выпал на пол…

– Доброе утро, Генрих, – натянуто ухмыльнулся Гитлер. – Вы и тут меня отыскали. Что-то случилось?

Запнувшись, Гиммлер начал нести какую-то несусветную чушь о наличии серьезных подозрений… о необходимости усилить меры безопасности… о повышении бдительности… о происках…

Гитлер слушал его, прикрыв глаза. Если до прошлогоднего покушения Штауффенберга у него подрагивала лишь правая рука,

то сейчас эта предательская дрожь перекинулась и на левую. Скрывая недуг, фюрер до боли, до белых костяшек, стискивал пальцами подлокотники кресла.

– Я полагаю… – предпринял еще одну попытку объясниться Гиммлер.

Но Гитлер не дал ему возможности продолжить. Он с трудом поднялся с кресла, задев непослушной ногой журнальный столик, на котором тонко звякнули кофейные чашечки. Покрасневшими глазами фюрер взглянул на соратника.

– Думаю, рейхсфюрер, ваш сегодняшний визит – не самая удачная ваша шутка… В своем рвении вы подчас выглядите нелепо. Я запрещаю вам впредь хоть на шаг приближаться к фрау Ольге, – тихо сказал он, но голос его креп с каждой фразой. – Я запрещаю вам распространять свои гнусные инсинуации о гордости Германии! Есть вопросы?.. Хайль! – Он слегка приподнял вялую ладонь, и Гиммлер испарился, словно его здесь и не было…

При прощании с Ольгой Гитлер был чрезвычайно мил. Поддерживая под локоток руку хозяйки, фюрер, улыбаясь, говорил:

– Я возьму, фрау Чехова, над вами шефство. Не то Гиммлер упрячет вас в свои подвалы. Представляю, какое у него досье на вас… Не сердитесь на него, он больше не будет. Обещаю вам.

Генрих Гиммлер всегда производил на Ольгу впечатление совершенно незначительной личности. Она посмеивалась (про себя, разумеется) над ним, однажды подметив: «Смахивающий на землемера на пенсии, со своим круглым мещанским личиком, он в основном молча топчется и явно чувствует себя не в своей тарелке».

Закрыв за фюрером дверь, Ольга тут же позвонила Еве. Ее номер не отвечал. Подумав минутку, попросила соединить ее с апартаментами фрау Зоннеманн.

– «Каринхале», пожалуйста…

* * *

Ах, как же хохотала Ольга, в который уже раз рассказывая милой, доброй Эмми о своем утреннем «приключении»!.. Сейчас, поздним вечером, в «Каринхале», кроме прислуги, никого не было. Гости, слава Богу, уже покинули замок, хозяин тактично удалился к себе, сославшись на неотложные дела, а потом и вовсе куда-то срочно умчался.

Дамы, оставшись вдвоем, не скучали. У Ольги был свой

повод, а Эмми – за компанию. Перебравшись в уютную комнату, предназначенную, по всей вероятности, именно для подобных случаев, они устроились за столиком с закусками и напитками.

– Скатерть-самобранка, – глядя на щедрое угощение, по-русски сказала Ольга.

– Что? – не поняла Эмма.

Чехова попыталась подобрать аналог в немецком, запуталась и махнула рукой: «А-а, не обращай внимания! На сцене это означает – «кушать подано!».

– Слушай, ты бы видела сегодня Гиммлера, как он, даже в шоке, пялился в мое декольте! – Ольга всхлипывала от смеха. – Он оцепенел не столько от упреков фюрера, сколько от моего бюста!.. Бедняжка, он, видимо, до сих пор не может отойти…

– Олли, когда женщина чересчур обнажается, Генрих обычно приходит в исступление, поверь мне, – успокаивала ее Эмма. – Но, думаю, этим «секретным оружием рейха» не стоит злоупотреблять. Побережем его для наших любимых мужчин.

– Прозит! – подняла бокал Ольга, с ногами забираясь на удобный диванчик.

– Ты не беспокойся, – чуть заплетающимся язычком промурлыкала Эмма, – шампанского нам хватит до утра. Хочешь, покажу тебе винные подвалы Германа? Можем пойти прямо сейчас. Как?..

– Не стоит, – качнула головой Ольга. – Во-первых, уже поздно. Во-вторых, сейчас там наверняка холодно… А вот летом от жары мы там будем спасаться…

Эмма нервно хохотнула: «Ладно, согласна. От жары и от диких русских солдат…» Но Ольга не отреагировала. Ей ни о чем, кроме сегодняшней истории, из-за которой и сейчас по спине временами пробегали мурашки, не хотелось говорить. Но Эмма не унималась. Мельком взглянув на Ольгины руки, она неожиданно трезвым голосом спросила:

– Эй, подруга, а где твое колечко?

– Какое именно? У меня их много… – Ольге хотелось казаться игривой и беспечной.

– То самое, стальное, которое тебе Крупп подарил. Неужели забыла?

– А-а, так я его не ношу. Оно же обручальное, а я, как тебе известно, женщина пока свободная… Храню до лучших времен. Хотя, думаю, они наступят еще не скоро.

Она отшучивалась, стараясь избежать скользкой темы. В прошлом году именно здесь, гостя у Герингов в «Каринхале», Чехова познакомилась с наследником великой династии Круппов Альфридом[35]. Ольга сразу решила пококетничать с магнатом:

– А я представляла вас несколько иным, герр Крупп.

– Каким же?

– Я так много слышала о вашей империи и была уверена, что во главе ее находится эдакий динозавр в летах, равнодушный ко всему, кроме денег. И кого же я вижу? Молодого, спортивного типа человека, для которого ничто человеческое не чуждо…

– Ну, во-первых, фрау Ольга, я лишь немногим более года возглавляю корпорацию. Так случилось, что мой отец после автокатастрофы тяжело заболел…

– Извините. Сочувствую. А что во-вторых?..

37-летний «король» металлургии Германии был польщен вниманием и комплиментами от этой потрясающей женщины, мечты любого арийца. Они немного поговорили о всяких разностях. Потом, узнав от Ольги, что ей еще никогда не доводилось видеть процесс выплавки стали, Альфрид предложил прекрасной фрау в ближайшие дни посетить один из своих заводов в Эссене.

…Демонстрируя гостье свои необозримые владения, Альфрид не забывал о необходимости все же поддерживать светский тон разговора. Он с нескрываемым удовольствием вспоминал о своих былых спортивных успехах, прежде всего, конечно, о «бронзе», завоеванной им на олимпийской регате в 1936 году, об особой методике тренировок, о соблюдении режима и прочей ерунде…

Впрочем, когда Ольга, зачарованная видом кипящей стали, остановилась у одной из печей, Крупп-младший столь же увлеченно принялся посвящать мадам в таинства изготовления сверхпрочной брони. Жаль, но особенности композиционных материалов, нитевидных кристаллов, дисперсии и матриц ее заинтересовали мало, и Ольга укоризненно покачала головой: «Альфрид, я же не на лекции». При этом улыбнулась, как неземная героиня «Мулен Руж» в объятиях питона. Продолжая следить за ярко-жаркой рекой кипящей стали, актриса мечтательно вздохнула:

– Будь моя воля, обязательно повелела бы отливать обручальные кольца для новобрачных из крупповской стали, а не из какого-то там золота или платины. Это был бы лучший символ прочности брачного союза и вечной любви…

Альфрид тотчас подозвал к себе мастера и отдал какие-то распоряжения. Сообразительный мальчик, мысленно похвалила его Чехова.

Вечером на банкете в честь выдающейся актрисы рейха взволнованный и гордящийся собой фон Крупп торжественно вручил фрау Ольге, «одной из редких женщин, способных по достоинству оценить красоту и надежность стали», изящное

кольцо от эссенских литейщиков.

– Кстати, Олли, – добавил он, когда они уже сидели рядом, – это кольцо сделано из того самого металла, который еще сегодня утром кипел в мартеновской печи. – Взамен магнат попросил о ничтожном одолжении: туре вальса. Танцевал он, надо признать, весьма прилично. Ольга оценила мастерство партнера и неожиданный подарок. «Это был красивый жест, Альфрид», – сказала она. Тем более что в тот день на заводе Круппа выплавляли новую сверхсекретную броню для «тигров».

Крупп-младший, наследник несметных сокровищ промышленно-финансовой империи, имел неоднозначную репутацию. С одной стороны, обладатель фантастических капиталов был фигурой неприкосновенной, но с другой… Он нередко ставил в тупик непредсказуемостью своих поступков и некоторыми странностями. Потомственный металлург Альфрид Крупп панически боялся огня. Тем не менее с утра до вечера пропадал в цехах, глядя сквозь синие очки в огнедышащие чрева печей.

От житейских невзгод обычно прятался в своем кабинете за наглухо запертыми дверьми. Порой он пропадал в своей добровольной «одиночке» целые недели, никого не подпуская. Просто лежал и рассматривал потолок. Альфрид целеустремленно боролся со сном, полагая, что он перейдет в вечный. С годами эта мания привела к хронической бессоннице, что только укрепляло его веру в собственное превосходство над теми, кто бездарно тратит половину отпущенного Богом и судьбой времени.

Ночами Крупп-младший сочинял бесконечные приказы, производственные инструкции и меморандумы. Он приучил себя писать в полной темноте, забираясь с головой под одеяло. На ощупь, вслепую, покрываясь потом, он совершенствовал свою каллиграфию. Но утром, с восходом солнца, Крупп уже был на «посту». Сидя на лавке у проходной, недремлющим хозяйским оком он наблюдал, как его рабочие бредут на смену…

Обладая обостренным обонянием, Альфрид разделял все запахи на добрые и злые. Спектр первых был необычайно широк – от конского навоза до аромата женщины. А ко вторым он, прежде всего, относил зловоние собственного ядовитого дыхания…

После банкета, провожая Ольгу к автомобилю, Крупп предложил ей еще раз посетить его владения:

– У меня, заверяю вас, найдется еще множество тайн и секретов для вас.

– Как у Аладдина? – усмехнулась Ольга.

– Что-что? – не понял Крупп.

– Да нет, ничего, – ответила Чехов. – Я просто неловко пошутила. Сим-сим, откройся…

* * *

…Сырым мартовским вечером немало было выпито не только в «Каринхале». В бункере своей виллы «Ам Доннерстаг» рейсхфюрер СС Генрих Гиммлер глушил стакан за стаканом, не ощущая ни вкуса, ни запаха, самый обычный шнапс.

Сегодня его впервые публично, в присутствии этой паршивой русской овцы, сталинской сучки, оскорбил фюрер!.. Его, человека, который придумал самое изысканное из всех подобострастных обращений к Гитлеру – «мой фюрер!»… Его, который…

А ведь Кальтенбруннер заверял, что эта Чехова стопроцентно является русским агентом. То, что не хватало прямых улик, – ерунда! На допросах Эрнст ее бы непременно «расколол». Он это умеет. Теперь уж не успеть…

Берлин – Москва, апрель – июль 1945 года

Последние дни войны застали Ольгу и ее домочадцев в Кладове. Там у них было оборудовано собственное бомбоубежище: 36 ступенек вниз, под землю, скамеечки вдоль стен, запас свечей, небольшой запас съестного и воды. Во время авианалетов бункер напоминал Ноев ковчег, сюда сбегались ближайшие соседи – господа из швейцарского Красного Креста, афганский посланник, семейство Раддатцов, коллеги по театру.

Бомбежки проходили с завидной регулярностью. «Как в школе, все по расписанию, – шутил один из соседей, старый учитель математики. – Урок, переменка – и снова урок. Дождаться бы большой перемены. А еще лучше каникул…»

Ни у кого не было сомнений в неизбежности скорой развязки. Каждый торопился высказать свое по поводу близкого будущего, и в итоге все приходили к мнению, что плен у «ами» все-таки будет более терпимым, чем у «ивана».

– …Как все-таки обидно и глупо умирать весной, – раздался в темноте чей-то глуховатый голос. Из-за непрерывного грохота и воя было трудно угадать, кто именно говорит. Кажется, это была Зина Рудов, давняя русская подруга Ольги. – Я еще понимаю: осенью, в дождь и слякоть, или зимой, в метель и стужу… Вот вроде бы самое подходящее время для смерти. Но весной… Сволочи.

– Кто? – отозвалась хозяйка бункера.

– Да все подряд, – прозвучал новый голос. – И Гитлер, и Сталин, и тот же Черчилль… Все, кто считал, что именно он правит миром…

У Ольги в душе все же теплилась надежда на то, что русские не будут проявлять чрезмерную жестокость в отношении к своим вчерашним соотечественникам. Во время «большой перемены» она, на всякий случай, выставила в библиотеке, использовав заднюю стенку самого большого шкафа, целый иконостас из своей коллекции старых «досок». Потом, посоветовавшись с сестрой, ночью зарыла в саду под клумбой железную коробку с ювелирными украшениями, антикварными вещицами и столовым серебром…

Ну вот и дождались. У дома появились первые советские солдаты – грязные, прокопченные гарью, голодные и злые, так похожие на всех солдат последних дней войны – в том числе и тех, что откатывались на запад…

Ольга поздоровалась с солдатиками по-русски. Их настороженные лица вытянулись от удивления. Но приглашения проходить в дом им не требовалось. Они по-хозяйски осмотрели все помещения в поисках дезертиров и юнцов-фольксштурмистов. В библиотеке рыжий русский командир, засмотревшись на иконы, обернулся к Ольге:

– У вас тут церковь, что ли?

Хозяйка дома молча пожала плечами и на всякий случай кивнула: «Почти…»

Вот и первый допрос. Он длится не более пяти минут. Конечно, Ольга вызывает подозрение. Если русская, так почему она здесь? Чем занималась при фашистах? Судя по всему, не бедствовала, домина – будь здоров, во дворе – гараж, кладовка для харчей тоже не пустая… Как будто ясно.

– Что тут долго возиться? – хмыкает один из самых бойких, поправляя автомат на груди. – Шлепнем эту бабу. В штабе скажем, что она жена какого-нибудь фашиста. А родня ее потом закопает в саду, и дело с концом…

Слава Богу, в момент «вынесения приговора» в комнате появился офицер, подзадержавшийся в библиотеке. «Иванцов, в чем дело?» – спрашивает он у солдата. Ольга пытается что-то объяснить человеку в погонах, называет себя, Аду и внучку. Представляясь на всякий случай, с особым нажимом говорит: «Мое имя – Ольга Книппер-Чехова».

Долговязый, рыжий офицер морщится, что-то мучительно вспоминая. Он, похоже, где-то слышал эти редкие фамилии. Потом задает дежурный вопрос: «Родные у нас, в Союзе, имеются?» – «Ну, конечно! – воодушевляется Ольга. – Моя тетя – Ольга Леонардовна – живет в Москве, она актриса МХАТа, то есть, – вовремя уточняет она, – народная артистка СССР, лауреат Сталинской премии, понимаете, Сталинской премии. Она была женой Антона Павловича Чехова, писателя. Вы, наверное, знаете, господин офицер, – Ольга теряется, – ну, «Каштанка», «Чайка», «Вишневый сад»…

– А что же вас сюда-то, в Германию, занесло?.. – недоуменно спрашивает он. Но «тихий ангел» уже прилетел. Офицер хмурится, потом принимает решение и приказывает: «Так, Иванцов, Герасимов, остаетесь здесь до особого распоряжения. Я пока свяжусь…»

Ближе к вечеру к дому подъехал армейский автомобиль. Перед Ольгой распахивается дверца, ее приглашают в машину, разрешая взять с собой документы и что-нибудь из личных вещей. Вся в слезах, она прощается с домашними. Всем им кажется, что навсегда.

– В штаб, – коротко скомандовал старший, с большими звездами на погонах, когда все церемонии закончились. Машина отправилась в путь.

Вскоре Ольга узнает пейзажи берлинского предместья – это же Карлсхорст. Видимо, сейчас здесь расположилась какая-то советская часть. Здесь ее заводят в какую-то большую комнату, на время оставляют наедине с вооруженным часовым. Проходят томительные минуты, неопределенность положения пугает, но Ольга гонит прочь все дурные мысли и мелко-мелко крестится. В этот момент в комнату как раз заходит небольшая группа офицеров. Один из них представляется: «Полковник СМЕРШа Шкурин». Он задает странные для Ольги вопросы, в который уже раз уточняет ее биографические данные… Затем все опять уходят. Часовой по-прежнему стоит у двери. Все происходящее ей кажется каким-то нереальным, позаимствованным сюжетом из мистического фильма Мурнау.

Поздним вечером Чехову вновь куда-то долго везут в сопровождении двух вооруженных солдат и малоразговорчивого офицера. Дорога оказалась неблизкой. Как позже выяснилось, они добирались в Познань. Из города ее перевозят куда-то на окраину. Здесь, на летном поле военного аэродрома, заставляют пройти в транспортный самолет и желают своим товарищам счастливого полета.

Куда она летит? Что ее ждет? Тюрьма? Лагерь? Расстрел? Ну, уж никак не сцена, понимает Ольга Константиновна. Полет длился долго, два-три часа, самолет жутко трясет. Вновь аэродром. В темноте Ольгу ведут к какому-то отдаленно знакомому своими очертаниями автомобилю. Тут Чехову принимают новые люди в армейской форме и вежливо приглашают Чехову в салон: «Пожалуйста, сюда».

Тут же «Хорьх» (конечно же, это «Хорьх», как она не могла сразу узнать эту марку?) срывается с места. Больше часа они в полном молчании сначала летели по шоссе, окруженному темным лесом, потом кружили по улицам большого города, пока не остановились у старого, сравнительно высокого дома, и сопровождающий офицер, который за время пути не произнес ни слова, говорит ей: «Нам сюда».

Поднявшись на второй этаж, вошли в квартиру. Встретившая их женщина предложила им располагаться в гостиной, а сама куда-то удалилась. Комната как комната: небольшой столик в углу, рядом две табуретки, на стенах фотографии. Посредине комнаты – овальный стол, уже побольше, окруженный стульями. Через несколько минут хозяйка появилась в комнате с подносом в руках:

– Чай, пожалуйста…

Кроме бледного чая, на столе появились тарталетки с салом и прожаренные сухарики. Затем офицеры откланялись, пожелав на прощанье: «Отдыхайте с дороги, Ольга Константиновна. Вера Ивановна позаботится о вас. До завтра».

Немногословная женщина проводила Ольгу в комнату, потом показала, где находятся туалет, душевая, две остальные комнаты и кухня. На кухне, как оказалось, остался один из встречавших Ольгу молодой человек. Он скромно назвался Виктором и на всякий случай объяснил свое присутствие: «Мало ли что понадобится…»

Ольге, в общем-то, все равно. Она лишь зябко передернула плечами. «Прохладно у нас, – жалуется Вера Ивановна, – ни угля, ни дров нет. Но обещали обеспечить». «Обязательно», – подтверждает Виктор.

Уже в «своей» комнате Ольга, вконец обессиленная и перелетом, и сумрачными, неясными предчувствиями, опустившись на кровать, чуть ли не до пола проваливается вместе с панцирной сеткой и мгновенно засыпает.

* * *

Утром Чехову будит все та же заботливая Вера Ивановна и на всякий случай предупреждает: «Чистое полотенце в ванной, на гвоздике. Завтрак на столе в кухне. Поторапливайтесь, Ольга Константиновна. Скоро у вас будут гости».

– Ольга Константиновна, я – начальник Главного управления контрразведки СМЕРШа, комиссар государственной безопасности Абакумов[36] Виктор Семенович. – Перед Чеховой стоял высокий, стройный мужчина в форме. – Как добрались, без проблем?

– Спасибо, Виктор Семенович, все в порядке, – обезоруживающе улыбнулась Чехова. – Кстати, а где я нахожусь? Полет был таким долгим…

– Как, а разве вам не сообщили? Странно… – фальшиво удивился Абакумов. – Вы в Москве, Ольга Константиновна, у себя на родине.

К такому повороту событий Чехова, в общем-то, была готова.

– Я вас слушаю, – произносит она безразличным тоном.

– Вообще-то, это я вас хотел послушать, фрау Ольга. – Абакумов тоже сменил интонацию и теперь без улыбки, в упор смотрит на женщину неподвижными глазами. – У нас к вам немало вопросов…

«Где вопросы, там допросы», – про себя каламбурит Ольга и

обреченно говорит:

– Задавайте, пожалуйста. Я готова отвечать…

– Начнем с вашего отъезда в Германию, – предлагает Абакумов.

– О, это целая одиссея, – невесело откликается Ольга и тут же спрашивает: – Меня в чем-то подозревают?..

Комиссар неопределенно пожимает плечами и напоминает:

– Итак, вы подали прошение о необходимости выезда в Германию…

– Да.

Беседа продолжалась долго. Время от времени Виктор Семенович задавал ей уточняющие вопросы, что-то помечал в своем небольшом блокнотике. Часа через два или три Абакумов все-таки решил сделать перерыв: «Продолжим завтра, Ольга Константиновна. Отдыхайте. Если вам что-либо понадобится, мои люди все сделают. Просьба: не выходить на улицу и не пытаться связаться по телефону с родными, близкими или знакомыми. Договорились?» Ольга согласно кивает: «Конечно».

В соседней комнате остались офицеры Абакумова. Нет слов, они предупредительны, улыбчивы, вежливы. Вполне прилично говорят по-немецки, один из них даже по-французски. Они приносят, по просьбе «узницы золотой клетки», книги, свежие газеты, иногда деликатно предлагают сыграть с ними в шахматы. Лучше уж в фанты, как-то ответила им Ольга и впервые за последние дни улыбнулась…

В «Известиях» на последней полосе Ольга обнаружила театральный репертуар Москвы. Знакомые названия пьес, авторов… Горький, Островский, Чехов… А вот и совершенно неизвестные драматурги – Погодин, какой-то Корнейчук, некто с совсем уж диковинной фамилией – «Билль-Белоцерковский».

– А что, Художественный театр уже работает? – спрашивает она у своих стражников.

– Разумеется, Ольга Константиновна, – отвечает подтянутый, щеголеватый молодой человек, внешность которого, однако, несколько портят тонкие усики. – В начале войны театр со всеми артистами был в эвакуации, в Саратове. В 42-м, кажется, все вернулись, и с тех пор каждый вечер во МХАТе спектакли, зрителей полным-полно. Ваша тетушка, Ольга Леонардовна, – проявляет он свою осведомленность, – как всегда, на высоте…

– Дай-то Бог.

Днем в квартиру доставили вязанки дров и уголь в мешках. Потом занесли большой пакет с продуктами. Офицеры, отдав какие-то дополнительные инструкции хозяйке, на какое-то время отбыли. Потом они возвращаются, и все повторяется вновь:

разговоры о том о сем, газеты, книги, шахматы… Ночное дежурство, по всей вероятности, возлагается на бдительную Веру Ивановну и Николая, сменившего Виктора.

После «трудов праведных» женщины чаевничают на кухне, а Николай деликатно удалился покурить на лестницу. За разговорами Ольга узнает, что муж Веры – боевой офицер, командир, был на фронте с первых дней войны. Но последние три месяца от него не было писем. А на днях ей пришло извещение, что ее Борис пропал без вести. Не «похоронка», конечно, но… Ольга пытается утешать: «Без вести – это же не означает, что он погиб…» Но Вера только всхлипывает и вскоре уходит к себе. Тихая, пришибленная жизнью женщина, да еще с двумя ребятишками на руках…

Утром все повторяется вновь. Вопросы, ответы, новые вопросы…

Поздним вечером Ольга наконец остается наедине с собой. Долгожданные, драгоценные минуты, приблизиться к которым она стремится с момента пробуждения, уже с той минуты, когда выходит в коридор, встречает Веру или ее ребят и говорит им: «Доброе утро».

И вот только сейчас она одна, и ей никто не задает никаких вопросов. Теперь вопросы задает она, сама себе. Что с ней происходит?..

Из-под диванного валика она извлекает заветный блокнот, в котором с первого дня завела дневник. Перечитывает последнюю запись: «С 1-го мая я нахожусь в запертой комнате. Для чего? Я кажусь игрушкой, которую нашли на дороге и подобрали, но никто не знает, что с ней делать. Играть нет времени, но бросать не хочется. Неутешителен вид из окна на фабрику с разбитыми стеклами. За что я страдаю?..»

Разумеется, Ольга вела свои записи вовсе не из сентиментальности. Она не была наивным человеком и прекрасно понимала, что ее дневничок рано или поздно непременно обнаружат стражники, и писала именно в расчете на то, что ее записи спровоцируют «хозяев» на то, чтобы они поскорее открыли карты ее судьбы…

Она не ошибалась. «Тайник» с первого дня был элементарно вычислен, соглядатаи ежедневно просматривали дневник, копировали записи и передавали по инстанциям. Однако на «провокации» Чеховой чекисты не поддавались. Да и какими они были провокациями? По окончании «московских каникул» актрисы генерал-майор Утехин, готовя рапорт начальству, умудрился извлечь лишь один «крамольный» фактик: «Будучи в Москве, Чехова вела дневник на *немецком языке*. Секретным

изъятием и просмотром дневника было установлено, что в дневнике Чехова записывала свои впечатления от пребывания в Москве».

Через несколько дней «заточения» привычный распорядок претерпел изменения: вечером дежурные офицеры пригласили Ольгу на прогулку. Правда, не на пешеходную, а на «Виллисе» с зашторенными окнами. Выбравшись через некоторое время из машины, Ольга сразу обнаружила знакомый городской пейзаж: старая Лубянская площадь. Но на то, чтобы толком оглядеться, ей не дают ни минуты.

– Виктор Семенович ждет, – предупреждают Чехову офицеры и вежливо провожают к тяжелым дверям.

Абакумов, как всегда, корректный и собранный, пригласил присесть и вежливо поинтересовался:

– Как ваше самочувствие, Ольга Константиновна?

– Все хорошо, Виктор Семенович, спасибо.

– Чай, кофе, бутерброды?

– Спасибо. Ночью я, как правило, придерживаюсь строгой диеты.

– Ах да, конечно. Имеются ли у вас какие-либо просьбы, пожелания? В пределах разумного, конечно…

– Просьба у меня одна-единственная: дать мне возможность повидаться с тетей и братом Львом. Я хотела бы убедиться, что у них все в порядке, что они (прежде всего тетя) ни в чем не нуждаются.

– У них все в порядке, не беспокойтесь, Ольга Константиновна. Но встречи пока нежелательны, они могут повредить и им, и вам. К тому же у нас с вами еще очень-очень много дел…

– Тогда, может быть, вы разрешите мне передать Ольге Леонардовне хотя бы какую-нибудь весточку, намекнуть, что я жива и здорова…

– Мы подумаем. Вам сообщат, – суховато, даже немного раздраженно ответил Абакумов и сделал очередную пометку в своем блокноте.

– У вас остались вопросы ко мне, Виктор Семенович?

– Конечно. В прошлый раз мы остановились на встрече с Муссолини[37]…

– Как вам угодно. Я встречалась с дуче только в официальной обстановке, во время государственного приема в его честь в мюнхенском Доме искусств. Там я была вместе с дочерью Адой, она тоже значилась в приглашении. Добирались мы с большим трудом, так как все улицы были перекрыты.

В зале приемов нас с Адочкой усадили неподалеку от

центрального стола. Когда все уже собрались, появился Муссолини в окружении многочисленной свиты. Дуче сопровождали, насколько я помню, его зять граф Чиано (он в то время был министром иностранных дел Италии), посол граф Аттолико и большое количество военных.

– Какое впечатление на вас произвел Муссолини?

– Двойственное, Виктор Семенович, одним словом не ответить. Поначалу он показался мне отвратительным. Самодовольным, злым и высокомерным. Когда я пригляделась к нему внимательнее, то обнаружила, что его патрицианская голова могла бы быть слепком с черепов древних римлян: мощный лоб, широкая квадратная челюсть, выдающаяся вперед. Его лицо было, на мой взгляд, гораздо живее и выразительнее, чем у Гитлера, который постоянно старался сохранять каменную маску…

Потом была скучная трапеза под аккомпанемент бесконечных речей фюрера о феноменальных открытиях немецких ученых, о синтетическом чулочном волокне, кажется, о каких-то других изобретениях, которые осчастливят человечество, затем последовали пространные философские рассуждения об искусстве, религии, о чем-то еще. Было видно, что прирожденному оратору Муссолини, вынужденному в данный момент молчать, откровенно говоря, безумно скучно. Он машинально посматривал на часы, думал о чем-то своем. После очередного тоста в честь нерушимой дружбы Германии и Италии приглашенные на банкет гости стали разбредаться по разным залам. Один из адъютантов дуче пригласил меня пройти в небольшой шатер, где уже находился сам Муссолини с частью своего окружения. Там мы пили крепкий кофе, вели светские разговоры.

– О чем же?

– Как ни странно, на самые отвлеченные темы. Например, об исторических судьбах русского и немецкого театров. Кстати, во время нашей беседы с Муссолини улетучилась вся его демонстративная сановность, и он оказался довольно образованным и начитанным собеседником. О политике не было произнесено ни слова. До появления Геббельса с супругой. Рейхсминистр, бесцеремонно усевшись за наш столик, что-то насмешливое сказал графу Чиано. Что именно, я не разобрала. Но увидела, как итальянец резко встал и немедленно покинул салон. Я почувствовала, что назревает неловкая ситуация, и, деликатно сославшись на легкое недомогание, тоже поднялась и ушла вместе с Адой. Вот, собственно, и все. Больше с Муссолини я не встречалась, Виктор Семенович.

Абакумов произнес пару слов куда-то в сторону, Ольга не

поняла, обернулась – и только сейчас заметила сидевшего в темном углу кабинета молодого офицера, который, вероятно, стенографировал беседу. Он живо вскочил и, видимо, подчиняясь команде генерала, быстро оставил кабинет.

– Хорошо, Ольга Константиновна, не стану больше терзать вас вопросами. Отдыхайте. До завтра. Мои люди вас доставят на квартиру Веры Ивановны…

В дневнике Чеховой появилась очередная запись: «Сегодня ночью я должна… ехать в третий раз к генерал-полковнику… У меня такое впечатление, что он не знает, что со мной делать. Меня доставили сюда по политическим «подозрениям». Я в этом уверена. Как это комично…»

Еженощными беседами с Абакумовым «дознание» не ограничивалось. Днем офицеры, ведя обыденные разговоры – о кино, погоде, театре, литературных новинках, кулинарных рецептах, о светской жизни в Германии, задавали Ольге и иные вопросы. Прежде всего их, конечно, интересовал Гитлер, какие-то интимные подробности.

– Поверьте, я вам клянусь: все слухи, которые обо мне распространяют, позаимствованы из дешевых романов, – уверяла она своих собеседников. – Когда я слышу, что я была в близких отношениях с Гитлером, мне становится просто смешно. Каким образом и почему рождаются эти сплетни? Кому нужны эти интриги? Кому выгодны? Невероятная и подлая клевета все это, вранье…

Однажды Чехова попытались перехватить инициативу и предложила своим визави заглянуть в завтрашний день:

– Вот закончилась война. Все счастливы… Ну, не все, конечно, но многие. Пора возвращаться к мирной жизни. Вы по-прежнему останетесь в армии или у вас имеются какие-то другие намерения?

– А что ждет вас, Ольга Константиновна, вы задумывались? – задал встречный вопрос офицер, который ранее представился ей Евгением.

– О, тут все туманно. Как мне кажется, вряд ли я буду нужна кому-либо здесь, в России. Все мои самые близкие люди живут в Германии. Если мне позволят вернуться туда, постараюсь продолжать работать. Вернее, буду пытаться это делать. Хотя уверена, что там меня наверняка ждет что-то вроде остракизма.

– Почему?

– Понимаете, с одной стороны, меня будут ненавидеть люди, которые помнят, что во времена Гитлера я жила достаточно неплохо, пользовалась различными привилегиями, была далека от той реальной жизни, которой жили рядовые немцы в воюющей

стране. У них я навечно останусь костью в горле… С другой, меня будут ненавидеть те, кто поддерживал и будет продолжать втайне поддерживать нацистов. Они ненавидели меня раньше только за то, что я ношу русскую фамилию, хотя я, по сути дела, фольксдойч. Вот эти люди и будут меня всячески шельмовать… Они и прежде завидовали мне, распускали всевозможные грязные домыслы. Поверят ли мне остальные? Время покажет…

Под утро, вернувшись с нового «рандеву», Ольга Константиновна «оформила» очередной отчет о последних событиях: «В два часа ночи была у генерал-полковника. В три часа ночи поехали по ночной Москве и направились за город… Сказочно красиво. Говорили о том, что мне делали пластические операции, а я это скрываю… Все офицеры и обслуга обходительны, вежливы и внимательны… Меня здесь балуют и выполняют все мои прихоти. Прислали лучшего парикмахера, вино, продукты, икру, лимоны… Достаточно было одного моего намека, что Оля, оставшаяся в Берлине, может быть, нуждается в продуктах, как это уже урегулировали. У меня есть радиоприемник, цветы, духи, лучшие книги…»

Следующая встреча с генералом оказалась совсем непродолжительной.

– Насколько нам известно, в 1938 году вы принимали участие в приеме в честь короля Югославии Петра II, общались с ним. О чем шла речь во время этой встречи, какие проблемы поднимались?

– Виктор Семенович, ну вам ли не знать, – заметила Ольга с легкой укоризной, – что официальные приемы – это сугубо светское мероприятие, никаких серьезных разговоров на них не ведется…

«Вам ли не знать…» Вот же сука! – едва не сорвалось с языка у Абакумова. – «Вам ли не знать…» Знала бы ты, что перед тобой сын истопника и жалкой прачки, что дальше четырехклассного образования твой генерал так и не пошел… Знала бы ты, паршивка, о том, что начинал я свою «карьеру» санитаром в ЧОНе и только потом «поднялся» до рядового вохровца… Знала бы ты, что ценили меня, главным образом, за мои чугунные кулаки…»

– …Король Югославии был тогда с супругой, – не замечая раздражения на лице генерала, погружалась в свои воспоминания о славных прежних временах Чехова. – Празднества продолжались, если я не ошибаюсь, дня четыре. Сначала монарха принимал Гитлер, потом все отправились на оперу Вагнера. На следующий день состоялся прием на даче у Геббельса в Ланке. А в Шалоттенбургском дворце прием организовывал уже Геринг. Вот уже где было настоящее театральное действо! Все залы во

дворце освещались старинными люстрами со свечами. Столы украшал изумительный старинный фарфор, дорогой хрусталь, изумительные цветы. Большинство гостей щеголяли в костюмах времен Фридриха Великого… После ужина я была представлена югославскому королю, потом с ним и его супругой мы вместе сидели в саду. Говорили о моих фильмах, гастролях, я рассказывала им о Московском Художественном театре. Петр II приглашал меня посетить Югославию… Вот, собственно, и все…

– А в каких отношениях вы были с Мартином Борманом[38]?

– Я с Борманом? – удивилась Чехова. – Ни в каких. Я его видела всего лишь однажды в «Бергхофе».

– Вот как? – в свою очередь выказал удивление Абакумов. – А вот нам известно, что именно Борман предлагал Гитлеру познакомить его с вами. Это было, если я не ошибаюсь, как раз когда вы вернулись из Америки… Он даже организовал показ одного фильма с вашим участием специально для Гитлера. Кажется, это был «Мулен Руж».

Как информировали наши друзья, увидев вас на экране, Гитлер якобы шутливо погрозил Борману пальцем и… – Абакумов достал из серой папки какую-то бумагу и с листа прочел: – Сказал примерно следующее: «А ты обманываешь меня, Мартин. Насколько мне известно, русские бабы толстые и скуластые. А эта – настоящая арийка!..»

– Увы, – улыбнулась Чехова, – мне об этом ничего не известно. А вот Ева Браун рассказывала, что Гитлер впервые увидел меня на экране в фильме «Пылающая граница» и моя картина ему очень понравилась. В прокате фильм появился в 1927 году, гораздо раньше «Мулен Руж». Так что получается, что Борман к моим так называемым отношениям с Гитлером не имел никакого отношения и ваши «друзья» ввели вас в заблуждение.

– Ну-ну, не горячитесь, Ольга Константиновна. А теперь вас ждет Лаврентий Павлович, – сказал Абакумов и, увидев невысказанный Чеховой вопрос, пояснил: – Товарищ Берия…

Москва, май 1945 года

Ольга Леонардовна Книппер-Чехова, выгнав к чертовой матери неумеху-гримершу, сама принялась подкрашивать ресницы, нанося последние штрихи, чуть ли не впритык приблизившись к зеркалу. Глаза уже давали слабину, да и со слухом иной раз возникали сбои. Но актриса упорно сопротивлялась возрасту и сопутствующим ему болячкам.

Сегодня с самого утра она была не в себе. С той самой минуты, когда почтальон доставил ей странную посылку: «Распишитесь!» Обратного адреса не было. Вскрыв посылку, она в ней обнаружила записочку от своей берлинской внучки Ады Чеховой-Руст, передававшей привет мамочке, которая в такой спешке улетала в Москву, что даже забыла часть вечерних туалетов. Как, кстати, проходят ее гастроли на сцене Художественного театра? Надеюсь, с успехом?..

Из тугого посылочного пакета прямо на пол легкой струйкой скользнули роскошные шелковые наряды, перчатки и прочие дамские аксессуары.

Ольга Леонардовна всплеснула руками: какие еще гастроли? Какой МХАТ? Сегодня в театре – «Вишневый сад», и на сцене она, Книппер-Чехова, в роли Раневской!.. Однако записка все же по-прежнему лежала перед глазами, туалеты валялись на полу… Что происходит, в конце концов? Она по памяти набрала телефон Василия Ивановича Качалова[39], друга сердечного на протяжении бесконечного количества лет.

– Васенька? Доброе утро, дорогой! Послушай, Васенька, ты не мог бы сейчас подъехать ко мне, так, по-соседски?.. Нет, конечно, в театре мы тоже увидимся. Но дело неотложное, нужно срочно посоветоваться, а то ведь я и до вечера не доживу… Спасибо, милый. Жду.

Опустив тяжелую эбонитовую трубку на рычаги, Ольга Леонардовна обратила внимание, что у нее чуть подрагивают пальцы. Этого еще не хватало! Вскоре в прихожей загромыхал изумительный, волшебный бас Качалова, сводивший с ума батальоны околотеатральных девиц: «Ну, так что тут у тебя происходит, Олюшка? Из-за чего сыр-бор?» Как всегда, он вручил хозяйке букетик цветов (когда только успел приобрести?), поцеловал руку, унизанную перстнями с сапфирами и бриллиантами.

Поморщился от папиросного дыма: «Оль, ну сколько можно? Прямо с утра так начадила…» Дознавшись о причинах переполоха, Качалов раскатисто захохотал: «Дурища ты, Ольга,

ей-богу! Ну что ты паникуешь? Сейчас все выясним. Первое. Гастроли Ольги Чеховой в Москве на сцене нашего с тобой любимого Художественного? Чушь собачья! Смотри, я набираю номер… Директора в театре сегодня нет, зато есть заместитель…»

– Ал-л-ле! Здравствуйте, это Качалов говорит. Послушай, милый, а что у нас намечается на май – июнь? Все по плану? Гастролеров не ожидаем? Да я просто интересуюсь, надо как-то с отпуском определяться… Что? Ну, спасибо, дорогой. Все понял. До встречи…

– Ясно тебе, Оленька? Или мало? Тогда уточним, где ныне пребывает твоя ненаглядная племянница. Канал информации у меня наинадежнейший, старинный приятель… Ал-л-ле! Здравствуйте, девушка, здравствуйте, милая. Народный артист Качалов вас беспокоит. Да-да, тот самый. Неужели не узнали? Ах, узнали, только волнуетесь… Спасибо, красавица. Помогите мне, пожалуйста. Срочно нужно переговорить с комендантом города Берлина, генерал-полковником Берзариным[40] Николаем Эрастовичем. Да-да, с Берзариным, тем самым, Героем Советского Союза. Поможете? Чудесно! А вечерком загляните в театр, спросите в кассе контрамарку для вас на мое имя. Да, будет «Вишневый сад»… А вас как зовут? Лёля? Чудное имя! На какой номер соединить? Диктую… Жду…

Василий Иванович с победной улыбкой оглянулся на притихшую Ольгу Леонардовну, хотел что-то сказать, но в этот момент раздалась пронзительная трель телефона.

– Алл-ле! Да, Николай Эрастович, это я, Качалов. Здравствуй, дорогой. Прежде всего, я тебя поздравляю с новым званием и наградой. Так держать! Конечно, при встрече… Да у меня все в порядке, не волнуйся… Но тут есть к тебе вопрос один, извини, частного порядка… Коль сегодня, Коль, ты – комендант всея Берлина, тебе должно быть известно, что там проживает наша с тобой славная соотечественница Ольга Константиновна Чехова. Да, та самая, актриса… Что с ней, не знаешь? А то тут ее тетушка волнуется, места себе не находит… Так… Так… Так… Я все понял, Николай Эрастович. Не смею беспокоить…

Качалов осторожно водрузил трубку на место, вошел из коридора в комнату непривычно растерянный, огорошенный и постаревший. Весь барский лоск исчез с его лица, словно грим под влажной губкой гримера.

– Что случилось, Васенька?

– Да ничего. Ну и втравила ты меня, Ольга Леонардовна, ох и втравила. Таких слов в свой адрес я уже полвека, пожалуй, не слыхивал…

– А что сказал твой генерал?

– Ну, всего я тебе, пожалуй, повторять не буду… Но суть такова: мой тебе совет, Василий Иванович, никогда и никому никаких вопросов об этой Ольге Чеховой больше не задавай. Я о ней ничего не знаю и знать не хочу. Дальше дословно: «Не звоните мне больше, Василий Иванович. Лучше будет, если вы забудете об этой персоне…» Вот так. Ладно, Олюшка, не расстраивайся, успокойся, все образуется… До вечера.

Конечно, профессия требовала от Ольги Леонардовны максимальной сосредоточенности, концентрации внимания и на сцене, и вне нее. Ведь, кажется, именно это проповедывал Миша Чехов в своем учении («списки» его американских лекций ходили по Москве, и друзья вручали их Книппер «под грифом «секретно» – «на один вечер, Ольга Леонардовна… только до утра… завтра уже нужно будет отдать…»). Чему же такому ее Мишка учил своих «послушников»? Рассматривать рисунок обоев, картину, предмет, ландшафт… Прислушиваться к какому-нибудь звуку… Слушать двух читающих одновременно и переносить свое внимание поочередно с одного к другому… Придумать ряд занятий самого разнообразного характера – например, рассматривание журнала с картинками, слушание музыки, танцы, арифметические вычисления в уме, игру в жмурки – и далее быстро переходить от одного занятия к другому по команде кого-нибудь со стороны… Слушая игру на рояле или хоровое пение, сосредоточиться мысленно на каком-нибудь постороннем мотиве… Большинство упражнений не требуют специального времени для своего воплощения. Их можно выполнять на ходу, на улице, между делами, нужно только приучить себя к тому, чтобы ни одна минута не пропадала даром, без упражнения…

Мишка задумал переплюнуть самого Станиславского, создать свою универсальную «систему»? Забавно… Однако порой актриса ловила себя на том, что, независимо от своей воли, пытается следовать рекомендациям беспутного племянника Антона Павловича, учиться концентрироваться.

Вот и сейчас, стоя за кулисами, она тренировала свое внимание, пристально наблюдая за зрителями, которые постепенно заполняли зал. Как обычно, среди мужчин преобладали люди военные, с орденами. Их спутницами были прекрасные женщины, как будто расцветшие после войны… Однако сегодня от Ольги Леонардовны не укрылось подозрительно большое количество «людей в штатском». Она безошибочно вычисляла их в любой толпе. Как выражалась актриса, по чрезвычайному остроглазию… Но почему их так много? Как правило, так бывало в ожидании визита в театр кого-либо из высоких правительственных особ, военачальников,

представителей иностранных дипломатических миссий. Но администраторы ни о ком таком не говорили, ничего не знают. Или прикидывались, что не знают…

Свои сцены Ольга Леонардовна уверенно «вела» по раз и навсегда закрепленным во время репетиционного периода «лекалам», лучшим из многих вариантов мизансцен, включая интонации, движения, жесты, гримасы, паузы. Именно это было классом, а не ремесленничество, выдаваемое за импровизацию.

Но в третьем действии Раневская-Книппер вдруг почувствовала какое-то необъяснимое волнение, и во время диалога с Трофимовым она неожиданно для партнера отвернулась, приблизилась к рампе и стала неотрывно всматриваться в зрительный зал, перебирая лица, одно за другим. На мгновение даже дрогнула и чуть качнулась. Но тут же очнулась, как от наваждения, спохватившись, взяла себя в руки и, обыграв свой сбой будто бы возникшим отчуждением от этого недотепистого Пети Трофимова, вечного студента, болтуна с гонимой, заблудшей душой, вновь стала Раневской. Только самые искушенные театралы заметили, что со сцены заговорила не героиня чеховской пьесы, а усталая, стареющая, но все еще сильная женщина:

«Вы видите, где правда и где неправда, а я точно потеряла зрение, ничего не вижу. Вы смело решаете все важные вопросы, но скажите, голубчик, не потому ли это, что вы молоды, что вы не успели перестрадать ни одного вашего вопроса? Вы смело смотрите вперед, и не потому ли, что не видите и не ждете ничего страшного, так как жизнь еще скрыта от ваших молодых глаз? Вы смелее, честнее, глубже нас, но вдумайтесь, будьте великодушны хоть на кончике пальца, пощадите меня. Ведь я родилась здесь, здесь жили мои отец и мать, мой дед, я люблю этот дом, без вишневого сада я не понимаю своей жизни, и если уж так нужно продавать, то продавайте и меня вместе с садом…

У меня сегодня тяжело на душе, вы не можете себе представить. Здесь мне шумно, дрожит душа от каждого звука, я вся дрожу, а уйти к себе не могу, мне одной в тишине страшно…»

– Молодец, – нежно пророкотал Качалов, встречая ее за кулисами. – Это было что-то новенькое… Хотя за подобные экспромты у нас, как ты знаешь, по головушке не гладят.

– Васенька, ты можешь мне не поверить, но в зале, кажется, была Оля…

Берлин, июль – август 1945 года

26 июля Ольгу Чехову спецсамолетом возвратили в советский сектор оккупированного Берлина. Вот она и дома. Верит и не верит в собственное спасение… Неужели вновь, как когда-то в детстве, где-то в саду залаяла собака, и шакал, испугавшись, выпустил из пасти свою добычу и скрылся в кустах?..

По совету московских «друзей», чтобы успокоить тетушку и развеять ее напрасные подозрения и страхи, Ольга Константиновна сочинила весточку Ольге Леонардовне: «Моя дорогая и милая тетя Оля! Наконец-то собралась тебе написать. Я застряла в Вене…»

Так, все нормально, решила она и продолжила: «Олечка с мужем и Верочкой живут со мной. Доктор Руст начинает работать здесь, в больнице. Сегодня я навещала Аду с Мариной – и насмеялась до слез, как Ада доит корову. Ведь у них целое хозяйство. При твоей подвижности тебе ведь не трудно нас навестить, и все мы тебя ждем с нетерпением. От Ады, Олечки и Марины ты знаешь все события последних лет. Бедная мама не пережила того, что так ждала, – победы русских.

О себе еще мало могу написать, так как переезд меня совершенно замучил. У нас в гостях был Симонов и рассказывал много о Леве. Где ты будешь в следующие месяцы? Пиши и, самое лучшее, прокатись к нам. Так хочется тебя обнять. Олечка и Верочка, Ада и Марина присоединяются к моим сердечным поцелуям. Твоя Оля. 2 августа 1945 года».

* * *

Семейные драгоценности и столовое серебро по-прежнему хранили земли кладовского сада. Только теперь над ними вместо роз росли капуста, морковь и картошка.

* * *

…Ах, какое солнышко! Лейтенант Гриша Останин блаженно улыбнулся каким-то своим не ведомым никому мыслям и решительно стянул гимнастерку. Подумав, снял еще и майку и растянулся на траве. Благодать! Он даже зажмурился от удовольствия. От бесконечной тишины и покоя… Потом перевернулся на спину, распахнул глаза – и тут же утонул в

бездонном, неправдоподобно голубом небе. Сел, отмахнулся от надоедливой мухи и строго оглядел «вверенную территорию». Все чин-чинарем. Двое пилят дрова, Магомедов рубит чурки, остальные бойцы копошатся у своих машин. Один Серега Дорогин сидит себе на крыльце и, облапив трофейный аккордеон, терзает инструмент, говорит, что настроение воинам поднимает. Словом, все при деле.

– Лейтенант! – в один момент испортил идиллию истошный крик безнадежного идиота Мазуренко, вечного штабного посыльного, который стремглав несся прямо по направлению к Останину. – Товарищ техник-лейтенант, к командиру полка! Срочно!

Подбежав поближе к лейтенанту, Мазуренко извиняющимся полушепотом пояснил: «Батя вызывает, сказал, бегом…» И развел, бедолага, руками.

Куда спешить командиру взвода в преддверии обеда? К комполка? Пожалуйста. Останин встал, привел себя в порядок и неторопливо, не теряя лица перед подчиненными, направился к штабу в сопровождении этого Швейка. По пути не удержался:

– Мазуренко, а ты вот знаешь, что в Древнем Риме делали с гонцами, которые приносили дурные вести?

Мазуренко отрицательно покачал головой.

– Казнили, Мазуренко, казнили. Подумай над своей судьбой…

Командир полка с порога остановил бравый доклад лейтенанта:

– Останин, объясни-ка мне, неразумному, что это за красный «Опель» у нас на заднем дворе второй день пасется?

– Не могу знать, товарищ полковник.

– Как это так «не можешь знать»? Обязан знать! Откуда твои архаровцы эту машину приволокли? Обратно не знаешь?!. Зато я знаю. Мне вот сейчас из комендатуры звонили, все популярно объяснили. На доступном языке… Сам генерал Вадис[41] звонил… Знакома тебе такая фамилия?

– Никак нет, товарищ полковник.

– Твое счастье, лейтенант, – хмыкнул комполка. – В общем, так, слушай мой приказ. Выясни, кто все это сделал. Строго накажешь. Потом изымаешь из своего «НЗ» три-четыре банки тушенки, хлеба побольше, пару бутылок вина, флягу спирта и со своими орлами катишь по адресу, откуда твои бойцы машинку сперли, культурно извиняешься и вручаешь презенты от командования. Все понял?

– Так точно, товарищ полковник. Но ехать-то куда?

– Как куда? Что, твои бойцы не помнят, где они пошустрили?

Построив взвод, лейтенант Останин быстро произвел дознание. Так и есть, Егоров и Никаноров. Можно было не сомневаться… Пока загружали «презенты», оскорбленные несправедливым наказанием бойцы ворчали: «Товарищ лейтенант, ну что мы такого сделали? Ехать теперь, извиняться… Да она же нацистка, точно, на морде написано – эсэсовка, нас не обманешь…»

– Кто она?

– Да баба эта, стерва, от дома которой мы этот «опелек» стырили.

– Все, хватит разговаривать, поехали.

Первым в «боевой колонне» шел «Опель», следом – машина комвзвода. Дорога оказалась совсем близкой. Едва притормозили, из дома тотчас появилась стройная, моложавая светловолосая женщина.

Останин подошел, начал вежливо: «Гутен таг», но хозяйка, улыбнувшись, встретила его чистейшим русским: «Здравствуйте!» Лейтенант несколько опешил: «Вы знаете русский язык?» Дама (а то, что это действительно была дама, понял даже юный красный командир) слегка усмехнулась краешками губ: «Да мне ли не знать…»

Смущенный Останин отдал команду нести гостинцы в дом. Хозяйка тут же поставила на стол изящные рюмочки. Лейтенант, едва не брякнув: «Что вы будете пить?», спохватился, откупорил бутылку вина и наполнил две рюмки. Егоров и Никаноров оставались, как положено, у порога. Но дама обернулась к ним: «Ребята, прошу к столу». Командир взвода, кашлянув, кивнул: «Давайте». Присели. Останин предложил: «За знакомство!», и назвал себя. Хозяйка коротко ответила: «А я Ольга Чехова».

Лейтенант икнул: «У нас писатель есть такой, Чехов. То есть был». Дама опять улыбнулась: «А я его племянница». Останин и вовсе пошел пятнами: «Ольга… простите, как вас по батюшке? Ах да, вспомнил, Антоновна!..» – «Да нет, Константиновна».

«Да-да, – зачастил лейтенант, – вы уж простите моих солдатиков за ваш автомобиль. Никогда не видели такое чудо техники, вот и решили прокатиться, понимаете?» – «Вам, наверно, здорово досталось?» – догадалась Чехова. «Пока еще нет, но все впереди». – «Ладно, погодите, сейчас я попробую уладить…»

Она подошла к небольшому столику у двери, взяла телефонную трубку: «Пожалуйста, комендатуру. Спасибо. Жду». Гости тактично отвернулись. Но кое-какие обрывки фраз все же слышали: «Виктор Иванович, здравствуйте. Это я – Ольга Чехова… Да-да, все в порядке. Нет, у меня нет никаких претензий. Ведь это я сама разрешила ребятам покататься на

машине. Ну, разве я могла отказать землякам?.. Не ругайте их, пожалуйста, хорошо? Передайте мою благодарность Александру Анатольевичу. Спасибо… Всегда буду рада вас видеть… До свидания».

– Все в порядке, ребята, – вернувшись к столу, сказала Чехова. – Не волнуйтесь. Поэтому предлагаю, как там у нас говорится, на посошок! Правильно я говорю? Значит, не забыла еще. Вперед, ребята!..

Все дружно выпили. Егоров, как заметил Останин, успел-таки плеснуть себе в рюмку не вино, а спирт. Махнул – и не поморщился. Вот же стервец!

В конце концов, довольные солдатики удалились, как они выразились, «в расположение». А Ольга Константиновна быстро убрала со стола, отнесла в кладовую «трофеи», улыбнулась, вспоминая своих недавних визитеров, и занялась домашними делами.

Москва, ноябрь 1945 года

«…По агентурным материалам, а также по показаниям арестованного Управлением СМЕРШ Группы советских оккупационных войск в Германии агента германской разведки Глазунова Б.Ф., знающего Чехову О.К. с детских лет и поддерживающего с ней знакомство до последнего времени, Чехова Ольга, известная актриса, неоднократно бывала на официальных приемах, устраиваемых главарями фашистской Германии, и была близка к Гитлеру, Геббельсу и другим крупным нацистам.

…О.К. Чехова в настоящее время проживает в гор. Берлине, Фридрихсхаген, Шпреештрассе, 2. Вместе с ней проживают: Чехова-Руст Ольга Михайловна, 1916 года рождения, дочь О.К. Чеховой, актриса. Руст Вильгельм, немец, врач-гинеколог, с апреля 1945 года в германской армии, был в плену у англичан, муж О.М. Чеховой, и некто Зумзер Альберт Германович, 1913 года рождения, преподаватель физкультурной академии в Берлине, чемпион по легкой атлетике. Живет у Чеховой О.К. и находится с ней в близких отношениях…

Начальник четвертого отдела Главного управления СМЕРШ, генерал-майор Утехин».

Лаврентий Павлович Берия отчеркнул синим карандашом фамилию последнего фигуранта и на полях вывел крупный вопросительный знак, означавший недоумение крайней скудостью информации. К утехинской докладной подколол копию письма Чеховой московской родственнице: «…Некоторые просят фотографию на память. За это я получаю от французов белый хлеб и вино, от русских – водку, сахар и крупу, а от американцев, в большинстве случаев, сигареты. Блок сигарет дороже золота на черном рынке…»

На «бегунке» для резолюций маршал Советского Союза (звание было еще «горячим», из-под Верховного пера) написал:

«Тов. Абакумов, что предлагается делать в отношении Чеховой? Л. Берия. 22 ноября 1945 г.».

Лаврентий Павлович прекрасно помнил свою встречу с этой Чеховой здесь, в его кабинете, которая состоялась несколько месяцев назад. Едва за Абакумовым закрылась дверь кабинета, Берия вкрадчиво произнес:

– Давно хотел с вами познакомиться, Ольга Константиновна. Ведь я и есть тот самый «путник, который не хочет ночевать в тростнике, потому что боится комаров»… Присаживайтесь, пожалуйста…

Недоумение, досада, испуг и даже ужас, сменившиеся покорной обреченностью, – какая богатейшая гамма чувств стремительно пробежала по этому прекрасному лицу, едва женщина услышала дурацкие, в сущности, слова.

Конечно, сволочь Артузов даже под пытками не сдал свою личную агентуру. Лаврентий Павлович его понимал: ценного нелегала сдавать аппарату – последнее дело. Это было незыблемым, золотым правилом для всех сотрудников спецслужб. Окажись он на месте Артузова – Берия трижды смачно сплюнул! – он поступил бы точно так же.

Заветный «ключик» к Ольге Чеховой ему передал родной брат актрисы, Лев Книппер, который в начале войны привлекался к секретной операции по уничтожению Гитлера. Тогда-то и выяснилось, что артузовским кодом этот Книппер пользовался, выезжая в Германию еще в начале 20-х годов. Впоследствии как активный агент Лев Книппер был законсервирован. Ему было позволено продолжать профессионально заниматься музыкой, понапрасну не дергали. Но накануне войны, с учетом его спортивной подготовки, задействовали в тренировках спецотрядов Красной армии на Кавказе. Осенью 1941 года Книппер вместе с женой был отозван в Москву…

Лаврентий Павлович с интересом читал протоколы «московских бесед» Ольги с Абакумовым, ее живописные рассказы о нравах и привычках нацистских бонз. Хохотал, а однажды от восторга даже захлопал в ладоши, прочтя откровенное признание Чеховой: «Вся верхушка вермахта не пробуждала никаких сексуальных чувств, а я ведь женщина, которой чуть больше сорока…» Браво, фрау Ольга! Умничка…

Но идиоты, какие же идиоты эти западные журналисты, которые, как по команде, принялись на все лады обсасывать туповатую версию, будто бы Чехова работала на советскую разведку. Берия перебрал подобранные для него выдержки из западных газет: «Актриса Ольга Чехова – любовница Гитлера и шпионка Сталина», «Чехова – секретное оружие Сталина», «Советская шпионка, околдовавшая Гитлера»… Даже солидный, казалось бы, английский журнал «Пипл» и тот не удержался, в одном из номеров доверительно поведав читателям: «Ольга Чехова, знаменитая немецкая актриса эстрады и кино, живет в настоящее время в замке, на восточной окраине Берлина. Она превозносима русскими и обожаема союзниками… Она вернулась в Берлин из Москвы, в город, где жила и выступала на сцене и где провела всю войну. Сейчас она гордо носит высокую советскую награду и превратилась почти в легенду…» Но далее следовал вопрос: так на кого работала Чехова – на Гитлера или на Сталина,

или же на обоих сразу?..

Их немецкие коллеги тоже не оставались в стороне. Берлинская газета «Вохенпост» тоже огорошила: «Под меховой шубкой у Ольги Чеховой сверкает орден Ленина, полученный вместе с виллой и личной советской охраной в благодарность за долголетнюю шпионскую деятельность в армии Адольфа Гитлера…» Доверчивые немцы всем этим россказням безоговорочно верили, им было все равно, кто именно награжден высшим советским орденом: шпионка Ольга Чехова за заслуги перед товарищем Сталиным или дряхлая советская актриса Ольга Книппер-Чехова к своему 75-летнему юбилею?..

Другая газета «Майнецер Айцайгер» тоже «подбрасывала в топку» свои «дровишки»: с первых дней войны киноактриса Ольга Чехова имела в своем распоряжении отдельные апартаменты в ставке фюрера… Ей удалось добиться особого расположения Гитлера, который ради нее устраивал большие приемы. Когда фюрер на глазах у нескольких тысяч присутствующих нежно поцеловал ей руку и удалился с ней в соседнюю комнату, это среди высокопоставленных лиц, партийных функционеров и крупных промышленников вызвало ошеломление… Не раз она была посредником в особо трудных случаях, которые имели военный интерес. Так, один известный генерал через Чехову ставил вопрос о запуске в производство каких-то новых орудий, о которых бесполезно просил до этого по официальным военным каналам… Гауляйтер Гамбурга ходатайствовал перед Чеховой… Она записывала все просьбы в свою позолоченную записную книжечку, украшенную бриллиантами, и обещала передать их фюреру… Много лет она вела свою опасную игру, не боясь разоблачений… Только в последние дни, когда Красная армия сражалась в пределах Берлина, ее шофер, через которого весь материал передавался в Москву, был арестован. Ей самой чудом удалось избежать гестапо…

Ну что за чушь, возмущался Лаврентий Павлович, какая из этой бабы шпионка, прости меня, Господи?! Она что, занималась выуживанием военных секретов, добывала планы оборонительных рубежей, умерщвляла гитлеровских генералов, взрывала мосты или поджигала рейхстаг?

Она просто рассказывала тем, кто ее об этом спрашивал, о некоторых пикантных подробностях жизни вождей Третьего рейха, которые являлись «тайнами за семью печатями» для самых подготовленных и талантливых агентов союзников. Откуда, скажем, мог узнать тщательно законспирированный советский разведчик-нелегал, даже в мундире офицера СС, с безупречными документами и с 20-летним стажем работы в самой

рейхсканцелярии, на какой посуде любит кушать фюрер, каким эротическим утехам предается по утрам, какие фильмы любит смотреть, с кем делится своими сокровенными мыслями, к советам кого именно из астрологов прислушивается, страдает ли запорами, какие блюда и напитки выбирает на ужин, бреется ли самостоятельно или предпочитает пользоваться услугами личного парикмахера, какие духи и нижнее белье ценит его дешевая подстилка Ева Браун, верно ли то, что она нарушает нормы арийской морали и тайком от Гитлера покуривает, пьют ли в обществе фюрера фашистские бонзы английский чай, ну и все прочие забавные житейские мелочи, которые только на первый взгляд не имеют ровным счетом никакого значения для успешного развертывания войсковой операции под Курском, Краковом или при взятии Киева, но в особый момент могли иметь стратегическое значение…

Его размышления прервало появление адъютанта.

– К вам Абакумов, Лаврентий Павлович.

– Пускай войдет.

В кабинете Абакумов, даже не присаживаясь, приступил к докладу об исполнении поручения относительно «фрау» Чеховой:

– Лаврентий Павлович, на сегодняшний день контрразведка взяла на себя обеспечение продовольственными товарами семьи Чеховой, а также бензина для автомобиля. Завезены стройматериалы для ремонта дома. Ольга Константиновна и члены ее семьи находятся под негласным вооруженным охранным сопровождением. Комендатуре Берлина даны соответствующие рекомендации… Они… – Абакумов замешкался.

– Что «они»? – Берия не терпел пауз в докладах.

– Они выделили «фрау»… корову.

Берия раскатисто захохотал: «Молодцы!» Абакумов принялся активно убеждать: «Лаврентий Павлович, по нынешним временам это немалая ценность…»

– Ладно, Виктор Семенович. В общем, держи все, что касается нашей подопечной, под своим контролем. Она нам еще может понадобиться. Когда-нибудь… А пока пусть… корову учится доить. – И вновь весело засмеялся.

Берлин, советская оккупационная зона, 1946 год

Ада, ранимая душа, сердцем чувствовала, что в последнее время с Ольгой происходит что-то неладное. Поделилась своими тревогами с тетушкой: «Я очень, очень редко бываю у сестры… Да, мне как-то там холодно и неуютно, хотя каждый раз у всех радость большая, когда я появляюсь… Живут очень живописно, у самого озера вилла… Но все как-то не ладят друг с другом, вечно ссоры, обиды, оскорбления…»

Обычно сдержанная, хладнокровная и замкнутая Ольга Константиновна ближе к вечеру чувствовала себя совершенно разбитой, нервничала, никак не могла отделаться от неясного чувства тревоги, каких-то беспокойных предчувствий и воспоминаний. Наверняка сказывалась и физическая, и моральная усталость, накопившаяся за последние месяцы. Она с трудом привыкала к новой жизни… В какой-то момент, поддавшись энтузиазму молодых актеров, прибилась к их гастролирующей труппе «Сороконожка», потом вместе с коллегами попыталась создать некое подобие театра в Фриденау…

Вернувшись домой, она, никого не желая видеть, отпустила горничную, фрау Вебер, бесцельно побродила по квартире, затем, взяв первую попавшуюся книгу с полки, перевернула пару страниц. Но сразу захлопнула томик, придумав, чем себя занять. Французский продюсер давно уже ждет ее ответа на свое предложение. Мадам быстро сочинила письмо Марселю Жерому, прямо и без прикрас объяснив причины своего отказа от ангажемента. Они что, там у себя, во Франции, живут в каком-то другом мире?..

Марсель… Марсель Робинс… Вот в ком причины мучительной, непрекращающейся мигрени! Невесть откуда возникшие воспоминания о давно вычеркнутом из жизни бельгийце почему-то преследовали ее сегодня целый день. Словно кадры кинохроники мелькали у нее перед глазами: цветы… прогулка на машине… залы их роскошных апартаментов в Брюсселе… десерт после ужина в венском ресторане… И вдруг – отвратительная сцена в баре… мужланские, хамские манеры Робинса… Паршивец, когда же ты наконец отстанешь от меня?!.

Желая отвлечься, Ольга вновь взялась за перо: «Дорогая тетя Оля, добрый вечер!.. Извини, что-то я совсем расклеилась, и, вероятно, моя хандра не годится для переписки. Но очень уж

хочется поговорить, да только не с кем… Недавно перечитывала Антона Павловича и наткнулась на такую странную его мысль: «Любовь – это или остаток чего-то, бывшего когда-то громадным, или же это часть того, что в будущем разовьется в нечто громадное, в настоящем же оно не удовлетворяет, дает гораздо меньше, чем ждешь». И подумала, а не обо мне это сказано?.. Живу в постоянном ожидании чего-то хорошего. А оно так далеко…»

* * *

Ответное письмо из Москвы целую неделю оставалось на рабочем столе Ольги нераспечатанным. Она была в постоянных разъездах, наконец-то получив разрешение на выезды с концертами в американскую зону Берлина, а затем еще и в Австрию…

По возвращении домой, прочитав тетушкино послание, Ольга даже не сразу вспомнила, о чем она писала Ольге Леонардовне месяц или два назад. Изливала душу, жаловалась, что ли?.. Только какое отношение ее переживания имеют к стародавним чувствам тетушки к Антону Павловичу?.. Ей почему-то стало стыдно, как в детстве перед отцом…

«Ты пишешь о наших отношениях с Антоном Павловичем. Да, эти шесть лет, что я его знала, были мучительны, полны надрыва из-за сложившейся так жизни. И все же эти годы были полны такого интереса, такого значения, такой насыщенности, что казались красотой жизни. Ведь я не девочкой шла за него, это не был для меня мужчина, – я была потрясена им как необыкновенным человеком, всей его личностью, внутренним миром… Эти мучительные шесть лет остались для меня светом и правдой и красотой жизни…»

Ольга читала и тихо всхлипывала: спасибо, дорогая тетушка, за добрые слова, спасибо за то, что обошлась на этот раз без своих обычных наставлений и нравоучений… Но что же все-таки я ей писала?.. Или она просто угадала мои слезливые тревоги между строк?..

США, 1946–1955 годы

Другая моя идея – в этот раз для себя как актера (если я могу еще играть) – Вечный Жид. У меня есть много книг на эту тему… Испытав все муки и боли, Вечный Жид в конце концов придет к Христу; в этом и есть весь смысл истории.

М.А. Чехов. Путь актера

Неожиданно крупные гонорары, полученные Чеховым на голливудской кинофабрике звезд, позволили ему приобрести нормальное жилище в Беверли-Хиллз.

«Наш домик небольшой, но уютный и чистый, – с радостью сообщала Ксения Карловна другу семьи Добужинскому. – Живем мы по моему характеру слишком тихо, никого не видим, так же, как в деревне, но у меня нет скотинки, и я очень скучаю. В смысле климата здесь для М.А. много лучше; всегда ветерок, прохлада и кругом очень много зелени, цветов, и, кроме того, и улица, и соседи на редкость тихи. Мы никогда никого не видим и не слышим. Бывает только Федя Шаляпин, но сейчас он в Нью-Йорке… Здоровье Мих. Алекс. немного лучше, но работы все еще нет…»

Чуть позже появилось у Чеховых еще и комфортабельное 6-комнатное бунгало в долине Сан-Фернандино, в местечке с милым для российского слуха названием – Резеда.

Именно здесь киноакадемик Чехов зажил тихой, размеренной жизнью на лоне природы в обществе жены, четырех терьеров и козы, вдали от светской суеты: «Смотрю на молодую зелень. Слушаю птиц. Вообще радуюсь бытию. Писание записок доставляет мне некоторое удовольствие (иногда большое), чтение, размышление и работа над антропософией… С годами появляется желание питать свою душу наиболее СОВЕРШЕННЫМ. Полуталанты уже перестают волновать. Перечитываю сейчас «Домби и сын» и наслаждаюсь каждой строкой».

А еще были Диккенс, Пушкин, Достоевский, Толстой – к их книгам он обращался постоянно. Но следил и за советскими литераторами, особо выделяя исторические романы Вячеслава Шишкова: «Емельян Пугачев» и «Угрюм-река». Это вот хорошо!»

Еще Михаил Александрович неожиданно для себя увлекся собирательством почтовых марок. Ужасно гордился своей

коллекцией, самозабвенно копался в каталогах и справочниках. Ради обладания уникальной маркой он был готов на все, даже… на преступление. После посещения одной из выставок Чехов каялся перед своим «коллегой по несчастью», филателистом Клименко: «Я затрясся, как Скупой рыцарь, от восторга, жадности, непреодолимого желания… ну, что ли… украсть! Это такая красота и такие редкие экземпляры и такая полнота!..»

С не меньшей страстью Михаил Александрович занимался шахматами. Со всей округи он зазывал к себе почитателей этой древней игры, устраивал турниры. Наиболее достойных приглашал «на кофеек» и в кабинетной тиши часами разбирал с ними головоломные комбинации. Слыша мягкие упреки жены, доставал с книжной полки раритетное, уже изрядно потрепанное, первое русское руководство по шахматам 1824 года и с особой интонацией, пафосом цитировал: «Это единственная игра, которая сообразна с характером истинных философов, умом глубокомысленных, душ бескорыстных…» Посрамленная Ксения при этом смущенно смолкала, терялась, и вскоре у нее вошло в привычку, собирая мужа в очередную поездку, непременно класть в карман его пальто миниатюрные дорожные шахматы. А что еще ей оставалось делать?

«Ксения Карловна с корнями вырывает дубы! – со смехом и восхищением рассказывал Чехов Мстиславу Добужинскому. – До того она смешна, когда вступает в бой с природой и падает на землю, вытягивая какой-нибудь застарелый подсолнух, что я и описать вам не могу!»

Но упрямая женщина даже в одиночку все-таки привела в порядок их огромный участок и потом уже вполне профессионально занялась огородничеством и цветоводством. «Впрочем, более подробные сведения об этой удивительной женщине Вы найдете в «Войне и мире», – информировал потрясенный энтузиазмом жены маэстро актер «Фреддинька» Бергстрем.

Он мучительно переживал свое одиночество, в какой-то миг обнаружив, что рядом не осталось ни одного человека из тех, кто окружал его в детстве и юности. «В молодые годы, – вспоминал он, – думал я с ужасом о том, как было бы страшно потерять кого-нибудь из своих близких, и вот я потерял их всех, но потерял и часть самого *себя*, каким я был раньше…» Лишь иногда в памяти возникали какие-то видения. Он вспоминал себя, сидящего на коленях у Антона Павловича. Вот дядя наклоняется к нему и ласково спрашивает о чем-то, а он смущенно прячет от него свое лицо… Потом в памяти мелькнуло: дядя Антон дарит ему свои книжки – «Каштанку» и «Белолобого», а потом сует ему в ладошку

какие-то мелкие вещицы со своего рабочего стола…

Из-за пошатнувшегося здоровья Михаил Александрович ограничил свою творческую деятельность в основном преподавательской работой. У него появилось несколько групп в Голливуде, плюс частные ученики, среди которых ничем пока еще не выделялись будущие знаменитости, завтрашние кинозвезды мировой величины – Энтони Куин, Элизабет Тейлор, Клинт Иствуд, Юл Бриннер, Ллойд Бриджем, Мэрилин Монро, в конце концов!

Он один из немногих сразу рассмотрел в Мэрилин подлинный драматический талант и проклинал тех, кто эксплуатировал исключительно эффектные внешние данные актрисы, ее ярко выраженную сексапильность. После первого же неудачно показанного Монро этюда разгневанный мастер стукнул кулачком по столу и закричал:

– Вот видите, что эти кинематографисты с вами сотворили! Вам не нужно играть роли всяких секс-бомб! Вам следует работать над собой, работать над большими серьезными ролями, а не заниматься чепухой, демонстрируя свою попку и не менее восхитительные груди!..

Они начали репетировать Корделию из «Короля Лира», Грушеньку из «Братьев Карамазовых» и Елену Андреевну из «Дяди Вани». Целых три года Мэрилин брала уроки актерского мастерства у русского артиста и педагога. Ее благодарность выражалась весьма трогательно. Однажды молодая актриса вручила Михаилу Александровичу портрет президента Линкольна с откровенным признанием: «Он был моим идолом, теперь им стали Вы». А на Рождество, в праздник, который он особенно любил, Монро преподнесла учителю старинную икону Святителя Николая. Позже она вспоминала: «С Майклом Чеховым игра для меня стала значить больше, чем профессия, она становилась своего рода религией».

Едва только Мэрилин появилась в доме Чеховых на Сан-Исидро авеню, ее тотчас взяла под свое крыло Ксения Карловна. Жена Михаила Александровича полюбила Мэрилин как свою дочь, а актриса относилась к ней как к матери. Одна из учениц Чехова, будущая известная американская артистка и продюсер Мэла Пауэрс, подтверждала: «Ксения, которую мы любили за огромную доброту и прозвали Большое сердце, очень любила Мэрилин и заботилась о ней».

Но все же главные впечатления Мэлы, безусловно, остались от самого преподавателя: «Раньше его видела только в кино и представляла таким значительным, большим. А когда впервые увидела, удивилась, какой он маленький и скромный. Не сразу

почувствовала ту мощную ауру, которая исходила от него с экрана. Но вскоре я была взволнована и ошеломлена. Михаил Чехов вел классы с начинающими актерами, читал лекции. И чем больше он говорил, тем крупнее и значительнее становился, будто на наших глазах вырастал. Он делал с нами психофизические упражнения и импровизации… Он много рассказывал о Станиславском и Антоне Чехове, о том, как они ссорились и Антон Павлович кричал на Станиславского: «Моя пьеса – комедия, а вы заставляете людей плакать!» Потом Михаилу Чехову стало плохо с сердцем, и, пока он лечился, наши встречи были временно прекращены…»

Почувствовав себя лучше, Михаил Александрович на некоторое время все-таки возвратился на съемочную площадку. В 1952-м на экраны вышло сразу три киноленты с его участием – «Приглашение», «Рапсодия» и «Праздник для грешников». А потом стал всем говорить, что утратил интерес и к театру, и к кино и не жалеет об этом, ибо взамен получил гораздо больше.

Все тому же Добужинскому Чехов объяснял: «Работы в фильме сейчас нет. Хоть она скоро и нужна будет, а все-таки не хочется думать о ней. Так много хорошего видел и пережил в театре на своем веку, что фильм, с его грубыми и глупыми людьми, никак заинтересовать не может».

Что же все-таки «больше»? Шахматы и марки? На излете жизни эти увлечения в его душе бесследно растаяли. Выращивание овощей вместе с Ксенией? Тоже смешно.

Главным, что занимало его время, оставалась христианская философия. Учение Рудольфа Штайнера, с которым еще в 20-е годы в России его познакомил Андрей Белый, не оставило Чехова в покое и в Америке. «Антропософия открылась мне как современная форма христианства, – говорил Михаил Александрович. – Решающим для меня было то, что Христос стоит в центре всего, о чем говорит Штайнер».

Впрочем, обращение Чехова к антропософии знакомые ученые-психиатры объясняли предопределенностью сущности его личности: постоянное напряжение чувств, импульсивность, запредельная эмоциональность. Все это, плюс привычка к алкоголю. А он считал антропософию источником духовного подъема и… актерского мастерства.

Москва – Германия, июнь 1953 года

В последние дни Лаврентий Павлович Берия находился в приподнятом настроении, испытывая неподдельный охотничий азарт. Так всегда бывало с ним в моменты опасности или в преддверии достижения намеченной цели.

Он верил, он предчувствовал свою победу и нисколько не сомневался в ней. Все будет так, как задумано. Начальник немецкого отдела внешней разведки, умница Зоя Рыбкина[42], еще раз проверит сеть нелегалов, встретится с «агентами влияния», которые занимаются подготовкой его предстоящей секретной встречи с канцлером ФРГ Конрадом Аденауэром[43]. Где именно произойдет это свидание, вопрос пока открытый. Осталось подождать предложений от Абакумова и Судоплатова. Скорее всего, это будет Италия, вероятнее всего Сардиния. Хотя может быть, что ради такого случая ему придется тайно навестить канцлера в Западном Берлине. Да ради бога…

Был близок к осуществлению его стратегический план по воссоединению Восточной и Западной Германии. Он всем докажет, что сталинские методы по переселению народов, перекраиванию границ ни к чему хорошему не приводят. Он, Берия, сумеет убедить мир в том, что он является лидером мирового масштаба. Какое еще форсированное строительство социализма в ГДР? Должна быть единая Германия, оплот политического нейтралитета.

Когда Берия читал распечатку очередной исторической инициативы Аденауэра, то думал, что ему чудится: этот фриц умеет читать мысли на расстоянии. Аденауэр говорит именно то, о чем в последнее время размышлял он сам. «…Мы сегодня знаем, что теперь нужен иной взгляд, нежели тот, который установит новые границы в Европе, изменит их или передвинет. Мы должны границы ликвидировать, чтобы в Европе возникли хозяйственные регионы, которые могли бы стать основанием европейского единства народов».

Учитывая особую ответственность задания, Берия приказал вызвать к нему Рыбкину. Инструктировал лично: «Зоя, я верю в вас и в успех вашей миссии. Канцлер – главная цель… У нашего плана гриф наивысшей секретности. Аппарат Молотова и весь МИД будут подключены лишь на заключительном этапе официальных переговоров…

Попутно, по возможности, постарайтесь реанимировать наши оперативные контакты военных лет с руководством компаний «АЭГ» и «Тиссен». У вас там должны были остаться свои люди.

Они для нас сегодня тоже крайне важны…»

Встреча Рыбкиной с Чеховой должна произойти 26 июня в косметическом салоне Ольги. Вечером того же дня Зоя по спецсвязи сообщила в Москву: контакт установлен. Жду дальнейших указаний.

Однако голос генерала Судоплатова показался ей несколько странным. В еще большее замешательство поверг его приказ: военным самолетом немедленно возвращаться в Москву.

У командующего 1-й гвардейской армией, генерал-полковника Гречко, тоже были свои инструкции: задерживать всех сотрудников МВД, недавно прибывших в Германию. Но Зоя Ивановна все же рискнула и обратилась лично к нему. Генерал, никогда всерьез не воспринимавший женщин в форме, разрешил ей вылет в Союз уже завтрашним вечерним рейсом. Тем более дама ему понравилась. Ни он, ни она еще не знали, что в этот день, 26 июня, в Москве Берия уже был арестован. В самолете Рыбкина думала о своей собственной судьбе, что ждет ее завтра или даже уже сегодня. Уж она-то прекрасно понимала, что означают приказы, подобные судоплатовскому, и какая доля ждет чекистов-«возвращенцев».

…В Москве, едва отъехали из аэропорта, Паша, водитель разъездной служебной машины, сунул ей свежую «Правду». В глаза бросилось – «Информационное сообщение о Пленуме Центрального Комитета Коммунистической партии Советского Союза».

С первых же строк все стало ясно: «…Пленум ЦК КПСС, заслушав и обсудив доклад Президиума ЦК – тов. Маленкова Г.М. о преступных антипартийных и антигосударственных действиях Л.П. Берия, направленных на подрыв Советского государства в интересах иностранного капитала и выразившихся в вероломных попытках поставить Министерство внутренних дел СССР над Правительством и Коммунистической партией Советского Союза, принял решение – вывести Л.П. Берия из состава ЦК КПСС и исключить его из рядов Коммунистической партии Советского Союза как врага Коммунистической партии и советского народа».

Ниже располагалось сообщение «В Президиуме Верховного Совета СССР»: «Ввиду того, что за последнее время вскрыты преступные антигосударственные действия Л.П. Берия, направленные на подрыв Советского государства в интересах иностранного капитала, Президиум Верховного Совета СССР, рассмотрев сообщение Совета Министров СССР по этому вопросу, постановил:

1) Снять Л.П. Берия с поста первого заместителя Председателя Совета Министров СССР и с поста Министра

внутренних дел СССР.

2). Дело о преступных действиях Л.П. Берия передать на рассмотрение Верховного Суда СССР».

Москва, МХАТ, 1954 год

– Ольга Леонардовна, позвольте я вас провожу. – Алла Тарасова мягко взяла под руку Книппер-Чехову и неспешно повела ее в ложу. Следом семенили директор театра и стайка администраторов. – Сегодня в честь вашего юбилея, как уславливались, даем «Три сестры». Полагаем, это очень символично… Ведь это ваш спектакль…

– Да-да, – рассеянно кивнула актриса-легенда. – Пожалуй, я сегодня впервые буду смотреть «Три сестры», сидя здесь, в ложе.

– Вы помните наш уговор, Ольга Леонардовна?

– Аллочка, голубушка, я еще не окончательно выжила из ума… Все будет в порядке. Вы, конечно, в роли Маши?

– Конечно. Ну, устраивайтесь поудобнее. Здесь в комнате бутерброды, фрукты, напитки. Наши сейчас подойдут…

Покидая ложу, Тарасова невольно втянула ноздрями божественный аромат духов, которые издавна были неизменным спутником пожилой актрисы: конечно, Коти, «Л'Ориган». Сказочный запах, сочетавший в себе апельсин, фиалку, жасмин, розу и гвоздику с ноткой свежей-свежей травы. Тарасова знала, что перед каждым своим выходом на сцену Ольга Леонардовна в гримерной всегда совершала особый ритуал – садилась перед трюмо, открывала металлическую коробочку-книжку, где на синем бархате покоился заветный флакон от Франсуа Коти, душила волосы и кожу, на глазах перевоплощаясь в своих героинь – Раневскую в любимом «Вишневом саде» или Машу из «Трех сестер»… Алла Константиновна любовалась юбиляршей: ей удивительно шла серебристая седина, такими молодыми оставались глаза, а талия – тонкой…

85-летие Книппер-Чеховой мхатовцы решили отметить по-своему. Нет-нет, не традиционным капустником, не юбилейным концертом, а классическим спектаклем по пьесе Антона Павловича. Но был и сюрприз, о котором никто, кроме режиссера и актеров, до начала представления даже не догадывался.

Когда статная «герцогиня» Ольга Леонардовна величаво, с прямой спиной вошла в ложу, зал уже был полон. Зрители обрушили на актрису шквал аплодисментов. Она взмахнула руками: полноте, овации после спектакля, артистам, вы все забыли, дорогие мои!

«Три сестры» шли своим чередом. И вот наконец третье действие, ключевая сцена. Ольга Леонардовна невольно напряглась, но улыбнулась: «Словно дебютантка перед премьерой!» Во все глаза она смотрела на Вершинина, который

уже произнес свою реплику: «Как пожар?»

Так, теперь Соленый: «Говорят, стихает. Нет, мне положительно странно, почему это барону можно, а мне нельзя?» (Вынимает флакон с духами и прыскается.)

Вершинин: «Трам-там-там».

И тут – мертвая пауза. Маша – Алла Тарасова выдерживает, молчит. А из ложи неожиданно для всех звучит известный всем грудной голос Книппер-Чеховой: «Трам-там» Вершинин повторяет: «Трам-там-там?». Ольга Леонардовна вновь отвечает: «Трам-там!» Но уже с совершенно другой интонацией. И этими нелепыми «трам-там» было столько сказано, что зал на мгновение замер, а потом разразился овациями. Зрители аплодировали стоя. Ольга Леонардовна также поднялась со своего императорского кресла-трона и поклонилась публике в знак благодарности.

А что Вершинин? В неукоснительном соответствии чеховским ремаркам вынужденно смеется и приглашает Соленого: «Пойдемте в залу». Тут и Маша – уже Тарасова – легко подхватывает партию и говорит по роли: «Надоело, надоело, надоело… И вот не выходит у меня из головы… Просто возмутительно. Сидит гвоздем в голове, не могу молчать…»

Потом состоялся легкий театральный банкет, звучали поздравления коллег, комплименты – и цветы, цветы, цветы. А старая актриса, глядя на веселящихся молодых коллег, улыбалась и про себя вспоминала, как в свое время строго следовала она чеховским требованиям, в том числе по поводу этих невинно-игривых слов «трам-там-там» – «трам-там»…

Даже из далекой Ниццы он писал: «Опиши мне хоть одну репетицию «Трех сестер». Не нужно ли чего прибавить или убавить? Хорошо ли ты играешь, дуся моя? Ой, смотри! Не делай печального лица ни в одном акте. Сердитое, но не печальное. Люди, которые носят в себе горе и привыкли к нему, только посвистывают и задумываются часто. Так и ты частенько задумывайся на сцене, во время разговоров. Понимаешь?»

Потом, буквально через неделю-другую, из той же Ниццы Антон Павлович вновь все не может унять свое беспокойство по поводу будущей премьеры: «Милая актрисуля, эксплоататорша души моей… Ну как «Три сестры»? Судя по письмам, все вы несете чепуху несусветную. В III акте шум… Почему шум? Шум только вдали, за сценой, глухой шум, смутный, а здесь, на сцене, все утомлены, почти спят… Если испортите III акт, то пьеса пропала, и меня на старости лет ошикают. Тебя Алексеев в своих письмах хвалит… Я хотя и не вижу, но тоже хвалю. Вершинин произносит «трам-трам-там» – в виде вопроса, а ты – в виде ответа с усмешкой… Проговорила «трам-там» – и засмеялась, но

не громко, а так, чуть-чуть. Такого лица, как в «Дяде Ване», при этом не надо делать, а моложе и живей. Помни, что ты смешливая, сердитая. Ну, да я на тебя надеюсь, дуся моя, ты хорошая актриса…

Ну, оставайся здорова. Твой старец Антоний».

Перед последней репетицией Ольга Леонардовна прилежно отчитывалась перед своим Автором: «В 3-м акте говорю с сестрами или, как я называю, – каюсь – на сдержанном темпераменте, отрывисто, с паузами, точно трудно ей высказаться, не громко. Только точно выкрикивает – «Эх, глупая ты, Оля! Люблю – такая, значит, судьба моя… etc»… а потом опять не громко, нервно. Сидит все время неподвижно, обхватив колени руками, до закулисного «трам-там». Тут поднимает голову, лицо озаряется, вскакивает нервно, торопливо прощается с сестрами. Я решила, что «трам-там» (у тебя она спрашивает, он отвечает)… она говорит, что любит его и будет принадлежать ему, т. е. признание, которого он долго добивался. Я сижу за письменным столом у самой рампы, лицом в публику и с волнением что-то черчу карандашом. Когда он запел, она взглянула, улыбнулась, отвернулась, т. е. склонила голову и спрашивает – «трам-там?». После его ответа она еще взволновеннее говорит «трам-та-та», и наконец решительно – «трам-там». Если все это сделать с улыбкой, легко, не вышло бы пошло, в виде простого rendez-vous. Ведь до этой ночи их отношения были чистыми, правда? По-моему, все идет теперь хорошо… Твоя Ольга».

* * *

Замечательное поздравление с юбилеем из Германии опоздало буквально на один день. Олюшкину открытку растроганная Ольга Леонардовна положила в особую шкатулочку. Потом, перечитывая ее Софье Ивановне Баклановой, своему близкому, верному другу и компаньонке, с которой делила кров в последние годы, остановилась на фразе, оставленной ею ранее без внимания. Как бы между прочим, Ольга сообщала тетушке, что приняла решение оставить кино навсегда. Показывать на экране комичных старух она не желает…

До чего же странные все-таки у нас с ней всю жизнь случались совпадения, думала старая актриса, какие таинственные возникали параллели. Что за загадочная симметрия судеб?..

США, 1955 год

А ты знаешь, что значит талант? Смелость, свободная голова, широкий размах… Посадит дерево и уже заглядывает, что будет от этого через тысячу лет, уже мерещится ему счастье человечества…

А.П. Чехов. Дядя Ваня

Подводя итоги американскому периоду своей жизни, в 1954 году Чехов писал «Фреддиньке» Бергстрему: «Конечно, кое-что мне чуждо в Америке, но я так благодарен этой стране, что она приютила нас наконец после долгих и мучительных скитаний, что не думаю и не хочу думать о том, что чуждо».

В следующем году, буквально за несколько недель до смерти, Михаил Александрович решил прочесть свою последнюю лекцию голливудским актерам. На самом пороге могилы Чехов захотел поговорить с американскими коллегами

О любви в нашей профессии.

– Уважаемые господа! Глубоко-глубоко внутри нас, в сокровищнице нашей души, таятся громадные творческие силы и способности, но они остаются неиспользованными, пока мы о них не знаем или пока отрицаем их. Они так могущественны, так прекрасны, что мы – это болезнь нашего времени – стыдимся их. Вот почему они дремлют и вовсе могут остаться неиспользованными, если мы не откроем дверь и не войдем безбоязненно в эту сокровищницу.

…То, о чем я собираюсь говорить с вами, называется любовью. Огромная путаница царит в наших умах в связи с этим понятием, потому мы прежде попытаемся определить, что подразумевается под той любовью, которую можно практически использовать в нашей профессии.

Чехов говорил с большим подъемом, темпераментно, как всегда, чуть глотая некоторые буквы и чуточку пришепетывая. Время от времени он брал паузу, делал пару глубоких вдохов-выдохов, потом следовал глоток горячего чая – и столь же вдохновенно продолжал:

– Существует три рода любви. В греческом языке существует три разных слова для их обозначения (эрос, филия, арапе)… Эрос – любовь, возникающая между представителями противоположных полов… У второго рода любви (филия) совсем иной характер. Эту любовь мы могли бы назвать чисто человеческой любовью. В ней нет эротического элемента. Это любовь между человеческими существами независимо от пола. Она тоже имеет свою более высокую и более низкую сторону. В более низком она обычно связана с кровным родством… Я люблю своего сына, дочь, жену, отца и других – всех, кто является моими. В моих брате, сестре, матери я люблю как бы самого себя. Такая любовь – доброе и прекрасное чувство, но все ж это не высшая форма этого рода любви.

Настоящая, истинная человеческая любовь начинается тогда, когда мы проникаемся любовью к каждому человеку, независимо от кровного родства или крепкой дружбы – просто потому, что это человеческое существо… Правда, тут таится одна опасность: можно захлебнуться в бесконечных абстрактных разговорах о том, как мы любим человечество.

…Никто не любит человечество вообще, потому что никто не представляет себе на самом деле, что такое – «человечество». Но если я скажу себе: «Я люблю людей», то тут же почувствую реальную почву под ногами. Потому что любить настоящих, живых людей, которые в данный момент передо мной, независимо от того, знаю я их или нет, – совсем другое дело, нежели просто играть такими общими понятиями, как «человечество». «Я люблю человечество» – ровным счетом ничего не значит.

Наконец существует третий род любви, Арапе – наивысший, который можно – и должно – назвать Божественной любовью… Это любовь, присущая Богу или Святой Троице. Она нисходит на нас, но она так высока для нас, что в рамках данной лекции мы не будем рассуждать об этом.

Остановимся на той любви, которую мы назвали чисто человеческой. Итак, посмотрим, какую практическую пользу можно извлечь из этого сокровища для нашей профессии, для нашей творческой работы.

Зададим себе вопрос: что мы так любим в нашей профессии? Да все, разумеется. Прежде всего, мы любим играть. Чем только не жертвует современный актер ради того, чтобы играть! Через какое множество страданий и порой унижений безропотно проходит он только ради того, чтобы иметь возможность играть!..»

Мюнхен, осень 1955 года

…Итак, первый рабочий день косметического салона Ольги Чеховой позади! Отныне этот день будет днем рождения фирмы «Olga Tschechowa Kosmetik Gesellschaft». Накануне открытия заведения вышла ее книга, которую ушлый издатель посоветовал назвать «Женщина без возраста».

«Не жизнь разочаровывает нас – мы разочаровываем жизнь, – легко и свободно ложились на бумагу мысли, которые переполняли Ольгу. – Горечь делает человека уродливым…» Ее практические советы становились афоризмами и практическими советами для прекрасной половины человечества: «Не ботинки надо чистить в первую очередь, а кожу. От нее зависит уверенность в себе, жизненные силы», «Юность нельзя вернуть ни операцией, ни, тем более, купить. Сохранить молодость в первую очередь можно, борясь против внутреннего и внешнего изнашивания организма. Леность, медлительность – враг молодости, как внешний, так и внутренний…»

Это говорила женщина, имевшая талант, несмотря ни на что, быть счастливой. Женщина, которая открыла секрет вечной молодости для себя и желала поделиться им со всеми.

Книжка Ольги Чеховой разлетелась мгновенно, «Женщина без возраста» уверенно возглавила список бестселлеров. Благодарные читательницы засыпали ее восторженными письмами. Секретарь не справлялся с почтовой лавиной. Но ответить необходимо каждой. Ведь все корреспондентки – ее будущие потенциальные покупатели косметики и клиентки. Этим женщинам, своим сестрам она настоятельно советовала ценить время: «Каждая секунда, каждая минута, каждый час, прожитый нами без радости, потеряны безвозвратно…»

Как она изводила себя в ожидании первой посетительницы салона! Какой она будет? Блондинка, брюнетка, рыжая? Молодая? Пожилая дама?.. Едва раздался мелодичный звон колокольчика над дверью, Ольга тут же оказалась у порога. Mein Gott! Перед ней – двое господ весьма почтенного возраста.

– Guten Abend, господа. Добро пожаловать. В каких услугах вы нуждаетесь?

– Педикюр, – говорит один из них. – Только педикюр. Но сделанный вашими руками, фрау Ольга.

Ну что ж, педикюр так педикюр. Клиенты усаживаются в кресла, немного препираясь, кто из них будет первым. Хозяйке салона все равно. Так и так, повезло. Говорят, если первый клиент мужчина – значит, светит удача. Пока один из старичков млеет,

нежа свои подагрические ноги в ванночке с теплой водой, его спутник, во все глаза глядя на живую Ольгу Чехову, вспоминает те самые золотые двадцатые годы:

– Вы были сказочной актрисой. Все настоящие немцы мечтали о вас, как о фее, фрау Олинка…

Надо же, каким романтиком оказался этот «настоящий немец», пылкий почитатель поэзии Гейне и фон Шамиссо…

* * *

Но, Боже, как она устала! Ольга Константиновна сбросила туфли, с наслаждением пошевелила пальчиками ног, на мгновение закрыла глаза. Старею, что ли?.. Ага, дожидайтесь! Она встала, с удовольствием прошлась босиком по пушистому ковру, достала из бара бутылку вина и плеснула чуточку на донышко бокала. Поздравляю вас, фрау Ольга! Гуд бай, кино, бесконечные репетиции, многочисленные дубли, ауфвидерзеен!.. Тридцать лет, хотя нет, даже больше, я работала, как ломовая лошадь, точнее, как табун в сто с лишним кобылиц.

Отныне все ее труды на съемочной площадке отлились в медальку «За многолетний выдающийся вклад в развитие немецкого кино». А милых старушек… Увольте. Она их возраста не чувствовала.

Не превращаться же в подобие той бабки, которая недавно приставала к ней на съемках в Бан-Райхенхалле. Дрожа от любопытства, старушенция намертво вцепилась в плечо Ольги своими крючковатыми пальцами и лопотала:

– Ах, дорогая фрау Чехова, теперь-то скажите мне, пожалуйста, только мне одной: так были вы советской шпионкой или нет? Клянусь, я никому не открою вашу тайну!

Ну, сколько можно?!.

Все так же босиком она прошлепала в кабинет, мельком взглянула на почту, аккуратно разложенную на рабочем столе. Внимание привлек толстый конверт с калифорнийским обратным адресом. Любопытно… В конверте была стенограмма прощальной Мишкиной лекции-проповеди перед голливудскими актерами накануне своей смерти. Спасибо вам, друзья из-за океана!

Ольга медленно опустилась в кресло и впилась в текст. Читала и возвращалась к прочитанному, теряя мысль, плакала, когда ей чудилось, что она слышит его голос:

«…Какая сила на земле способна удержать… от этой страсти, от этой любви к игре? Быть может, он приносит в жертву ей какую-то другую, лучшую карьеру, лучшее общественное

положение и более надежный образ жизни. Для настоящего актера все эти обстоятельства ничего не значат. Игра – вот то единственное, что владеет всеми его помыслами и ведет его сквозь все трудности, связанные с актерской профессией…»

Мы об этом говорили с ним тогда, накануне разлуки, вспоминала Ольга. И он доказывал, что вторая наша любовь – это наши роли. Третья – процесс подготовки роли. Четвертая – это готовая роль, конечный продукт всех усилий актера. И, наконец, пятая – публика.

Михаил, выходит, совсем не изменился, не предал своих взглядов. Вот что перед смертью он говорил в Голливуде: «Актер может что угодно думать и говорить о своей публике. Он может сказать: «Я безразличен к ней» или даже: «Я ненавижу ее». Но это всего лишь иллюзия. Актер любит свою аудиторию. Ему нужны его зрители, без них он не смог бы жить… Актер жаждет зрителя, устремлен к нему, любит его».

Он прав. Стопроцентно прав гениальный сумасшедший Мишка. Она перевернула очередную страничку: «Сущность нашей профессии состоит в том, чтобы отдавать – отдавать постоянно. Что же мы отдаем? Прежде всего – наше тело, наш голос, наши ощущения, воображение и прочее. Все это мы отдаем персонажу, которого играем. Что происходит потом? Результат этой отдачи – готовую роль – мы тоже отдаем нашему зрителю. И ровным счетом ничего не оставляем себе. Да, при этом получаем наслаждение, но часто мы смешиваем две вещи. Наслаждение, получаемое в момент отдачи, мы смешиваем с самой отдачей. Наслаждение остается при нас, но все, что мы создаем, – нашу роль – мы отдаем зрителю. Наслаждение, испытанное нами, является лишь результатом этой отдачи…»

Все те же американские знакомые сообщали Ольге, что перед смертью Михаил Александрович просил друзей прислать ему крупного шрифта Евангелие и Библию. Его желание было исполнено. Значит, все-таки последние мысли Чехова были вовсе не о театре…

Но именно в Московский Художественный академический театр Ольга Константиновна первой отправила телеграмму-молнию с горестной вестью о кончине их бывшего актера: «Миша умер вчера ночью в Калифорнии. Оля».

* * *

Ольга Константиновна ценила тонкую философскую поэзию Пастернака еще со времен жизни в России. Она искренне

обрадовалась, когда Борису Леонидовичу в 1958-м присудили Нобелевскую премию и стали активно печатать на Западе, в отличие от Советской России.

И она была наповал сражена, когда ей на глаза попались изумительные строки Пастернака, которые впору золотом занести в катехизис каждого честного художника:

Цель творчества – самоотдача,
А не шумиха, не успех.
Позорно, ничего не знача,
Быть притчей на устах у всех…

Насколько же эти слова в сути своей были зеркальным отражением принципов, которым следовал Михаил Чехов: «Самая характерная черта нашей профессии – отдача. А не является ли это фактически одним и тем же? Любовь развивается сама и развивает нас, но ведь это и есть процесс отдачи! Мы отдаем себя нашему зрителю как раз через этот процесс развития любви… Мы рождены, чтобы ничего не удерживать у себя, чтобы отдавать, а не брать…

Первый мой практический совет состоит вот в чем.

Старайтесь не упускать возможностей помочь другим в нашей повседневной жизни. Есть много случаев, когда мы можем оказать какую-то помощь окружающим. Не имеет значения, будет ли эта помощь очень важной, существенной или совсем незначительной – например, передать кому-нибудь солонку за столом… Важен простой факт: вы делаете что-то для своего ближнего. Это действие, сознательное действие, является громадной силой, когда речь идет о пробуждении того, что мы называем нашей человеческой любовью… Я ни в коем случае не призываю вас чисто механически оказывать помощь другим. Нет. Чем искренней вы будете это делать, тем лучше. Но это вовсе не бездейственное ожидание «чувства любви» – это нечто совершенно иное…»

Эх, Мишка, Мишка… Какой же ты был глупый. Но как многому ты меня научил…

Мюнхен, 1962–1980 годы

В последний раз Ольга Константиновна вышла на сцену в 1962 году, сыграв в пьесе Оскара Уайльда «Веер леди Уиндмиер».

Ее косметическая фирма процветала. Открыв центральный офис в Швабинге, Ольга вскоре создала филиалы в Берлине, Милане, потом расширила географию, проникнув в Вену и Хельсинки. В Швабинге на стене рабочего кабинета сияла золотая медаль, врученная фрау на международном конгрессе косметологов в Венеции. Когда фрау Чехова за рулем своего любимого белого «БМВ» с именным номером появлялась на автобанах, полицейские отдавали ей честь.

После смерти тетушки для Ольги Чеховой почти утратили смысл все ее мечтания о поездке в Москву. Но в середине 1960-х она все-таки собралась и решила посетить российскую столицу вместе с Адой и Верой. О своем желании написала Софье Ивановне Баклановой: приеду совсем по-домашнему, закажу апартаменты в «Национале», с собой возьму только секретаря, доктора, парикмахера и массажиста. Хочу посетить могилы дяди Антона и тети Оли, повидать друзей юности Аллу и Пашу.

Алла Константиновна Тарасова, «государственная актриса СССР», расстроилась и одновременно растерялась, узнав о планах Чеховой, поинтересовалась мнением знающих людей, а потом по доброте душевной посоветовала Софе сообщить в Германию: «Еще не время приезжать». Павел Александрович Марков тоже особого энтузиазма не проявил.

Впрочем, «мудрая Софа» и сама не очень-то хотела, чтобы Ольга Константиновна увидела «уплотненную» квартиру своей тетушки, куда сразу после смерти Ольги Леонардовны подселили семью одного из актеров МХАТа, чтобы обнаружила разруху в сортирах и в головах обитателей «коммуналки» на улице Немировича-Данченко, 5/7.

Тем вся затея и завершилась. А уж после кончины Софьи Ивановны Ольге Константиновне Чеховой и вовсе некому было писать в Москву. Когда по радио или телевизору начинали передавать какие-нибудь сообщения из России, она тут же выключала звук.

Дочь Ада (Ольга), дебютировав в кино еще в 1942 году, в послевоенные годы главным образом посвятила себя театру. Во втором браке с врачом-гинекологом Вильгельмом Рустом у нее родилась дочь, которую они в соответствии с семейными традициями нарекли Ольгой, но девочка охотней отзывалась на имя Вера. Профессиональных же семейных традиций Вера тоже не

нарушила, став в 1960-е годы одной из ведущих западногерманских актрис. К значительным фактам ее биографии относили феерически бурный, правда, краткосрочный роман с модным американским рок-певцом Элвисом Пресли. Тот проходил армейскую службу на военной базе США в Германии и, встретив Веру, был, по его признанию, «потрясен до основания души» и пережил «самые дикие ночи в своей жизни». Ну, а перед бабушкой Веры он и вовсе преклонял колени.

28 января 1966 года стал черным днем для семьи Чеховых. В Бремене после неудачной посадки потерпел крушение самолет, среди 46 погибших пассажиров оказалась дочь Ольги Константиновны Ада. Все свои силы с тех пор бабушка отдавала внукам – Вере и Михаилу, который носил имя своего гениального деда.

Часам жизни 83-летней Ольги Константиновны Чеховой, которые всегда «шли иначе», суждено было остановиться 9 марта в 1980 году. Перед смертью она, измученная лейкемией и раком мозга, позвала Верочку и высказала ей свое последнее желание: «На смертном одре твой прадед Антон Павлович Чехов сказал Ольге Леонардовне, что хотел бы выпить бокал шампанского. Выпил – и отошел. Я хочу последовать его примеру».

Подробно объяснила Вере, где в винном подвале находится нужная полка. Вера быстро вернулась и поднесла умирающей бокал. Выпив последний в своей жизни глоток великолепного вина, Ольга Константиновна произнесла: «Жизнь прекрасна!» Во всяком случае, так гласит семейное предание…

Несмотря на то что по крови была немкой, крещена по лютеранскому обряду и более полувека прожила в Германии, Ольга Константиновна завещала похоронить ее в соответствии с канонами русских православных традиций. Вечный покой нашла она на мюнхенском кладбище Оберменцинг. Позже в столице объединенной Германии в районе Шпандау в честь великой актрисы, так и не изменившей фамилии Чеховых, была названа улица – Tschechowa-Strasse. А в немецкой и мировой прессе время от времени появляются публикации о продолжении поисков знаменитой Янтарной комнаты, которая якобы была спрятана в тюрингском бункере Гитлера и носила кодовое имя «Ольга»…

Ялта, октябрь – ноябрь 1903 года

Итак, лошадка, да здравствует мое и ваше долготерпение! Пьеса уже окончена… Если понадобятся переделки, то, как мне кажется, очень небольшие… Дуся, как мне было трудно писать пьесу!.. Ну, гургулька, не ропщи на меня, господь с тобой. Я тебя люблю и буду любить. Могу тебя и побить. Обнимаю и целую.

А.П. Чехов – О.Л. Книппер-Чеховой, 12 октября 1903 г.

Антон Павлович вернулся с прогулки. В доме было тихо-тихо. Он прошел к себе, уселся в кресло, вытянув ноги. Взглянул на столик, на который Маша обычно выкладывала почту. Так, ничего особенного. Письма от Плещеева, Сулержицкого, Коробова… Но вот и долгожданное, от Станиславского…

«…По-моему, «Вишневый сад» – это лучшая Ваша пьеса. Я полюбил ее даже больше милой «Чайки». Это не комедия, не фарс, как Вы писали, – это трагедия, какой бы исход к лучшей жизни Вы не открывали… Впечатление огромное, и все это достигнуто полутонами, нежными акварельными красками. В ней больше поэзии и лирики… Боюсь, что все это слишком тонко для публики. Она не скоро поймет все тонкости…

Успех будет огромный, так как пьеса забирает. Она до такой степени цельна, что из нее нельзя вычеркивать слова…»

Ну, насчет «нельзя вычеркивать слова» Константин Сергеевич явно поспешил. Еще как можно!

– Маша! – позвал он сестру. – Будь добра, отправь телеграмму нашему, то есть его высокоблагородию, К.С. Алексееву.

«Дорогой Константин Сергеевич, не сердитесь! Пьесу я переписываю начисто во второй раз, оттого и запаздываю. Пришлю ее через три дня! Будьте покойны. Ваш А.Чехов».

Что касается жанра… Комедия это, милый мой Константин Сергеевич, комедия, но никак не трагедия. К тому же пьеса называется не «Ви́шневый сад», а «Вишнёвый…» – символ чистоты, прекрасного и духовного. «Ви́шневый» же – все на продажу. Услышьте же, ради Бога, разницу в ударениях, дорогой вы мой!

Да и не мог он писать трагедию в своем сегодняшнем состоянии. Зря, что ли, досточтимые коллеги-медики называют туберкулез веселой болезнью? Эта болезнь обостряет ощущение окружающего… А умирают от нее в полном сознании – на рассвете, с воспаленной ясностью ума. Обычно весной или летом…

От своих «лазутчиков-шпионов» в МХТ Чехов знал, что дата премьеры его последней пьесы в МХТ уже определена – 17 января, в день его рождения. Тоже мне хитрецы, уверены, что готовят автору сюрприз… Зря стараетесь, господа артисты. А он возьмет и не придет.

Антон Павлович придвинул к себе рукопись и набело переписал черканный-перечерканный финальный монолог Фирса:

> «…Заперто. Уехали… (*Садится на диван.*) Про меня забыли… Ничего… я тут посижу… А Леонид Андреич, небось, шубы не надел, в пальто поехал… (*Озабоченно вздыхает.*) Я-то недоглядел… Молодо-зелено! (*Бормочет что-то, чего понять нельзя.*) Жизнь-то прошла, словно и не жил… (*Ложится.*) Я полежу… Силушки-то у тебя нету, ничего не осталось, ничего… Эх ты… недотепа!.. (*Лежит неподвижно.*)»

Поставил точку. Перечитал вполголоса, как бы пробуя слова на вкус и проверяя на соответствие своим видениям. Обмакнул перо в чернильницу и, словно боясь спугнуть настроение, дописал заключительную ремарку:

> «Слышится отдаленный звук, точно с неба, звук лопнувшей струны, замирающий, печальный. Наступает тишина, и только слышно, как далеко в саду топором стучат по дереву.
>
> *Занавес*».

Действующие лица:

Книппер-Нардов Владимир Леонардович (1876–1942) – *брат жены А.П. Чехова. Певец, засл. арт. РСФСР. Работал в Большом театре.*

Книппер Лев Константинович (1898–1974) – *брат О.К. Чеховой. Сов. композитор, автор оперы «Северный ветер», симфоний, песни «Полюшко-поле». Служил в Белой армии, в ОГПУ-НКВД.*

Книппер-Чехова Ольга Леонардовна (1868–1959) – *жена А.П. Чехова (1901–1904). Окончив муз. – драм. училище Московского филармонического общества, работала в МХТ. Нар. арт. СССР. Лауреат Сталинской премии, награждена орденами Ленина.*

Чехов Александр Павлович (1855–1913) – *брат А.П. Чехова. Окончил Московский университет. Служил в таможенных ведомствах, сотрудником «Нового времени», редактировал ряд журналов. Литератор.*

Чехов Иван Павлович (1861–1922) – *брат А.П. Чехова. Педагог.*

Чехова Ольга (Ада) Михайловна (1916–1966) – *дочь О. и М. Чеховых. Немецкая киноактриса. Погибла в авиакатастрофе.*

Чехов Николай Павлович (1858–1889) – *брат А.П. Чехова. Художник. Скончался от чахотки.*

Чехова-Руст Вера (Ольга) (1940) – *внучка О.К. Чеховой. Немецкая киноактриса. Лауреат премии «За вклад в немецкий кинематограф».*

Чехова Мария Павловна (1863–1957) – *сестра А.П. Чехова. Педагог, художник, создатель и хранитель Дома-музея Чехова в Ялте. Умерла от инфаркта.*

Чехов Михаил Александрович (1891–1955) – *племянник А.П. Чехова. Актер, педагог, режиссер. Снимался в кино. В эмиграции с 1928 г. (Германия, Франция, Чехия, Англия, США). Умер в Лос-Анджелесе.*

Чехова Ольга Константиновна (1897–1980) – *племянница О.Л. Книппер-Чеховой. Немецкая актриса театра и кино.*

Литература

Чехов М.П. Вокруг Чехова. Встречи и впечатления. М.: Московский рабочий. 1964.

Тихонова З. Л. Рейснер – дочь революции. Вопросы истории. № 7. 1965.

Мария Федоровна Андреева. М.: Искусство. 1968.

Константин Коровин вспоминает… М.: Изобразительное искусство. 1971.

Бердников Г. Чехов. М.: Молодая гвардия. 1974.

А.П. Чехов в воспоминаниях современников. М.: Художественная литература. 1986.

Бунин И. О Чехове. Собр. соч. в 6 томах. М.: Художественная литература. Т. 6. 1988.

Чехов М. Я готовлюсь к принятию будущей техники… Петербургский театральный журнал. № 7. 1995.

Яковлева Л. Былое. Петербургский театральный журнал. № 7. 1995.

Хандрос Б. Кто вы, Ольга Чехова? Зеркало недели (Киев). 20 июля 1996.

Шпеер А. Воспоминания. М.: Прогресс. 1997.

Судоплатов П. Спецоперации. Лубянка и Кремль. М.: ОЛМА-Пресс. 1997.

Геббельс Й. Дневники 1945 года. Последние записи. Смоленск: Русич. 1998.

Семашко И. Сто великих женщин. М.: Вече. 1999.

Байер Г. Династия Круппов. Караван историй. № 10. 1999.

Демидова А. Бегущая строка памяти. М.: ЭКСМО-Пресс. 2000.

Бюклинг Л. Михаил Чехов в западном театре и кино. СПб.: Академический проект. 2000.

Макаренко С. Тайная роль Государственной актрисы. Крестьянка. № 7. 2000.

Езерская Б. Великий русский актер Михаил Чехов. Вестник (США). № 25 (258). 5 декабря 2000.

Изгаршев И. Были и небыли. Чеховы: брак на крови. Аргументы и факты. 31 января 2001.

Шмидт П. Переводчик Гитлера. Смоленск: Русич. 2001.

Старосельская Н. Житие Агасфера. Иностранная литература. № 5. 2001.

Вульф В. Преодоление себя. Октябрь. № 8. 2002.

Егорова О. Фрау советской разведки. Спецназ России. Июль 2002. № 7 (69).

Чехов М. Путь актера. М.: АСТ. 2003.

Свиридов Г. Киллер для Гитлера. Тверская, 13 (Москва). 8 мая 2003.

Коонен А. Страницы жизни. М.: Вагриус. 2003.

Слепынин О. Белая дача. Ее кошмары и сладкие сны. Зеркало недели (Киев). 13 ноября 2004.

Арсеньева Е. Сквозь ледяную мглу. М.: ЭКСМО. 2004.

Кузичева А. Чеховы. Биография семьи. М.: Артист. Режиссер. Театр. 2004.

Репина Н. М. Пауэрс: «Мерилин Монро считала себя уродиной». Экспресс-газета. 4 марта 2005.

Юрьев О. Смерть в Баденвейлере. Nota Bene. № 480. 18 июня 2006.

Чехов М.А. Путь актера. М.: Транзиткнига. 2006.

Шиянов М. Через тернии к звездам Голливуда. Независимая газета. 19 июля 2006.

Войтинские Е. и Ю. Кто Вы, фрау Чехова? The West-East-Toronto. 19 сентября 2006.

Цветкова В. Михаил Чехов. Странный гений. Независимая газета. 29 ноября 2006.

Прудникова Н. Берия, Последний рыцарь Сталина. М.: ОЛМА-Медиагрупп. 2007.

Семенова Е. Штампованные свастикой. Независимая газета. 22 февраля 2007.

Машукова А. Сквозь дымку театра. Ведомости. Пятница. 12 октября 2007. № 39 (76).

NN. Как Гитлер скупал звезды. Pravda.ru. 15 октября 2007.

Рейфилд Д. Жизнь Антона Чехова. М.: Б.С.Г.-Пресс. 2008.

Христофоров В. Страницы истории: СМЕРШ. ФСБ: за и против. Май 2008. № 1.

Бурыкин А. Свободное время Михаила Чехова. Независимая газета, пр. «Станиславский». Июнь 2008. № 21.

Пржиборовская Г. Лариса Рейснер. М.: Молодая гвардия. 2008.

Кыштымова Т. Ономастическая игра в письмах А.П. Чехову (на примере обращений и самопрезентаций). Известия Уральского государственного университета. № 60. 2008.

Клейн Б. Биграфический очерк. Книппер-Чеховы: неожиданный поворот сюжета. Русский глобус. № 1. 2009.

Пальчиков Н. Порнобомба для Гитлера. Независимая газета. 6 марта 2009.

Крымова Н. Несыгранная роль Михаила Чехова. Современная драматургия. №№ 3–4. 2009.

Эрлихман В. Богиня сцены. Вокруг света. № 9 (2828). 2009.

Абин Н. Приступить к операции Ворон. Красная звезда. 25

декабря 2009.

Скороход Н. О том, что лежит под землей. Петербургский театральный журнал. № 1 (59). 2010.

Шеваров Д. После Чехова. Разговоры с Владимиром Книппером. Дружба народов. № 1. 2010.

Позднякова М. Ольга Книппер: «Ругаю себя». После смерти Чехова она продолжала писать ему. Аргументы и факты. 17 марта 2010.

Широков Р. Арийка с русскою душою. Ольга Чехова. Суперстиль. 23 марта 2010.

Атаманенко И. Били, били, не добили. Независимая газета. 22 апреля 2010.

Данилова Д. Собачий нюх. Независимая газета. 22 апреля 2010.

Вахрамов В. Блистательная Ольга. Новый взгляд. № 4. 6 мая 2010.

Марин А. Карьера Германа Геринга. ХайВэй. 8 мая 2010.

Гушанская Е. Брат вышеупомянутого… Нева. № 1. 2011.

Одыня Т. Михаил Чехов в Риге. Иные берега (Рига). № 2 (922). 2011.

Кубовская Е. Мата Хари и Ольга Чехова – легенды шпионажа. События (Крым). № 17 (10). 2011.

Томская А. Запах женщины. Из-за дам стрелялись. Почему? Новые Известия. 5 августа 2011.

Лыкова И. О. Книппер-Чехова: «Чехов мечтал о женщине-луне». Левый берег (Киев). 12 августа 2011.

Хазан Л. И. Гофман: «Пленные эсэсовцы из дивизии Эдельвейс планировали проникнуть во Дворец правосудия, чтобы освободить подсудимых главарей Третьего рейха в взять судей в заложники». Бульвар Гордона (Киев). Октябрь 2011. № 41 (337).

notes

Примечания

1

Браун (Гитлер) Ева Анна Паула (1912–1945) – жена А.Гитлера. Личный секретарь фюрера. 30 апреля 1945 г. покончила жизнь самоубийством вместе с мужем.

2

Молотов (Скрябин) Вячеслав Михайлович (1890–1986) – сов. полит. и гос. деятель, нарком иностранных дел. Почетный академик АН СССР. Герой Социалистического Труда, кавалер орденов Ленина и др.

З

Негри Пола (Барбара Аполония Халупец) (1897–1987) – киноактриса польского происхождения, секс-символ эпохи немого кино в Германии, США.

4

Леандер Цара (Зара) (1907–1981) – шведская киноактриса, певица. Работала в основном в Германии.

5

Дзержинский Эдмунд-Руфин Иосифович (1838–1882) – педагог, надворный советник. Преподавал в Таганрогской гимназии (1868–1875). Отец основателя ВЧК Ф.Э. Дзержинского.

6

Сулержицкий Леопольд Антонович (друж. прозвище «Сулер») (1872–1916) – русский театральный режиссер, художник, педагог, общественный деятель, толстовец. Один из организаторов студии МХТ.

7

Вишневский (Вишневецкий) Александр Леонидович (1861–1943) – актер, один из создателей МХТ. Герой Социалистического Труда (1933), засл. арт. РСФСР. Соученик А.П. Чехова по Таганрогской гимназии.

8

Юон Константин Федорович (1875–1958) – пейзажист. Лауреат Сталинской премии, кавалер ордена Ленина. Нар. худ-к СССР, действительный член Академии художеств.

9

Вахтангов Евгений Багратионович (1883–1922) – советский актер, театральный режиссер, основатель студии МХТ, с 1926 г. – Театра им. Вахтангова.

10

Артузов (Фраучи) Артур Христианович (1891–1937) – окончил Петроградский политехнический институт. В ВЧК с 1919 г. Расстрелян. В 1956 г. реабилитирован.

11

Белый Андрей (Бугаев Борис Николаевич) (1880–1934) – русский поэт-символист, писатель. Автор романов «Петербург», «Котик Летаев» и др. Умер от последствий солнечного удара.

12

Штайнер Рудольф Йозеф Лоренц (1861–1925) – австрийский философ-мистик, писатель, создатель духовной науки антропософии.

13

Дикий Алексей Денисович (1889–1955) – советский актер, режиссер. Нар. арт. СССР, лауреат пяти Сталинских премий, в т. ч. дважды за исполнение роли Сталина в кино.

14

Рейснер Лариса Михайловна (1895–1926) – участница Октябрьской революции, Гражданской войны. Журналист, писательница. Жена революционера, военного деятеля и дипломата Ф. Раскольникова.

15

Коминтерн – Коммунистический интернационал, международная организация, объединявшая коммунистические партии различных стран в 1919–1943 гг.

16

Дузе Элеонора Джулия Амалия (1858–1924) – выдающаяся итальянская театральная актриса.

17

Коонен Алиса Георгиевна (1889–1974) – нар. арт. РСФСР. Работала в Камерном театре. Жена А.Я. Таирова.

18

О’Кейси Шон (1880–1964) – ирландский драматург, представитель Ирландского литературного возрождения.

19

Чапек Карел (1890–1938) – чешский писатель, драматург. Автор пьесы «Средство Макропулоса», трилогии «Война с саламандрами» и др.

20

Масарик Томаш Гарриг (1850–1937) – 1-й президент Чехословакии, социолог и философ, член-корреспондент Британской академии.

21

Шмелинг Макс (Максимилиан Отто Зигфрид) (1905–2005) – 1-й немецкий чемпион мира по боксу в супертяжелом весе (1930 г.). Герой нацистской пропаганды. За спасение евреев награжден премией Р. Валленберга. После войны – коммерсант.

22

Зоннеманн (Геринг) Эмма Йоханна Хенни (1893–1973) – вторая жена Г. Геринга. После войны приговорена к году трудовых работ, запрету выступать на сцене. Автор книги «На стороне моего мужа».

23

Юрок Сол (Гурков Соломон Израилевич) (1888–1974) – американский продюсер, выходец из России. В США проживал с 1906 г.

24

Даговер Лил (1887–1980). Немецкая актриса театра и кино. Снималась также в Швеции, Франции, США.

25

Лемниц Тиана (1897–1994) – немецкая оперная певица (сопрано). Солистка Ганноверской, Дрезденской, Берлинской опер, выступала в Вене, Риме, Лондоне, Буэнос-Айресе.

26

Дитрих Марлен (Мари Магдалене) (1901–1992) – немецкая и американская актриса, певица. С 1939 г. – гражданка США.

27

Раубаль Ангелика (Гели) Мария (1908–1931) – племянница А. Гитлера. Предположительно, любовница фюрера. Покончила жизнь самоубийством.

28

Берия Лаврентий Павлович (1899–1953) – сов. гос. и парт. деятель. Генеральный комиссар госбезопасности, маршал СССР, 1-й зам. председателя Совета Министров. Герой Социалистического Труда. Расстрелян, обвиненный в шпионаже и заговоре с целью захвата власти.

29

Миклашевская (Спирова) Августа Леонидовна (1891–1977) – засл. арт. РСФСР, работала в Камерном театре. Близкая подруга поэта С.А. Есенина.

30

Блюменталь-Тамарин Всеволод Александрович (1881–1945) – засл. арт. РСФСР. В годы войны сотрудничал с оккупантами. Верховным Судом СССР заочно приговорен к расстрелу. В 1945 г. убит своим племянником И. Миклашевским.

31

Фон Рейхенау Вальтер (1884–1942) – генерал-фельдмаршал вермахта. Автор присяги на верность рейхсканцлеру А. Гитлеру. Командующий 6-й армией. Умер от сердечного приступа.

32

Удет Эрнст (1896–1941). Немецкий военный летчик, генерал-оберст. Покончил с собой, обвиненный в провале воздушной войны за Англию и программы развития «Люфтваффе».

33

Гиммлер Генрих (1900–1945) – немецкий гос. и полит. деятель. Рейхсфюрер СС, рейхсляйтер, имперский комиссар по вопросам консолидации германского народа. Покончил с собой.

34

Кальтенбруннер Эрнст (1903–1946) – генерал СС, начальник Главного управления имперской безопасности, статс-секретарь министерства внутренних дел. Казнен по приговору Нюрнбергского трибунала.

35

Крупп фон Болен Альфрид (1907–1967) – немецкий промышленник. В годы войны – координатор ВПК Германии и оккупированных стран. На Нюрнбергском процессе приговорен к 12 годам лишения свободы и конфискации имущества. В 1951 г. освобожден, занимался возрождением корпорации.

36

Абакумов Виктор Семенович (1908–1954) – Генерал-полковник, начальник Главного управления контрразведки СМЕРШ, зам. наркома обороны. Министр МГБ СССР. Расстрелян. В 1997 г. частично реабилитирован.

37

Муссолини Бенито (1883–1945) – итальянский политический деятель, лидер фашистской партии, премьер-министр, 1-й маршал империи.

38

Борман Мартин (1900–1945, по др. сведениям – 1973) – немецкий полит. и гос. деятель. Начальник канцелярии НСДАП, рейхсляйтер, рейхсминистр по делам партии.

39

Качалов (Шверубович) Василий Иванович (1875–1948) – нар. арт. СССР, лауреат Сталинской премии, актер МХАТа.

40

Берзарин Николай Эрастович (1904–1945) – советский военачальник, генерал-полковник, первый комендант оккупированного Берлина, Герой Советского Союза. Погиб в автокатастрофе. По другой версии, убит боевиками «Вервольф».

41

Вадис Александр Анатольевич (1906–1968) – генерал-лейтенант, начальник управления контрразведки СМЕРШ в Германии. Кавалер орденов Ленина и др. После войны – замминистра МГБ УССР. В 1953 г. уволен «по фактам дискредитации», лишен воинского звания.

42

Рыбкина (Воскресенская) Зоя Ивановна (1907–1992) – полковник. В ОГПУ с 1921 г. Работала за рубежом. Кавалер орденов Ленина и др. После оставки – детский прозаик, лауреат Госпремии СССР (1968).

43

Аденауэр Конрад Герман Йозеф (1876–1967) – 1-й федеральный канцлер ФРГ (1949–1963), председатель партии ХДС.